РФ
А 67

Песни сказки

СК
нд. 68

РФ
А 7

ПЕСНИ СКАЗКИ

Ч/з Абон. Отд.
Детская
гр.

Пензенское
Книжное
Издательство
1962

Ч/з 22488

Сборник народных песен, припевок, загадок, сказок и преданий, пословиц и поговорок составлен без привлечения каких либо архивных и литературных источников — все записи сделаны от людей, сохранивших в своей памяти те или иные виды народного поэтического творчества.

Сборник составила А. П. АНИСИМОВА.

Художник В. В. СИТНИКОВ.

При оформлении использованы детские рисунки, ажурные вырезки, собранные составительницей в 1953—59 гг.

РОДНОЕ СЛОВО

В старину в крестьянских семьях женщины, девушки и даже девочки лет с десяти по целым дням были заняты работой в поле, в огороде, на дворе и дома. Матерям некогда было приглядеть за малыми детьми, только ночью могли они побыть с ними.

Днем с детьми водились главным образом бабушки или старшие сестренки—девочки лет семи-восьми. Старшую сестру младшие в семье дети обычно звали: няня, нянька. За многими старшими в семье девочками на весь их век закреплялось почетное звание няни—няня Окся, няня Настя, няня Наташа. Бывало, пишет солдат письмо домой, так он не забудет и о той, которая водилась с ним в его детские годы: «Еще кланяюсь няне Маше и шлю с любовью низкий поклон...» Для него она осталась няней Машей, независимо от того, живет ли она в этой же семье или вышла замуж и стала, как говорится, отрезанным ломтем. Девушек, оставшихся вековать незамужними, не только свои семейные, но и неродные (например, соседи) с уважением называли нянями — няня Варвара, няня Даша, няня Маша...

Укачивая детей, бабушки и сестренки-няни напевали протяжные, усыпляющие, как бы завораживающие песенки-баутки:

— О-о-о-о-о-о,
Все соседи спят давно...
А бай, бай, бай,
Спи, маленький, засыпай...

Или:

— У кота-воркота
Была мачеха люта,
Она била кота,

Приколачивала,
Приколачивала
Да приговаривала:
«А та-та, та-та, та-та,
Мне не надобно кота,
А я этого кота
Прогоню за ворота...»

Ребенка, с первых дней его жизни, матери, бабушки и сестренки-няньки занимали «агу́нюшками», лю́бленьками», «потягу́нюшками». Еще в пеленках учили малыша смелее, решительнее двигать руками и ногами. Эту своеобразную гимнастику сопровождали приговорками вроде:

— Тяну холсты
Суровы́, толсты́,
Не золёные,
Не белёные
Да не лощёные...

А позднее, когда малыш силился встать на ножки, ему, помогая приподняться, припевали:

— Тянем, потянем,
На ноженьки встанем...

Купали ребенка под занимательные приговорки о плывущей рыбке, о легкой водичке. Окачивали со словами:

— Ух! С гуся вода,
А с Васеньки худоба!

— Водица, дождичком скатись,
А Машенька расти-тянись!

На самые разнообразные плясовые напевы бабушки и нянюшки припевали-приговаривали веселые «Туту́шки», «Ла́душки», «Забáвушки».

— А та-та, та-та, та-та,
Пожалуйте решета —
Мучки просеять,
Пироги затеять.
А, ладушки, ладушки,
Затеем оладышки,
Испечем блинка
Покормить сынка...

В складывании «забáвушек» большими искусницами были многие бабушки. Пока дите еще несмышленыш, еще не разбирается в словах, главным было позабавить его веселым напевом, а слова — не все ли ему равно какие. Вот и припевает бабушка, что ей на ум взбредет, высказывает свои заботы о недоделанных хозяйствен-

ных делах — о незагороженом заборе, о нескороженом (не вскованном) огороде. Выскажет и свою тревогу о дедушке, которого что-то долго нет с базара. Где бы ему быть?

— А дидили, дидили,
А где деду видели?

Может быть, он

На базаре в лавочке
Покупал булавочки...

А может быть, забыл бабушкин наказ и сейчас он (неладный старичишка!)

На базаре в кабаке
С полбутылочкой в руке...

Да нет, не такой уж беззаботный дедушка. Куда он денется? Придет наш старый.

...А дидили, дидили,
А где деду видели?
Домой дедушка идет,
Калача Ване несет...

Так и привыкает малыш сначала к песенному складу и ладу, а потом и к слову. А бабушка у него храбрая, она ничего не боится. С ней не страшно. Вон как она про волка поет:

...— А я волка прогоню —
Кочергой его побью,
По губам, по зубам
Сковородничком поддам...

Она и на дедушку грозится:

...— Мы по дедушке кнутом,
Слушай бабушку путем —
Ты не пей винцо,
Не теряй кольцо...

Забавными песенками знакомит бабушка внука или внучку и с воробушком, который на завалинке чирикает, и с грачами, которые «на веточке сидят», и с петухом, и с кошкой, со всем, что малыш видит вокруг себя.

Маленькие девчурки — няни — сами еще не научились выдумывать «забавушки» для малышей, они повторяют то, что услышат от своих и от чужих бабушек. Но склад и лад песенок для детей они уже поймали, голос ведут как надо.

Говорят: «Без синяков, без шишек ни одно дите не росло». Бывает, не удержится ребенок на ногах, шлепнется на пол или заши-

бется обо что-нибудь. С непривычки-то больно. Ну и разревется-расплачется. А у бабушки, или у нянюшки, утешенье готово — она погладит ушибленное место, подует, добрым словом примолвит:

— У сороки заболи,
У вороны заболи,
У Санюшки подживи!

Ну, и полегче станет.

Падают у ребенка молочные зубы. Не очень ему приятно беззубым ходить. И на это огорченье готово утешенье: взрослые уверяют, что вырастет у него зубок лучше прежнего, велят закинуть выпавший зуб за печку или в подпечку и подскажут старинную-старинную приговорку:

— Домовой, домовой,
На тебе зуб липяной
(или — репяной),
Дай Яшеньке костяной!

Или:

— Мышка, мышка,
Возьми зубок репяной,
Принеси Петеньке костяной!

Жизнь во всем ее многообразии, во всей красочности и загадочности сельские дети познают, непосредственно наблюдая явления природы—смену дня и ночи, смену времен года. Они видят дождь, грозу, снег, видят цветение растений и появление плодов. Сев, всходы и созревание хлебов, рождение и рост домашних животных и их повадки — все это с детства знакомо сельским жителям.

Для детей все в природе живое. И они разговаривают с солнышком, с дождем, с тучей, с дугой-радугой.

— Солнышко-вёдрышко,
Погляди в окошечко,
Уйди, день ненастный,
Приходи, день красный.

Обращение к туче:

— Туча-гром, туча-гром,
Не грозись огнем,
Проливайся дождем...

Март—первый весенний месяц. Радостно встречали сельские дети приход весны. В день весеннего равноденствия (9 марта по старому стилю) они праздновали прилет жаворонков. Утром, чуть свет, матери пекли из теста подобие птичек: раскатанную скалкой пышку надрезали в двух местах, средний клин оставался как хвост, а два крайних крылышка закидывали на спинку будущей «жаворонки».

Противоположную хвосту сторону лепешки собирали в головку и вставляли глаза из горошин или из конопляного семя. Каждый из детей получал такую вкусную, зарумянившуюся в печке «жаворонку». А одну «жаворонку», раскрашенную яркими фуксинными красками, дети выносили на двор, закидывали на крышу навстречу солнцу и песней зазывали вестников весны:

— Жаворо́нки, прилетите,
Кра́сну ве́сну принесите!
Нам зима-то надоела,
Она хлебушко поела...

Бабушки, матери и старшие сестренки напоят-накормят малых, обмоют, обошьют, песенками и прибаутками позабавят. Деды и отцы тоже не оставались в стороне от воспитания детей. Первую игрушку — волчок, первую «ветрянку», первого «коня» (палочку, на которой верхом ездят) кто малышу делал? Наверно, дедушка или отец. Кто дал ему в руки гвоздь и молоток? Кто учил делать свистульки и насосики из стеблей растений? Кто помогал мастерить первого бумажного змея с мочальным хвостом? Конечно, тятька или дедушка.

В долгие осенние и зимние вечера деды и отцы, бабушки и мамки рассказывали увлекательные сказки про Сивку-Бурку, про гусей-лебедей, про Лутонюшку и про Бабу-Ягу, про медведя с отрубленной ногой:

— Ски́рлы́, скирлы́
На липовой ноге,
На берёзовой клюке.
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
И вода-то спит,
И земля-то спит,
Одна баба не спит—
На моей коже сидит,
Мою шёрстку прядет,
Мое мясо варит...

Так из века в век от дедов и бабушек, от отцов и матерей передавались детям и песенный склад и лад, и мудреные загадки, и сказочный оборот речи, и первые навыки в рукодельях и в мастерстве. А вместе с этим передавались любовь к труду, уваженье к золотым рукам, к людям, близким не только по крови, но и по духу, любовь к природе, к знакомым местам — любовь к Родине.

Так было.

Можем ли мы сказать, что теперь это отживает, становится лишним, устарелым, ненужным? Нет. Не можем мы этого сказать.

Правда, теперь воспитанию детей служат и детские сады, и множество заводных и незаводных игрушек, и книжки-картинки, и книжки с картинками, и детские песни и сказочки, передаваемые по радио, и фильмоскоп, и телевизор. Все это есть. Но на все детские «расскажи» и «покажи» это не успевает и не может отвечать. Не случайно в наши дни во многих сельских и городских семьях, наряду с пришедшими из книг Красной Шапочкой, Золушкой, Дюймовочкой, с Буратино и с Чипполино, живут и старинные русские Сивка-Бурка и умные Иванушки-дурачки. А наряду с пришедшими от книжек-картинок зайчиками в юбках, живы и бабушкины Мышка-норышка, и Кот-воркот, и Макар, который «по дорожке скакал, себе ножку сломал», и мужик, потерявший дугу, и находчивый Лутонюшка, не давшийся злющей Бабе-Яге, и множество старинных и новых считалочек и игровых приговорок.

Как и сто лет назад, над селом или над городом летает в ясном осеннем небе бумажный змей с мочальным хвостом. Как и сто лет назад, в непогожий осенний вечер дедушка придумывает и рассказывает внучке сказочку про Машеньку, которая потерялась в лесу, и про добрую Медведицу, которая помогла ей дойти к папе с мамой. Пусть этот дедушка — директор завода. Пусть в квартире есть радио и телевизор, много игрушек и книжек с картинками. Внучке нужна именно дедушкина сказка, рассказанная просто, как дома говорят, а поэтому особенно близкая и понятная.

Пятилетняя дочка учителя, которая ходит в детсадик, хочет услышать совсем новую сказку, не такую, как в книжках. Деваться некуда, и папа придумывает и рассказывает сказку про Мышку-трусишку, которая, попав в беду, оказалась очень храброй. Девочка довольна. И папа тоже.

В одной беседе с учениками пятого класса зашла речь о самых любимых сказках. Один мальчик сказал:

— Больше всех я люблю сказку про Сивку-Бурку. Я ее слышал от дедушки, еще давно — когда маленький был...

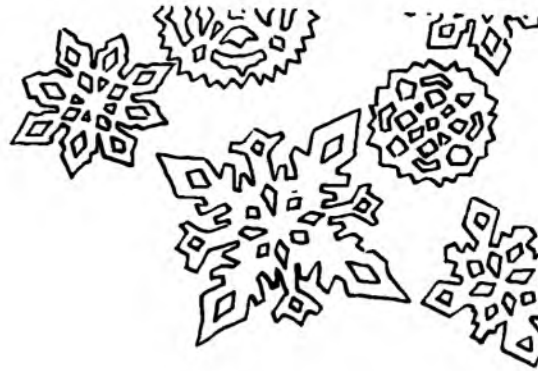
Из дальнейшего разговора выяснилось, что после мальчик читал сказку в книге, но... дедушкина была лучше.

— А почему?

— Не знаю. Наверно потому, что дедушка очень хорошо рассказывал. Я ее никогда не забуду.

Таких примеров можно привести очень много. Но, кажется, и этих достаточно, чтобы сделать вывод: детям очень нужно теплое, живое, родное слово, простая, привычная, домашняя, родная речь.

А. Анисимова.



КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

БАУТКИ

Как у котика-кота
Была мачеха люта,
Она била кота,
Приговаривала:
— Уж ты, котенька-коток,
Котик — серенький лобок,
Ты не бегай, коток,
По чужим по дворам,
Не качай ты, коток,
Чужих детушек.
Приди, котик, ночевать —
Мою доченьку качать.
Я тебе ли коту
За работу уплачу:
Дам кувшин молока
Да кусок пирога.

А качи́, качи́, качи́,
Прилетели к нам грачи.
Прилетели к нам грачи,
Похватали калачи.
— А качи́, качи́, качи́.
Каки́ ваши калачи?
— А качи́, качи́, качи́.
Наши — мягки, горячи́.

Записала М. И. Галкина.
Пенза, 1960 г.

— Аа́-та́-а-та́-а-та́,
Поймал дедушка кота,
А бабушка кошку
За левую ножку.
Кошка песенки поет,
Ване спать не дает.
Я возьму прути́ще,
Прогоню коти́ща:
— Брысь, кот, от ворот!
Беги, кот, в огород!
Ваня глазки трет,
Сладкий сон к себе зовет.
Ты усни, усни, глазок,
Ты усни, усни, другой.
Ты не слышь, не слышь, ушко́,
Ты не слышь, не слышь, друго́.

Записала Е. К. Медянцева.
Село Михайловка Лунинского района.

* * *

— А баю́, баю́, баю́,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Будет Маня крепче спать.

А баю́, баю́, баю́,
А я песенку спою.
А́ю, ба́ю, ба́ю, ба́й,
Спи, Манюшка, засыпай,
Спи, доченька, засыпай,
Крепче глазки закрывай.

* * *

А баю́, баю́, баю́,
Не ложися на краю —
Придет серенький волчок,
Схватит Маню за бочок.
Схватит Маню за бочок
И ута́щит за лесок.
Под зелененький кусток,
На беленький на песок.
А баю, баю, баю,
А я волка прогоню,
А я волка прогоню —
Кочергой его побью,
По губам, по зубам
Сковородничком поддам.
А я волка толк да толк,
Не ходи к нам, серый волк,
Не ходи к нам, не ходи,
Мою Маню не буди.

Из записей А. П. Анисимовой.

ЗАБАВУШКИ

ТУРУ-ТУРУ, ПАСТУШОК

Тень-тень-веретень,
Выше города плетень,
Там церква́ стоят,
В колоко́ла звонят:
— Дон-дон-дилидон,
Едет царь Дормидон,
Сидит на перине,
Едет к Катерине.
Катя-Катерина
Уродила сына,
Сына Максима,
Полтора аршина.
Баушка Орина,
Прими мово сына.

Кума Пелагея,
Беги поскорее,
Подай полотенце
Прикрыть молоденца,
Молоденец невелик —
Во всю лавочку лежит,
Вот и вскочит побежит,
Вся земля задрожит.

* * *

У нашего господина
Разыгралася скотина —
И коровы и быки
Разúнули кадыки,
И свинья хрючúт,
И петух кричит.
Услыхали утки,
Заиграли в дудки:
— А дуду, дуду, дуду,
Сидит ворон на дубу.
А седой-то баран,
Он ударил в барабан:
— У нашего барина
А новая барыня,
В синем сарафане
Сидит на диване.
Барыня-то плачет,
А курица кудачет:
— Как, как, как-кудак,
Как-кудак, как-кудак!
Ай, барыня, угорела —
Много сладкого поела?
А барыня, барыня,
Чего тебе надобно —
Семечка ль толчёного,
Горошку ли мочёного?

Записала А. П. Анисимова в селе Новая Ерыкла Симбирской губернии. 1898—1900 гг.

А та́точки, та́точки,
Обморозил пяточки,
Стал в сапо́жках ходить,
Огороды городить.
А ла́ды, ла́ды, ла́ды,
Не посажены сады,
Не гороженые,
Не скороженые.
А мы с Ванюшкой пойдем,
И посадим и польем.
А дедушка стар стал,
Слушать бабушку не стал.
Мы по дедушке кнутом,
Слушай бабушку путем:
Ты не пей винцо,
Не теряй кольцо,
Кольцо пригодится —
Ванюшке жениться.

Записала А. П. Анисимова от Т. В. Аксеновой в селе Поиме Пензенской области. 1940 г.

* * *

— Туру-туру, пастушок,
Калиновый посошок,
Где ты лето летова́л,
Где ты зиму зимовал?
— У царя в Москве
На дубовой на доске.
— А что царь делат?
— Царь указы пишет,
На девицу дышит:
«Деви́ца, деви́ца,
Сходи́ по водицу,
Напой мово ко́ня,
Среди чиста поля,
На камушке стоя».
«Я волков боюся».
«Волки на работе,

Сова на болоте,
Платье колотит,
На колышек вешат».
Колышек сломился,
В Суру покатился...

Стук, стук, стука́лочки,
Козел едет на палочке,
Коза на тележке,
Щёлкает орешки.
А орешки не простые,
Серебряны, золотые,
Позолоченые,
Расколоченые,
Очень мяконьки
Да очень сладеньки.
— Уж ты, козлик, козёл,
Где орешки нашёл?
— А я по лесу гулял,
На кусточках рвал,
Да в лукошко клал.

— Лиса по лесу ходила,
Лиса лычки драла,
Лиса лычки драла,
Лиса лапотки плела —
Всем детишкам по ступнишкам,
Себе лапотки.

— Дыбо́чки, дыбо́чки
На первом годочке.
Куплю я сыночку
Тёплые сапожки.
Тёплые сапожки
Наденем на ножки.

А ноженьки топ, топ,
А сапожки хлоп, хлоп.
Соберу все пятачки,
Куплю Сане башмачки.
Башмачки намазаны,
На заказ заказаны.
На заказ заказаны.
А сказочки сказаны.

Записала Е. К. Медянцева.

— Лиса шла, шла, шла,
Лапоток нашла.
Пошла лиса лисова́ть —
Лапоток менять:
По лапте-то — ку́ру,
По куре́-то — у́тю,
По уте́-то — гуся́,
По гусе́ — бара́на,
По бара́не-то — быка,
Ратома́на-новика́.
Лиса гнала быка,
Приговаривала:
— Шню, шню, мой бычок,
Ратома́н-новичок.

Записала З. А. Бокова от В. Ф. Боковой, 80 лет. Село Казеевка Терновского района. 1960 г.

— Уж ты, Петя-Петушок,
Золотой гребешок,
На поветь залетел,
Громко песенку запел:
— Ку-ку-ку-куреку!
А я рано встаю,
А я громко пою,
Мане спать не даю!

— А тата, тата, тата,
Вышла кошка за кота,
За молоденького
Да за хорошенького,
За Кота Котовича,
За Петра Петровича.

— Пошёл котик во лесок,
Нашёл котик поясок.
Котик шёл, шёл, шёл,
Три копеечки нашёл,
Никому не сказал,
Побежал на базар,
Купил рукавички,
Подарил сестричке —
Маленькой сестрёночке
Серенькой кошчоночке,
Кошка их не носит,
Перчаточки просит.

* * *

— А тара́, тара́, тара́,
Собрались три топора,
Поехали со двора
Они в лес по дрова,
По сосновенькие,
По дубовенькие.
Мы ходили по лесу
Не слыхали голосу.
Поехали ко дворам,
А навстречу нам баран.
Ой, баран, баран, баран,
А на нем серый кафтан.
Как затрёс рогами,
Завертел глазами,
Затопал ногами, —
Шут с ними с дровами!

72788

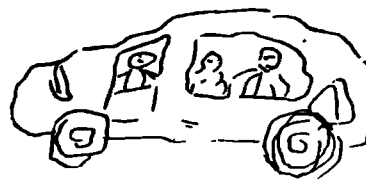
Обл.
Детская
ТЕКА

Шли мы из лесу домой,
А навстречу лесовой:[1]
— Где были?
— Гуляли
В лесу на поляне.
— Чего там видали?
— Кочки да пенёчки.
— Чего в лесу брали?
— Ничего не брали —
Веничков маненечко
Да камышу на дудки
Петьке да Васютке.

Из записей А. П. Анисимовой.

---

[1] **Лесовой** (или полесовщик) — лесник.



ДЕТСКИЕ ИГРЫ

ИГРА В КОРШУНА

Перед игрой считаются. Кому досталось ва́дить, тот изображает «коршуна» — он сидит и роет ямку. К нему подходит «клушка», за ней стоят «цыплята». «Клушка» спрашивает:

— Коршун, коршун, чего делаешь?
— Ямку рою.
— На что ямку?
— Копеечку ищу.
— На что копеечку?
— Иголочку купить.
— На что иголочку?
— Мешечек сшить.
— На что мешечек?
— Камушки класть.
— На что камушки?
— В твоих детей шурка́ть-бурка́ть.

«Коршун» бросается ловить «цыплят», «клушка» загораживает их, стараясь защитить их от «коршуна». Когда «коршуну» удастся поймать кого-нибудь, пойманный садится на его место. И опять начинается разговор с «коршуном».

Село Новая Ерыкла Симбирской губернии. 1900—1902 гг.
Запись А. П. Анисимовой.

ИГРА В ЛОВИЛКИ

Считаются. Тот, кому ва́дить, — волк. Он садится на место. Остальные подходят (не очень близко) и, наклоняясь, будто собирают ягоды, приговаривают:

— Беру, беру ягодки
На поповой грядке.
Волки за горами,
Бегите за нами!

Или:

— На бору́, на юру́
Красны ягодки беру.
Волки за горами,
Бегите за нами!

Волк бежит ловить. Пойманный садится на место волка.

Села Новая Ерыкла и Зеленец Симбирской губернии. 1899—1904 гг.
Запись А. П. Анисимовой.

ГОРЕЛКИ

Считаются. Один становится ва́дить (гореть), остальные встают парами на некотором расстоянии от горящего. Приговаривают:

— Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо —
Птички летят!

При словах «Птички летят!» передняя пара разбегается в стороны, чтобы, обежав «горящего», опять соединиться рука с рукой. Если тот, что «горит», не поймает ни того, ни другого, то пара возвращается и становится последней, а неудачливому ловцу—опять гореть. Если же который-то из пары пойман, то оставшийся без пары становится «гореть». Бежит следующая пара.

Ловкий бегун недолго «горит». Но когда гореть достанется неловкому, неповоротливому, то — зава́дят!

Село Зеленец Симбирской губернии.
1906—1909 гг.
Запись А. П. Анисимовой.

СЧИТАЛОЧКИ

Перед нача́лом игры в прятки, в ловилки, в лисы-собачки и во многие другие игры дети считаются—кому достанется ва́дить. Играющие становятся в круг, один из них, приговаривая считалочку, указывает при каждом слове по очереди на каждого. На кого приходится последнее слово, тот выходит из ряда. Оставшиеся снова считаются. И так до тех пор, как останется один. Этот последний и должен ва́дить.

— Заяц белый, куда бегал?
— В лес-дуброву.
— Чего делал?
— Лыки драл.
— Куда клал?
— Под колоду, под пенёк.
— Поди выдь, паренек.

* * *

— Заяц белый, куда бегал?
— В лес-дуброву.
— Чего делал?
— Лыки драл.
— Кто украл?
— Родион.
— Поди вон.

* * *

— В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, ботинки,
Что угодно для души.

* * *

— Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет:
— Пиф! Паф!
— Ой, ой, ой!
Убегает зайчик мой.

— Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник стал стрелять:
— Раз, два, три, четыре, пять!
Не ходи, зайчик, гулять.

— Треньчики, бубенчики,
Летели голубенчики
Через крышу, чрез конек.
Выходи, паренёк.

— Раз, два — по дрова.
Три, четыре — притащили.
Пять, шесть — дрова есть.
Семь, восемь — сено косим.
Девять, десять — сено весить.

Из записей А. П. Анисимовой. Слышала в селах Новая Ерыкла и Зеленец Симбирской губернии. 1897—1905 гг.

* * *

— Раз, два, три, четыре.
Пять, шесть, семь,
Восемь, девять, десять.
Выплыл белый месяц.
Кто до месяца дойдёт,
Тот и прятаться пойдёт.

— Чи́ки, чи́ки, ве́нчики,
Царёвы коковки, золотовки.
Бежит вода из ограды
Сама третья́ из-под саду.
Поди вон, Родион,
Из окошка кувырком.

— Первенчики, другенчики,
Летели голубенчики
На божию росу,
На попову полосу,
Там ягоды берут,
Тебе ягодку дадут.

* * *

— Шла кукушка по́ мосту,
Захватила хворосту.
Куку, ступай в лес,
Сруби липу, сделай шест.

* * *

— Тундик, шундик,
Сам король.
Выходи, парень, долой.

* * *

— Покатили по дороге,
Поломали новы дроги,
Наехали на пенёк.
Выходи, паренёк.

Записала А. П. Анисимова в Пойме Пензенской области. 1949 год.

ГОРОДСКИЕ СЧИТАЛОЧКИ

— Дора, дора, помидора,
Мы поймали в саду вора,
Стали думать и гадать —
Как нам вора наказать?
Мы связали руки, ноги
И пустили по дороге.
Вор шёл, шёл, шёл
И корзиночку нашёл.
В этой маленькой корзинке[1]
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, ботинки,
Что угодно для души.

— Раз, два, три, четыре,
пять,
Шесть, семь, восемь, девять,
десять,
Выплывает белый месяц,
А за месяцем луна.
Мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
А я сяду и поеду.
Я поеду в Ленинград
Покупать себе наряд —
Красный, синий, голубой,
Выбирай себе любой.

— На золотом крыльце
Сидели:
Царь, царевич,
Король, королевич,
Сапожник, портной,
Кто ты есть такой?

[1] Эта старинная считалочка прабабушек, включенная в современную считалочку, с успехом служит их правнучкам.

— Катилась торба
С высокого горба,
В этой торбе есть хлеб, соль,
Вода, пшеница.
Кто с кем задумал поделиться,
Говори поскорей,
Не задерживай добрых
людей.

* * *

— Кады́, бады́,
Качай воды,
Корове пить.
Тебе водить.

— Шла собака через мост,
Четыре лапы, пятый хвост.

— Эники, бэники,
Ели варе́ники.
Эники, бэники,
Клёцк.

— Стакан, лимон.
Вышел он.

Записала А. П. Анисимова в Пензе. 1959—1960 гг.

— Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар.
— Аты-баты, что купили?
— Аты-баты, самовар.

— Аты-баты, сколько дали?
— Аты-баты, три рубля.
— Аты-баты, сколько сдачи?
— Аты-баты, полтора.

* * *

— Шла кукушка мимо сети,
А за нею малы дети.
Кук, мак,
Спрячь кулак.

— Ку́льчик, мальчик,
Сам корольчик,
Потеряли колокольчик.
Нашёл Ванька-писарь,
За то вышел.

Записал В. В. Воробьев. Пенза. 1960 г.

— Пе́ря, е́ря, чу́ха, лу́ха,
Пя́та, со́та, и́ва, ду́ба,
Мак, клён, крест.
Шышел-вышел, вон пошёл.

— А́том, ба́том, чуманчу́,
Чунчере́ки, а́тамбу,
Бу́мби, зе́ри, воронта́с.
На дворе вечерний час.

— Раз, два, три, четыре,
пять,
Шесть, семь, восемь,
Девять, десять.
Вышел белый месяц.
Царь велел его повесить.

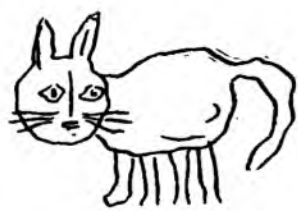
— Ехал мужик по дороге
Сломал колесо на дороге.
Сколько гвоздей? Говори поскорей,
Не задерживай добрых и честных
людей.

— Энике, бэ́никэ, сутканэ́,
Абель, фа́бель, думанэ́,
Ти́ки, ви́ки, грамати́ки, граф.
Вышел маленький жираф.

* * *

— Ани, ба́ни, что под нами,
Под железными столбами?
— Стульчик, бульчик,
Сам корольчик.
На тележке колокольчик.

Записала М. И. Галкина. Пенза. 1960 г.



ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

ЖАВОРОНКИ, ПРИЛЕТИТЕ!

Жаворóнки, прилетите,
Вёсну крáсну принесите
С ясным солнышком,
С тёплым дождичком.
Жаворóнки летят,
На нас глядят.
А мы семечка дадим,
Жаворонушек маним:
— Жаворóнки, прилетайте,
От нас зиму выгоняйте.
Принесите нам
Вёсну крáсную,
Лето теплое.
Красно солнышко,

Погрей с небушка —
Нам земля уродит
Много хлебушка.

Село Новая Ерыкла Симбирской губернии. 1899 г.
Запись А. П. Анисимовой.

— Жаворо́нки,
Прилетите к нам,
Жаворонки,
Принесите нам
Вёсну красную,
Лето тёплое.
Нам зима-то
Надоела —
Она хлебушко
Поела.
Оставались крошки,
А их съели кошки.
Оставались ли́шки,
Утащили мышки.
Жаворо́нки, прилетите,
Весну с летом принесите.

Записала А. П. Анисимова в Поиме Пензенской области. 1943 г.

— Жаворо́нушки,
Мои матушки,
Прилетите к нам,
Принесите нам
Вёсну красную
С сохой, с бороной,
С кобылой вороной.
Отнесите от нас
Зиму́ холодную,
Да студёную,
Да морозную.

Жаворо́нушки,
Мои матушки,
Принесите нам,
Вёсну кра́сную
Лето тёплое.

Записано от А. П. Поспеловой в Чембаре (теперь гор. Белинский Пензенской области).

— Жаворо́нки, жаворо́нки,
Прилетите,
Кра́сну вёсну принесите,
Нам зима-то надоеда,
Весь и хлебец-то поела
И соломку пожрала. Шу!

Записала А. Т. Сердакова в селе Борма Самарской губернии. 1919 г.

В некоторых селах «Жаворонки» пели не только дети, но и взрослые — молодые женщины и девушки.

— Жаворо́нки, прилетите,
Кра́сну вёсну принесите.
Нам зима-то надоела,
У нас хлеб-то весь поела
И соломку сожрала,
И дрова-то все пожгла.
Принесите, вольны пташки,
Всем по красной по рубашке,
Принесите вы, кукушки,
Всем по красной по мото́шке,
А вы, малые касатки,
Всем рубашки полосаты,
Вы, просянки, перепёлки,
Всем по новенькой кошолке,
А вы, галки, все по палке —
Бить непряху, бить неткаху,
Бить нела́потничков,[1]
Бить негра́мотничков.[2]

Записала Е. К. Медянцева в селе Михайловке Лунинского района.

[1] **Бить нелапотничков** — тех, кто не умеет лапти плести.
[2] **Бить неграмотничков** — тех, кто плохо грамоте учится.

ПЕСЕНКИ О ДОЖДЕ

— Туча-гром, туча-гром,
Не грозись огнем,
Проливайся дождем.
Над нашим двором
Лей, дождик, ведром.
А на наше поле
Поливай вдвое,
Там водица пригодится—
Больше хлеба уродится.

— Дождик, дождик,
Лей сильней,
Будет травка зеленей.
Дождик, дождик, пуще,
Налей ведро гущи,
Поливать капусту,
Чтобы росла густо.
Дождик, дождик, чаще,
Чтобы росла слаще.

— Дождик, дождик идет
На наш огород —
На нашу картошку,
На нашу моркошку,
На зелененький лучок,
А он вырастет высок.

— Дождик, дождик,
Лей-полей,
Воды не жалей,
Наше полюшко полей,
Чтобы было зеленей.
Лужи разольются,
Курицы напьются,
Гуси искупаются,
Свиньи измараются.

— Трах-трах-тарарах,
Едет баба на горах,
Падогом стучит,
На весь свет ворчит.
Идет дождик, гремит
гром,
Бежит бабушка с ведром,
А дедушка с плошкой
Прицопывает ножкой.

— Дуга-радуга дуга —
Крашёны ворота
Всему небу красота!

— Солнышко, ведрышко,
Погляди в окошечко,
Уйдёт день ненастный,
Придёт денёк красный.

РАЗНЫЕ ПРИГОВОРКИ[1]

— Божия коровушка,
Полети на небушко,
Там яблоки растут,
Тебе яблочко дадут.

* * *

— Божия коровушка,
Полетай на небушко,
Принеси нам хлебушка.

* * *

Отпуская мотылька на волю:

— Бабочка-бабурочка,

[1] Большая часть этих приговорок общеизвестна.

Не будь такая дурочка,
Летай, взвивайся,
В руки не давайся.

*

— Улитка, улитка,
Выпусти рога,
Дам тебе пирога.

* * *

Луковое перо, у среза разделенное на узкие ленточки, берут в рот и приговаривают:

— Бабка, бабка, завей кудри!
Бабка, бабка, завей кудри!..

Села Ульяновской области.

Тонкую прямую палочку в 5—6 четвертей высотой ставят на ладонь прямо, и шагая, куда она клонится, стараются удержать ее в таком состоянии. Приговорка:

— Калечина-малечина,
Простои до вечера!..

Село Чириково Ульяновской области.

* * *

Разыскивая завалившуюся куда-нибудь вещь (ключи, варежки, книгу и т. п.), приговаривают:

— Домовой, домовой,
Поиграй да опять отдай!

Казанская. Слышала от бабушки.

* * *

Дети, найдя оброненную или потерянную вещь (ленту из косы, мячик или лоточек для игры в песке), приговаривают, спрятав вещь за спиной:

— У кого чего пропало,
Ко мне на руки попало!
У кого чего пропало,
Ко мне на руки попало!

Потерявший должен угадать, что спрятано за спиной.

Пенза.

* * *

— Червяк, червяк,
Дай путы́,
Если ты не дашь путы́,
Засечем тебя в кнуты.

Село Сурское Ульяновской области. Гусеница яблоневой плодожорки спускается из яблока на паутинке.

* * *

Шуточные приговорки коренных грибовниц:

— Палочка-помогалочка,
Сошвырни листок,
Покажи груздок!

Слышала от казанской бабушки Т. Т. Федоровой в 1909 году.
Из записей А. П. Анисимовой. 1898—1960 гг.

* * *

— Эй, грибы!
Вставайте на дыбы,
Мы за вами идем.

Записала М. П. Смирнова. Село Русский Ишим Пензенской области. 1960 г.

ПЕСНИ В ГОРОДИЩЕНСКОМ РАЙОНЕ

В XVII веке для охраны границ Русского государства от набегов ногайских ханов царское правительство начало сооружать оборонительную линию (в виде засек, рвов, валов) с возведением на ней небольших крепостей — острогов. В сторожевую службу при оборонительной линии государство посылало русских служилых людей. На территории, занимаемой теперь Пензенской областью, начали селиться и другие русские люди — беглые крепостные крестьяне и мастеровые, старообрядцы-раскольники. Но таких русских поселений было немного, и население в основном составляли мордва и (в меньшей доле) татары.

Массовое заселение Пензенской губернии русскими людьми произошло в XVII и XVIII веках, когда царское правительство раздаривало обширные поместья выслужившимся дворянам, князьям, боярам. Получив новые земли, помещики переселяли на них часть крепостных крестьян из своих старых вотчин—из северных и южных губерний, из Подмосковья. Так создавались новые деревни и села. Население стало в основном русским.

Городищенский район в наши дни населяют русские, мордва и отчасти татары. Преобладают русские. Села Архангельское, Уранка, Борисовка, Павло-Куракино, Середа до революции принадлежали князю Куракину.

Район богат лесами. Кроме хлебопашества, жители занимались и ремеслами, — делали кадушки, бочки, лопаты, колеса, сани, ткали рогожи, кули.

Многие села основаны, очевидно, переселенцами с севера, об этом говорят цокающий говор (который, благодаря влиянию школ и города, почти не сохранился) и некоторые черты хорового пения, типичные для северян.

Рогожные кули в этих селах ткали целыми семьями, а за работой было принято петь, поэтому песни легко переходили от старших к младшим.

Восьмидесятилетний С. А. Коныгин из села Архангельского рассказывает:

— Летом пеньки корчевали да пахали сохой... А многие за Волгу ходили, нанимались там на лето в батраки к богатым мужикам. Собирались в Балакове на пристани из самых разных мест. Народу сходилось так много, что серпы и косы надо было поднимать над головой, чтобы не поранить стоявших рядом...

На заработки уходили и на Украину, и на Северный Кавказ. Завербовывались и в Оренбургскую губернию резать дрова...

С южно-русских степей и с Украины прогоняли гурты скота в Москву. Гуртовщики нанимали из местных жителей проводников. Останавливаясь на отдых, пели свои родные песни, рассказывали сказки, а местные жители все это воспринимали.

В гражданскую войну и в первую мировую войну многие солдаты побывали на Украине и в других местах.

И отовсюду люди приносили с собой новые песни и припевки. Поэтому в местных селах поют и украинские песни, а в русских упоминают названия рек, протекающих далеко от здешних мест, — Самара, Дунай, Дон....

В селах Городищенского района много народных песельников. Особенно песенными можно считать села Канаевку, Кардаву, Архангельское, Павло-Куракино, Уранку.

В селе Архангельском и сейчас многие занимаются ремеслами. Здесь два цеха промкомбината: бондарный и столярный. На станции Чаадаевка есть цех, изготовляющий рогожи и рогожные кули. Многие жители окрестных сел, в том числе и Архангельского, работают для цехов. Раньше работали при лучине или масло жгли. А сейчас в зимнее время встают утром при электричестве. Ткут целыми семьями и песни поют. Молодежь перенимает песни от стариков и вместе со старшими поет и старинные протяжные песни, и хоровые, и шуточные. Даже маленькие дети знают репертуар своих близких и просят спеть им ту или иную песню.

С молоком матери усваивают здесь традиции многоголосного пения. В унисон петь не любят и не умеют. В один голос исполняют лишь песни советских композиторов, которые, за редким исключением, не дают возможности импровизировать к ним подголоски.

Пение в небольших ансамблях двух-трехголосное. Трехголосие чаще всего строится следующим образом: основная мелодия проходит в среднем голосе, нижний подголосок поется чаще всего в терцию, а верхний подголосок является октавным удвоением нижнего. Если же поет небольшой хор, то типично пение в октаву и в терцию. В связи с этим в женской группе хора возникают регистровые и тембровые контрасты, а нередко и четырехголосные аккорды. В хоре есть и высокие, звонкие голоса, доходящие до «соль» 2-й октавы, и густые, мощные альты, легко берущие «ля» и «соль» малой октавы. Многие могут по желанию петь как первым, так и вторым голосом. Мужские голоса также обладают обширным диапазоном, но поют чаще всего в высоком регистре, местами дублируя партию альтов.

В случае публичного выступления участники сельской художественной самодеятельности иногда не решаются петь свои родные песни, боясь, что из-за этого прослывут людьми отсталыми и некультурными.

В 1950 году, когда в Городище проводился районный праздник песни, съехались самодеятельные коллективы со всего района. Днем в парке около Дома культуры состоялось выступление сводного хора, а вечером в Доме культуры был дан концерт силами художественной самодеятельности района. Некоторые хоры и отдельные певцы не захотели петь свои с детства знакомые песни, они пели новые песни. Исполнение было бледное, и успеха они не имели. Зато как богато, во всей красе народной подголосочной полифонии прозвучали старинные протяжные и хороводные песни, исполненные колхозным хором села Канаевки! Слушатели, до отказа наполнившие зал, долго не отпускали со сцены полюбившийся им хор.

В состав Канаевского хора в то время входило около 25 певцов самого разного возраста: от стариков с поседевшими бородами до девушек и юношей, не достигших и 20 лет. Интересно, что руководила хором комсомолка Алексакина, которая, несмотря на молодость, пользовалась большим авторитетом у самых пожилых певцов хора.

В Городищенском районе записаны песни исторические, протяжные, лирические, шуточные, хороводные, песни типа баллады и городского романса.

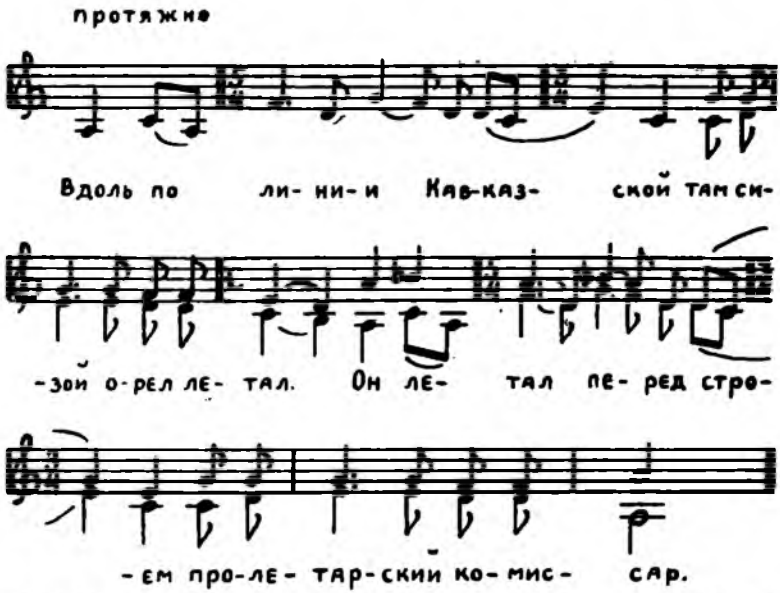
В поселке Середа от Потапова Ивана Петровича 1891 года рождения записана солдатская песня «Поле чистое турецкое». Он узнал ее в детстве от отставного солдата Егорова Степана Яковлевича. Песня эта общеизвестна. Примерно с таким же текстом она помещена в сборнике Лопатина и Прокунина «Русские народные лирические песни» в том виде, как она пелась в 1856 году солдатами 18-й пехотной дивизии. Однако напев, записанный Лопатиным и Прокуниным, совершенно иной. Он гораздо ближе по характеру к мелодиям протяжных песен, в нем отсутствует типичный для марша пунктирный ритм. В книге Христиансена «Современное народное песенное творчество Свердловской области» приводится старинная солдатская песня «Уж ты, поле». Текст мало отличается от упомянутых двух вариантов, но напев совершенно самостоятельный. Такое разнообразие напевов при довольно устойчивом тексте можно объяснить отчасти тем, что нередко песни распространялись, кроме обычной для народного творчества устной традиции, через сборники, которые печатались без нот. Имея на руках тексты, народные певцы сами создавали новые мелодии.

Не случайно А. М. Горький сказал, что «Русская песня—это русская история». Народ хранит в песнях воспоминания о любимых героях. Одна из таких песен воспевает подвиги казачьего атамана Платова. Она записана в 1959 году в селе Архангельском от Конышина Сергея Афанасьевича 80 лет.

Песня «Волушка» (Волга) связана с введением в 1874 году всеобщей воинской повинности. В ней рассказывается о том, как отец с матерью решают, кого из трех сыновей отдать в солдаты. Напев очень похож на причитания. «Волушка» записана в 1959 году в поселке Середа от Потаповой А. А.

Широкая Волушка да разливалася, разливалася,
Во крутые берега да не вбиралася, не вбиралася,
Потопляла Волушка да долы и луга, луга зелены...

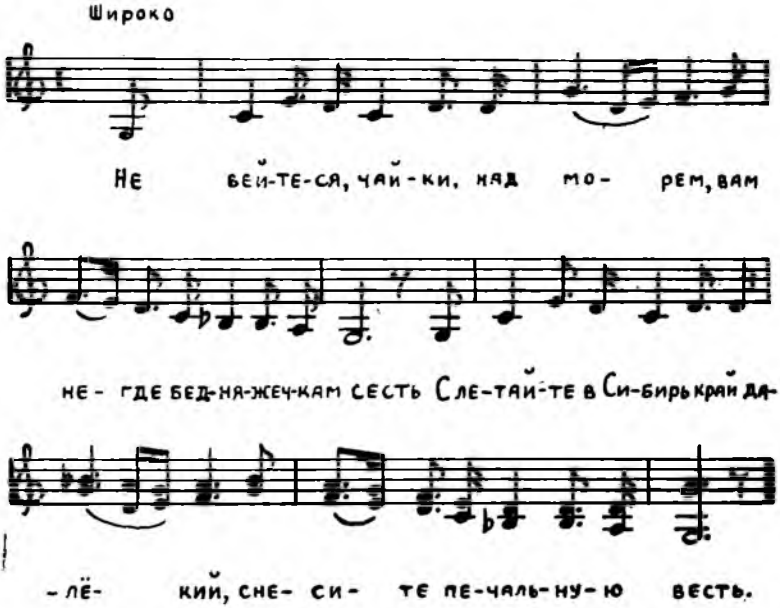
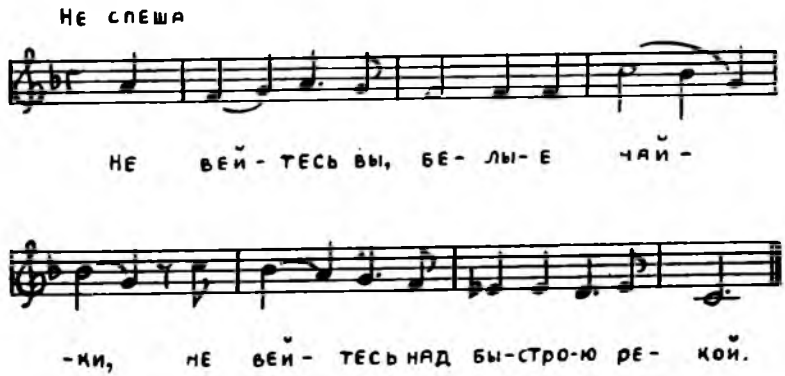
Особый интерес представляют песни о гражданской войне, созданные самим народом на основе мелодий старых песен, но уже с новым содержанием.

В селе Кардава от заведующего избой-читальней Ивана Лабарева, который руководил в то время колхозным хором, записаны в 1951 году две песни о гражданской войне. Песня «Вдоль по линии кавказской» создана на основе старинной песни «Под ракитою зеленой», которая также встречается в Городищенском районе и записа-

на в селе Архангельском. Мелодия песни «Вдоль по линии Кавказской»[1] более интересна в отношении ритма.

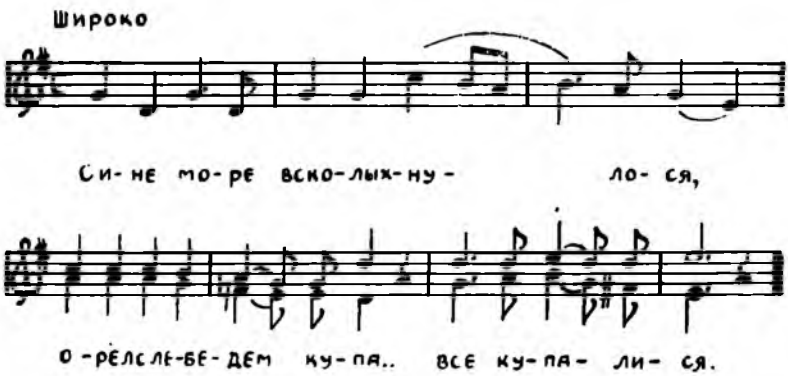
Песня «Не вейтеся, чайки, над морем»[2] посвящена гражданской войне в Забайкалье. В ее мелодии есть довольно явственные отголоски строевых солдатских песен, что не мешает ей быть протяжной.

А в Архангельском записана песня «Не вейтесь вы, белые чайки», послужившая основой для создания песни «Не вейтеся, чайки, над морем». Напев ее несколько иной, и по содержанию она не имеет ничего общего с гражданской войной.

Песни «Вдоль по линии Кавказской» и «Не вейтеся, чайки, над морем» могли бы войти в репертуар профессиональных и самодеятельных хоров. При соответствующей обработке они могут приобрести большую популярность. Кроме своей художественной ценности, эти песни о борьбе за Советскую власть имеют огромную идейную ценность. О важности собирания и пропаганды подобных образцов народного творчества говорил В. И. Ленин.

[1] Текст см. на стр. 66.
[2] Текст см. на стр. 67

В Городищенском районе записано довольно много протяжных песен. Некоторые из них посвящены тяжелой солдатской службе или смерти на чужой стороне, а бóльшая часть рассказывает о любви, о разлуке, о горестях девушки, покинутой любимым. Среди них

есть песни, испытавшие сильное воздействие города, а может быть, и пришедшие с городских окраин. Так, например, песня «Вспомни, милый, тот вечер веселый» заканчивается кадансом, совершенно не свойственным крестьянским песням.

Поют здесь и общеизвестную русскую песню «Ой да ты, калинушка». Она записана в селе Кардава от Ивана Лабарева в 1951 году. В ней есть небольшие ритмические изменения по сравнению с общеизвестным вариантом.

Интересна песня «Сине море всколыхнулося». Для нее характерен переменный лад. Начинается она в соль-мажоре, в середине появляется минорная доминанта, а заканчивается песня в ми-миноре. Песня очень старинная. Она напоминает о тех временах, когда беглым крестьянам приходилось скрываться вдали от родных мест. Типичное для протяжных песен иносказание, связанное с образами природы, придает тексту песни большую поэтичность. Записана она в селе Архангельском от Симгиной В. А. 40 лет.

Сине море всколыхнулося,
Орел с лебедем купалися.
— Уж ты, батюшка да рассизой орел,
Давно не был на родимой стороне,
Не видался с отцом с матерью —
Не плачут ли они, не печалятся ль?
— Во чистом поле огонек горит,
Он горит, горит светлехонек,
А дымок валит густехонек...

К сожалению, текст песни явно спутанный и незаконченный.

Среди протяжных песен, записанных в Городищенском районе, есть несколько явно украинских. Поэтичная и красивая песня «Молодой чумачек» записана в 1959 году в поселке Середа от Потаповой А. А. 63 лет. Хороша и песня «Гаем, гаем зелененьким». Она записана в 1959 году в селе Архангельском. Имеются три записи этой песни: в первый раз—от 16-летней девушки Ани Сладковой, второй раз Сладкова пела ее вместе с 17-летней подругой Клавдией Сидоровой, а в третий раз песня записана на пленку от небольшого хора, в котором пели десять пожилых и молодых певцов. Примечательно, что девушка, привыкшая к широкому хоровому распеву, не могла быть довольна своим сольным исполнением и, изменяя мелодию, пыталась возместить отсутствие хорового аккорда.

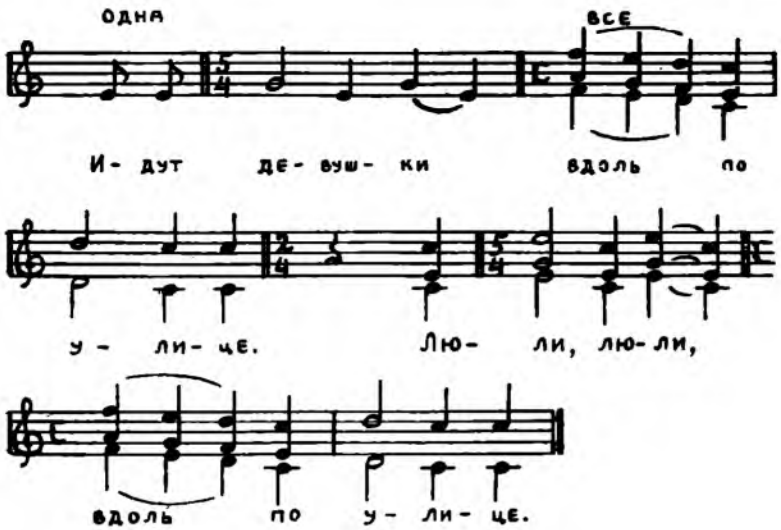
Известна в селе Архангельском также песня «Посеяла огурочки», записанная в 1950 году в г. Городище от студентки педучилища Антонины Куликовой.

В селе Архангельском записаны две старинные весенние лирические песни от домохозяйки Василисы Игнатьевны Осиповой 50 лет. Это типично женские песни. Весной, когда пробуждается ото сна вся природа, молодые женщины, многие из которых были выданы замуж насильно, вспоминают свою девичью волю и родительский дом. В годы Советской власти условия жизни женщины изменились, и эти песни, не имея прежней тесной связи с жизнью, начинают забываться. Одна из весенних лирических песен — «Как по улице Стрелецкой».[1] Мелодия заканчивается на доминанте. Текст отличается большой выразительностью и колоритностью.

В этом же селе записана песня на слова Жуковского «Кольцо души девицы». Текст остался почти неизмененным, а мелодия не имеет ничего общего с мелодией общеизвестного романса. Песня эта записана от хора.

В Архангельском записан ряд хороводных и шуточных песен. Хороводы сохранялись здесь довольно долго. И сейчас, в праздничные дни, главная улица села, по которой проходит шоссе Москва—Куйбышев, заполняется гуляющими и поющими людьми. В такие дни проходящие через село автомашины замедляют ход и с трудом пробираются между группами веселящейся молодежи.

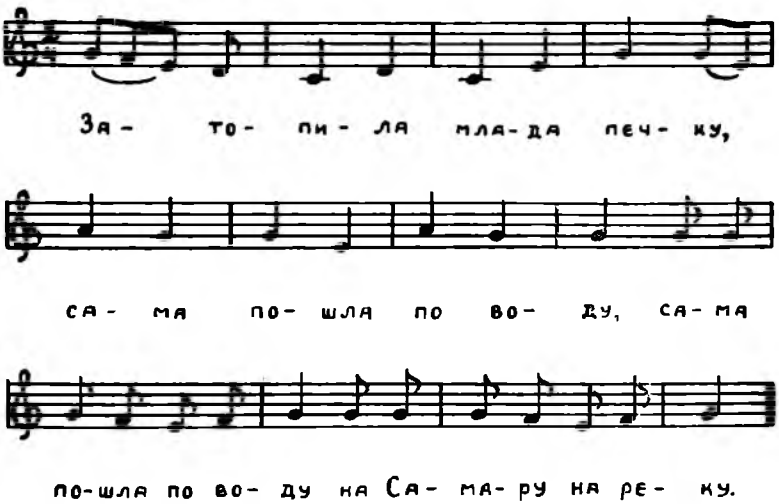
От домохозяйки Осиповой Дарьи Гавриловны 48 лет записана «Весенняя хороводная». Присутствовавшие при записи девушки

[1] Текст этой песни см. на стр. 57

подхватили песню, получился довольно красочный контраст между их звонкими голосами и низким голосом пожилой женщины. Такой регистровый контраст более всего характерен для северного хорового пения. Северную мелодику напоминают и плавные поступенные ходы, и спокойное ритмическое движение мелодии. В песне рассказывается о том, как молодая женщина просит разрешения мужа и мужниной родни выйти погулять с подругами.

Идут девушки вдоль по улице,
Люли, люли, вдоль по улице,
Меня молоду с собой кликали,
Люли, люли, с собой кликали..

В 1951 году от колхозного хора села Канаевки записана хороводная песня «Вдоль по бережку похаживала». Здесь сама мелодия требует движения. Хор исполняет песню и водит хоровод. Цезуры между отдельными строфами стираются и поэтому пение оставляет впечатление непрерывно льющегося звукового потока. Это тоже напоминает о северной манере хорового пения.

Весело звучит шуточная песня «Затопила млада печку»,[1] запи-

[1] Текст см. на стр. 59.

санная от Горбушиной П. Н. 54 лет, проживающей в селе Борисовка. Эта песня вполне могла бы войти в репертуар самодеятельных и профессиональных хоров.

Хорошая песня «Жил я у барина» тоже вполне репертуарная. Она записана в 1959 году в Архангельском от домохозяйки Осиповой Д. Г 48 лет.

Особенно следует сказать о современных песнях, записанных в Городищенском районе. Современные песни еще не прошли той основательной шлифовки временем, которую прошли старинные песни. Тем не менее они обращают на себя внимание образностью текста и мелодичностью. Огромная их ценность заключается также в том, что в них выражается мораль советского человека.

Из современных интересна песня «Танкисты», записанная в 1950 году в Городище от студентки педучилища Антонины Куликовой. А от М. В. Сазоновой записана песня «Золотые вы песочки». Песня «Жена мужа на фронт провожала», вероятно, сложена недавно, так как мелодия и текст еще не отшлифованы. По словам А. А. Масловой, жительницы села Уранки, текст ею переписан из рукописного альбома, а мелодию придумала она сама. Сюжет песни сводится к тому, что муж ушел на фронт и был тяжело ранен, а жена, устроив детей в детский дом, ушла в партизаны, попала в плен и была замучена фашистами. Отец считал и сына погибшим, а о дочери, родившейся без него, он совсем не знал. После войны

он, вместе со второй женой, решил взять из детдома приемыша и встретил таким образом своих детей.

В Городищенском районе мы видим смешение различных песенных стилей: в одних селах, как в Архангельском и Канаевке, поют в высоком регистре, что типично для севера, в других, как в Николо-Райском того же района, поют в низком регистре, что более свойственно южанам. Такое смешение песенных стилей наблюдается и в других районах Пензенской и смежных с ней областей. Причины те же—заселение этих мест крепостными крестьянами из разных губерний России и общение поселенцев с городом и с теми краями, куда они ходили на заработки.

Старинное русское пение, принесенное переселенцами с севера, устойчивее сохранялось, очевидно, потому, что северяне, владевшие многими ремеслами, реже и на меньшие сроки уходили на отхожие промыслы.

По свидетельству старого учителя Ермолая Артамоновича Прохорова,[1] стиль старинного северного русского пения в чистоте и неприкосновенности сохранился в Больше-Вьясском районе в селах Александрия и Напольный Вьясс, считавшихся до революции «медвежьим уголком». Е. А. Прохоров записал в этих селах больше сотни народных песен, часть которых напечатана в песенном сборнике в Москве.

Е. А. Прохоров сделал ценный вклад в изучение песенной культуры Пензенской области. Его пример достоин подражания. В районах теперь стало немало людей музыкально грамотных, которые смогут заняться изучением и собиранием русского песенного творчества. Это изучение может и должно оказывать благотворное влияние на творчество профессиональных и самодеятельных поэтов и композиторов, развивать у советской молодежи вкус и любовь к прекрасной русской народной песенной поэзии.

А села Александрия и Напольный Вьясс, конечно, не единственный в нашей области уголок, где во всей красоте и чистоте живет старинная русская песня. В селах много талантливых песельников и песельниц, с их помощью можно организовать народные самодеятельные хоры и вовлечь в них сельскую молодежь.

Б. Голубев.

---

[1] Е. А. Прохоров, много лет посвятивший изучению и собиранию русских народных песен, умер в 1960 году.

ПЕСНИ

БОЯРЫНИ, МЫ ДО ВАС ПРИШЛИ

Хороводная (игровая) песня

Девушки становятся в ряд, против них, также в ряд, становятся парни. Приближаясь к девушкам (на половину расстояния), парни поют:

— Боярыни, мы до вас пришли,
Молодые, мы до вас пришли.

Девушки, приближаясь к этой же черте (а парни в это время отступают на своё прежнее место), поют:

— Бояре, вы по что[1] пришли,
Молодые, вы по что пришли?

---

[1] По что, т. е. за чем.

Парни опять приближаются, а девушки отступают.

— Боярыни, мы по девицу[1],
Молодые, мы по дéвицу.

— Бояре, девки дороги,
Молодые, девки дороги.

— Боярыни, а мы выкупим,
Молодые, а мы выкупим.

— Бояре, дайте тысячу,
Молодые, дайте тысячу.

— Боярыни, таких денег нет,
Молодые, таких денег нет.

Бояре, про вас дéвиц нет,
Молодые, про вас дéвиц нет.

— Боярыни, а мы выкрадем,
Молодые, а мы выкрадем.

— Бояре, собак выпустим,
Молодые, собак выпустим.

— Боярыни, девку выманим,
Молодые, девку выманим.

— Ой, бояре, лучше выдадим,
Молодые, лучше выдадим.

— Боярыни, и давно бы так,
Молодые, и давно бы так.

— Бояре, за которого,
Молодые, за которого?

— Боярыни, нам за Васеньку,
Молодые, за Васильича.

---

[1] По девицу, т. е. за девицей.

Трое ребят (с Васенькой посредине), остаются на черте.

— Бояре, вам которую,
Молодые, вам которую?

— Боярыни, а нам Настеньку,
Молодые, нам Степановну.

Девушки подводят к ним названную девушку и отступают. Ребята, подступая, поют:

— Нашего полку прибыло,
прибыло,

Нашего полку прибыло,
прибыло.

Девушки откликаются:

— В нашем ряду убыло, убыло,
В нашем ряду убыло, убыло.

Слышала эту песню в селе Новой Ерыкле Симбирской губернии, но не в хороводе (их в то время уже не водили), а инсценированную на вечере русской песни в начальной сельской школе году в 1898 или 1899. Для инсценировки песня была, очевидно, сокращена. А может быть, мне не все запомнилось. Записала я ее уже году в 1907 или 1908 по памяти.

Эту хороводную песню пели и в Пензенской губернии. В несколько ином и более полном варианте её вспоминают в селе Михайловке Лунинского района.

А. Анисимова.

ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

Посеяли девки лён,
Посеяли девки лён,
Девки лён, девки лён,
Ходи браво, девки лён.

Посеявши, пололи,
Посеявши, пололи,
Пололи́, пололи́,
Ходи браво, пололи́.
Белы руки кололи,
Белы руки кололи,
Кололи́, кололи́,
Ходи браво, кололи́.
Повадился во ленок,
Повадился во ленок,
Во ленок, во ленок,
Ходи браво, во ленок,
Бел кудрявый паренёк,
Бел кудрявый паренёк,
Паренёк, паренёк,
Ходи браво, паренёк,
Иванушка щеголёк,
Иванушка щеголёк,
Щеголёк, щеголёк,
Ходи браво, щеголек,
Со льна цветки сорывал,
Со льна цветки сорывал,
Сорывал, сорывал,
Ходи браво, сорывал.
Сестре венки завивал,
Сестре венки завивал,
Завивал, завивал,
Ходи браво, завивал,
Сестра венки не примат,
Сестра венки не примат,
Не примат, не примат,
Ходи браво, не примат,
В быстру речку их кидат,
В быстру речку их кидат,
Их кидат, их кидат,
Ходи браво, их кидат.
Быстра речка не примат,
Быстра речка не примат,
Не примат, не примат,
Ходи браво не примат,
Ко бережку прибиват,
Ко бережку прибиват,

Прибиват, прибиват,
Ходи браво, прибиват,
Ко бережку, ко ярку,
Ко бережку, ко ярку,
Ко ярку, ко ярку,
Ходи браво, ко ярку,
Ко желтому ко песку,
Ко желтому ко песку,
Ко песку, ко песку,
Ходи браво, ко песку.

КУДРЯВЧИК

Раскудрявчик, кудрявчик ты мой,
Кудреватая головушка твоя.
Его лицо — в поле беленький снежок.
Щечки алы — в саду розовый цветок,
Брови чёрны, взгляд — весёлые глаза,
На головушке кудрявы волоса́.
Еще где́ эта сыскалась красота,
Да и кто тебя споро́дил, молодца?
— Спороди́ла меня матушка,
Воспоил-вскормил родной батюшка,
Чесала кудри любимая сестра,
Завила в кольца чужая сторона...

Эти песни пели во время провожанья весны в селе Зеленец Симбирской губернии.
Записала А. П. Анисимова. 1908—1909 гг.

КАК У НАШИХ У ВОРОТ

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды,

Ой люли, ой люли,
Стоит озеро воды.

Молодец коня поил,
К воротечкам подводил,

Ой люли, ой люли[1]
К воротечкам подводил,

К вереюшке привязал,
Красной девке наказал:

— Уж ты, девица душа,
Сбереги мово коня.

Красна девка ждет-пождет,
Молодец долго нейдет.

Молодец долго нейдет,
Конь копытом землю бьет,

Конь копытом землю бьет,
До камешку пробиват.

Во том камне искры нет,
В милом дружке правды нет...

Записала А. П. Анисимова в селе Зеленце от Марины Максимовой (уроженки села Новой Ерыклы) Симбирской губернии. 1908—1909 гг.

ЗЕЛЕНАЯ РОЩИЦА

Зеленая рощица, алый цвет.
Да чтой-то Ивана-то долго нет,
Чтой-то Васильича долго нет?
Послать бы посла—послать некого,
Написать бы письмецо—писать некому,
А самой-то пойти—идти некогда.
Собирала Марьюшка она всех подруг,
Сажала Степановна она всех во круг,
Сама-то садилася она выше всех,
Клонила головушку она ниже всех,
Задумала думушку она крепче всех:

[1] После каждого двухстрочия — припев «Ой люли, ой люли» с повторением второй строчки основного текста.

«На всех-то головушках веночики есть,
На моей головушке веночика нет».
Тут Иван-то подходил, уговаривал.
Васильевич подходил, уговаривал:
«Не плачь, Машенька,
Не плачь, не горюй.
Вчера ввечеру́ был я в городу,
Я купил тебе венок, венок не простой,
Венок не простой, венок вековой,
Его ветром не снесёт, бурью не сорвёт».

Записал Е. А. Прохоров. Село Большой Вьясс Пензенской области. 1958 г.

РАССИЗОЙ ОРЕЛ

Рассизо́й орёл по горам летал,
По горам летал, тяжело вздыхал,
Тяжелёхонько, жалобнёхонько.
Жалобней того девка плакала.
Не по батюшке, не по матушке.
По своем дружке, по Иванушке.
У Иванушки на головушке,
На головушке русы ку́дрюшки.
Наряжу дружка наряднёхонько,
Провожу дружка далекохонько.
Уж я дале того—дале Пи́тера,
Дале Пи́тера, дале матушки-Москвы...

Записал Е. А. Прохоров. Село Большой Вьясс. 1959 г.

ВЫШЕЛ ВАНЯ ЗА ВОРОТА

Вышел Ваня за ворота,
Призадумавшись стоял.
Призадумавшись стоял,
В поводу коня держал,
Держал вороного.
За шелковый поводок.

На коня Ваня садился
Ставил ноги в стремена.
Под ним коник взбился, взвился,
Ударился чрез забор,
Ударился чрез забор —
Прямо к Машеньке во двор.
— Здравствуй, радость моя,
Маша,
Здравствуй, любушка моя.
Уж вы, очи, ясны очи,
Распрекрасные глаза,
Посмотрите, ясны очи,
Раз последний на дружка...

Записано от П. Е. Сорокина из села Дмитриевки Нечаевского района, 1956 г.

ПАЛА, ПАЛА ПОГОДУШКА

Пала, пала погодушка
На широкий на мой двор,
Еще пала погодушка
На калитку, на забор,
Еще пала погодушка
На головушку мою.
А я сердцем разгрустился —
Кого любил, разлучился...
Я рассею грусть-тоску
По зелёному лужку:
Ты расти, расти, кручина.
Вырастай, моя печаль,
Ты не сохни, ты не вянь,
Ты цветами расцветай,
У меня ли во садочке,
В саду много вишенья,
В саду много вишенъя,
Винограду с грушею.
Виноград висит на ветке,
Соловушек поёт в клетке,
А я слушал, пернимал,[1]
Под кустом сидел, дремал...

Записано от П. Е. Сорокина из села Дмитриевки Нечаевского района. 1956 г.

[1] Пернимал — заучивал.

СО ВЕЧЕРА ЗАТУМАНИЛОСЬ

Со вечера затуманилось,
Круг полуночи сильный дождь прошёл,
На белой заре заморозило.
Прозяб, продрог добрый молодец,
У чужих ворот стоючи,
Не свою жену дожидаючи —
Что бы выйти ей, что бы выглянуть...
Да нельзя ей выйти-выглянуть —
Лихой свекор по двору́ ходит,
Лиха свекровь по новым сеням...
Молодой портной за столом сидит,
Молодой снохе сарафан кроит.
Кроил, кроил, стал примеривать —
Да не узок ли покрой положил?

Записано от П. Е. Сорокина из села Дмитриевки Нечаевского района. 1956 г.

ОЙ ТЫ, БАБОЧКА МОЛОДЕНЬКАЯ

Ой ты, бабочка молоденькая,
Чернобровая, хорошенькая,
Да не ты ли меня высушила,
Без мороза сердце вызнобила,
Присушила русы кудри к голове,
Присушивши, заставила расчесать,
Расчесавши, звала в гости побывать:
«Ты бывай, бывай, удала голова».
О ту пору разливалася вода,
Затопляла все долины и луга,
Оставался один маленький лужок,
Стосковался по мне миленький дружок.
Уж как я ли тому горю помогу —
Через улицу мосточки намощу,
Намощу мосты калиновые,
Переходики малиновые.
Я вперед сама по мостику пройду,
А потом дружка за ручку проведу.

Подведу его к соседям под окно:
— Ты послушай, что соседи говорят —
За тебя меня ругают и бранят...

Записано от П. Е. Сорокина из села Дмитриевки Нечаевского района. 1956 г.

УЖ ТЫ, МИЛАЯ ХОРОШАЯ МОЯ

Уж ты, милая хорошая моя,
Расскажу тебе про горе, про печаль —
Почему тебя, сердечную, так жаль.
Жаль тебя мне, жаль болючую мою, —
Ты ведь прежняя любимая была,
Расскажи-ка, как живешь ты без меня.
— По тебе, мой друг, сердечушко болит,
Всё болит оно, побаливает:
Где бы, где бы мне милого увидать,
С кем бы, с кем бы дорогому наказать?
Наказать бы — повидаться чтоб пришёл.
Пойду-выйду на высок новый крылец,
Взгляну, взгляну вдоль по улице в конец —
Вдоль по улице метелица метёт,
За метелицей мой миленький идет,
Под полою свою музыку несёт.
Попрошу я дружка в музыку играть,
Сама выйду без приказу танцевать.
Танцевала, приговаривала:
— Вы, белилицы, румяницы мои,
Вы сбегайте с мово белого лица,
Идёт, идёт распостылый муж домой,
Он несёт, несёт подарок дорогой —
Несёт плеточку ремённую,
Раз ударит — заболит голова,
Два ударит — во постелюшку слегла,
Три ударит — во сыру землю пошла...

Записано от П. Е. Сорокина из села Дмитриевки Нечаевского района. 1956 г.

СНЕЖКИ БЕЛЫЕ ПУШИСТЫ

Снежки белые пушисты
Принакрыли все поля,
Одно поле не покрыто —
Поле батюшки мово.
На том поле есть кусточек —
Он голёшенек стоит,
Тонки ветки призастыли
И листочков на нём нет.
Гляну, гляну на кусточек,
Тяжелёхонько вздохну:
Мой сердечный друг далеко,
А я, горька, все одна...
Слёзка канет, снег растанет,
В поле вырастет трава.
Никто травушку не скосит,
Никто её не сожнёт,
Никто девушку не сватат,
Никто замуж не возьмёт...

Записано от Т. В. Аксеновой. Село Поим Пензенской области. 1940 год.

* * *

Снежки белые пушистые
Накрыли все поля,
Одно поле не покрыто —
Поле батюшки мово.
Пойду с горя в чисто поле,
Выйду, сяду на лужок.
Погляжу я в ту сторонку,
Где мой миленький живёт.
Слёзка канет, снег растает,
Весь исчезнет-пропадёт.
Кто с любовью незнакомый,
Тот счастливо век живёт,
А я, девушка, знакома —
Век несчастная жила.

Записала М. П. Смирнова от своей матери П. И. Ховриной 69 лет. Село Русский Ишим Городищенского района. 1960 г.

ГДЕ МОЙ МИЛЫЙ СКРЫЛСЯ

Где мой милый скрылся,
Где ж он запропал?
В Ростове остался
Чувалы[1] таскать,
Оставил несчастну
Плакать-горевать.
Я с этого горя
На речку пойду,
Выйду я на речку,
На крут бережок,
Погляжу я в море —
Кораблик плывет.
Приплывши, кораблик
Среди моря встал,
Весельца крашёны
Висят над водой,
Мой ясный соколик
Вьётся над кормой...

Записано от П. Е. Сорокина из села Дмитриевки Нечаевского района. 1956 г.

КАК ПО УЛИЦЕ ПО СТРЕЛЕЦКОЙ

Как по улице по Стрелецкой
Красно солнышко разгоралося,
А я, млада, разгулялася,
Ко мамыньке собиралася,
Тремя́ мы́лами умывалася,
Первым мылом — просто мылами,
Другим мылом — со белилами,
Третьим мылом — со румянами,
Надевала я лисью шубоньку.
Кабы шубонька не прошумлила,
Кабы петельки не просьявили (просияли),

[1] *Чувал — тюк, рогожный куль, упаковка в мягкой таре. Остался чувалы таскать* — работает грузчиком.

Кабы пуговки не пробрякнули,
Не слыхала бы всё лиха свекровь,
Не сказала бы моему мужу.
А мой муж-то — горький пьяница,
Он вина не пьёт, с воды пьян живёт,
С воды пьян живёт, с квасу бесится,
С квасу бесится на три месяца.
За мной, молодой, — посол за послом.
А я домой нейду и не слушаюсь...

Записал преподаватель Пензенского музыкального училища Б. Н. Голубев от В. И. Осиповой 50 лет, в селе Архангельском Городищенского района. 1960 г.

ПРО ДУНЮШКУ ЛЮДИ БАЮТ

Про Дунюшку люди бают,
Про хорошу говорят,
Что повадилась гулять
Робят к себе прилучать.
— Я не много прилучила,
Я сама себя сгубила.
Неправда, милой, твоя,
Наносные, мил, слова,
Ты не слушай чужих слов.
За милым пошлю послов,
Чтобы миленький пришёл
На часочек побывать.
Идёт милый вечерочком
Лицом белым ко дворочку,
Сам он рученькой махнул,
Головушкой мил качнул.
Мил головушкой качает,
Свою Дуню величает:
«Здравствуй, Дунюшка моя,
Хорошенькая!»
Мы садились на траву
Под яблонькой во саду.
Стой, яблонька, не качайся,
Стой, кудрява, не склоняйся.

Я под яблонькой сижу,
С милым речи говорю.
С милым речи говорила,
Любовь тайну разъявила —
Я которого любила
Прежде. миленький, тебя.

Записала М. П. Смирнова от своей матери П. И. Ховриной 69 лет. Село Русский Ишим Городищенского района. 1960 г.

ЗАТОПИЛА МЛАДА ПЕЧКУ

Затопила млада печку,
Сама по воду пошла,
Сама по воду пошла
На Самару на реку.
На Самаре на реке
Гуси-лебеди сидят,
Гуси-лебеди сидят,
Воду свежую мутят.
Постояла молода,
Прошла мутная вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
На плечики подняла,
Потихоньку побрела.
А навстречу молодой
Идёт кум да кума,
Идёт кум да кума,
Да еще кумова жена.
Мы со кумовой женой
Призастóялися,
Призастóялися,
Призабаялися.
Все осиновы дрова
Переуглилися.
Один кашничек в печи
Надорвался, кипучи.
Некормлёные ребята
Надорвались, плакучи.

Непоёные телята
Надорвались, ревучи.
Одна курочка с яичком
Надорвалась, кудачи:
— Никогда наша хозяюшка
Не гуливала,
Вот ушла наша хозяйка
Словно в три поли гулять —
Первое поле яровое,
Второ́ поле аржаное,
Третье поле — конопель...

Записал преподаватель Пензенского музыкального училища Б. Н. Голубев от П. Н. Горбушиной 54 лет, в селе Борисовка Городищенского района. 1960 г.

ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

НЕ ХМЕЛЬНА БРАГА БЫЛА

Не хмельна брага была
Да не разы́мчивая.
Никогда меня хмелина
Не разы́мывала,
Не разы́мывала,
Да не разыгрывала,
Как теперича меня
Хмелинушка разня́ла.
Разняла меня хмелина —
Полюбил щеголь детина.
Полюбил щеголь детина
Иванушка сиротина.
Иванушка сиротина
Он зажёг сердце ретиво,
Он зажёг, запалил,
Подарочко́м подарил.
Подарочком дорогим —
Перстенёчком золотым.

Подарочек дорогой —
С руки перстень золотой.
Через подарок дорогой
Потеряла я покой —
На руке кольцо горит,
У меня сердце болит —
Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь.

Записал Е. А. Прохоров. Село Большой Вьясс Пензенской области. 1959 г.

ПОСЫЛАЛА МУЖА ЖЁНКА

Посылала мужа жёнка
Работушку работáть.
Работушку работáть —
Чёрну пашенку пахать.
Мужик пашенку пахал,
Сам на солнышко глядел,
Сам на солнышко глядел:
«Стало солнышко с полудня
Соворачивати.
Жёны добрые давно
Мужьям завтрак принесли,
А моя шельма жена
Мне обед не принесла.
Уж я выпрягу лошадку
Да поеду домой.
Я поеду домой
Мимо рощи зеленóй,
Уж я выломлю лозу
На свою шельму жену».
Подъезжает ко двору —
Ходит жена по двору́
Набелёна, напудрёна,
Нарумя́неная,
В черном браном сарафане
И в кисейных рукавах.
Загляделися глаза,
Из рук выпала лоза.

«Уж ты, женушка, жена,
Где ты долго так была?»
«Я была, была, была
У попа на помочи́.
За твоё, сударь, здоровье
Стакан водки выпила».
«Вот спасибо тебе, жёнка, —
Не забыла про меня».

Записала Е. К. Медянцева в селе Михайловке Лунинского района. 1959 г.

ЭТО ШТО У ТЕ, КАТЮША

Ехал барин молодой
По дорожке столбовой,
Увидала его Катя
У тесовых у ворот:
— Ты пожалуй-ка, гостёчек,
В светлу горенку со мной.
Нонче мужа дома нету —
Отлучился по делам.

Катя гостя привечала,
Наливочкой угощала,
Накормила, напоила,
Белой ручкой обняла,
Уложила его спать
На перину на кровать.
Хвать, не в пору, безо время,
Воротился муж домой.

Воротился муж домой,
Разговаривать с женой:
— Это што у те, Катюша,
Што за коник на дворе?
— А я, сударь, в торг ходила,
Ворона́ коня купила,
Ворона́ коня купила,
Недорого заплатила.

Муж во горенку взошел,
Новы новости нашел:
— Это что ж у те, Катюша,
Што за шляпа, за сертук?
— У людей, сударь, видала,
У себя хочу иметь —
Не сгодится ль тебе, сударь,
В светлый праздничек надеть?

Муж до спаленки доходит,
Разговариват с женой:
— А это што у те, Катюша,
Што за парень молодой?
— За водой, сударь, пошла,
Сиротинушку нашла.
Чай не грех нам с тобой, сударь,
Сиротину пожалеть?

Муж ни слова, ни полслова,
Снял он плетку со стены,
Проводил он сиротину
На четыре стороны.
Проводимши сиротину,
Со двора идет домой,
Со двора идет домой,
Разговариват с женой:

— Это што ж у те, Катюша,
Призаплаканы глаза,
Призаплаканы глаза
Да призатерты рукава?
— Я вечор, сударь, ходила
Родимую навестить —
Сильно мамынька хворает,
С постелюшки не встает...

Записала А. П. Анисимова от жены рабочего хоздвора Наташи Казаковой, г. Ульяновск 1932 год.

КАК ВО ПОЛЕ, ПОЛЮШКЕ

Как во поле-полюшке ёлочка стоит,
Ёлочка стоит кудрявенькая.
Как под этой ёлочкой гусарик лежит,
Гусарик лежит, конь его стоит.
Конь копытом землю бьёт — воды достаёт,
Воды достаёт, молодца зовёт:
— Вставай, вставай, мóлодец полковник идёт,
Полковник идёт, армию ведёт.
Армию ведет он, да не русскую,
Он не русскую — всё французскую,
Тебя, добрый мóлодец, в полон уведёт...
— Тебе, тебе, конюшка, воды не достать,
А мне мóлодцу со земли не встать...

Записала А. П. Анисимова в селе Поим Пензенской области. 1949 г.

РАЗОРЕННАЯ ДОРОЖЕНЬКА

Разорённая дороженька
От Можайска до Москвы.
Разорил тоё дорожку
Неприятель злой француз.
Разорёмши он путь-дорожку,
В свою землю жить пошел.
Во свою он землю жить пошёл.
Да к Парижу он подошёл.
Подошедши он да постоял,
Париж город восхвалял.
Не хвались-ка ты, французик,
Своим славным Парижóм.
А у нас-то во России
Есть получше, пославней,
Всех получше, пославнее
Наша каменна Москва.

Москва чисто прибрана.
Дикарёчком выстлана́,
Дикаречком выстлана́,
Желты́м песком сыпана...

Записал Е. А. Прохоров в 1912 году от 80-летнего старика Свистунова из деревни Елховки (теперь Б.-Вьясского района) Пензенской области.

ОСЕДЛАЮ Я КОНЯ

Оседлаю я коня, коня быстрого,
И поеду я во долинушку.
Я пущу коня во зеленые луга,
Сам я сяду под былинушку.
Былинушка горькая к земле
клонится,
А мне молодцу уснуть хочется.
Тут ходила красна девица-душа,
Пробудила удалого молодца:
— Встань-проснись-ка ты,
Мой миленький дружок,
Турок идет-едет, воевать будет.
Тебя, миленький, убьют,
А мне жаль будет...

Записала М.П. Смирнова от своей матери П. И. Ховриной 69 лет. Село Русский Ишим Городищенского района, 1960 г.

ЗА ЛЕСОМ СОЛНЦЕ ВОССИЯЛО

За лесом солнце воссияло
И черный ворон прокричал.
На грудь мою слеза скатилась,
Последний раз сказал: «Прощай!»
Седлайте мне коня гнедого

Персидским бархатным седлом,
А я сяду и поеду
И в незнакомый край чужой.
Быть может, меткая винтовка
Прострелит правый мой висок?
А, может, шашка-лиходейка
Разрубит голову мою?
Тогда я больше не вернуся
К родным на родину свою...

Записал преподаватель Пензенского музыкального училища Б. Н. Голубев от Г. Е. Машинцева в селе Атмис Нижне-Ломовского района Пензенской области. 1960 г.

ПРО ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

ВДОЛЬ ПО ЛИНИИ КАВКАЗСКОЙ

Вдоль по линии Кавказской
Не сизой орёл летал —
Он летал перед войсками,
Пролетарский комиссар.
Он с походом нас поздравил,
Отдавал строгий приказ:
— Чтобы были у вас, братцы,
Ружья новые в руках,
Ружья новые, винтовки,
Револьверы в кобурах.
В чистом поле под ракитой
Боец раненый лежал,
Ко груди своей пробитой
Руку правую прижал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Над ним вился чёрный ворон,
Чуя лакомый кусок.
— Ты не вейся, чёрный
ворон,

Я, боец, еще живой.
Ты слетай-ка, чёрный ворон,
К моей жёнке молодой,
Ты скажи ей, чёрный ворон,
Я женился на другой:
С пикой вострою венчался,
Сабля свахою была,
А в приданое взял много —
Все широкие поля.

Записал Б. Н. Голубев от Ивана Лобарева, избача в селе Кардава Городищенского района. 1950 г.

НЕ ВЕЙТЕСЯ, ЧАЙКИ, НАД МОРЕМ

Не вейтеся, чайки, над морем,
Вам негде, бедняжкам, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далекий,
Снесите печальную весть.
Стоим мы в горах Забайкалья,
Отряд наш врагом окружен.
Их сотни стоят за скалами,
А нас — всего двадцать бойцов.
Патроны у нас на исходе,
Снарядов давно уже нет.
— Эй, командир! Не робейте!
Ведите в атаку бойцов.
Вот ринулся взвод наш в атаку,
Прорвали мы вражье кольцо.
А там, под зеленой ракитой,
Боец молодой умирал,
Сложил свои белые руки,
А сам потихоньку шептал:
— Не вейтеся, чайки, над морем,
Вам негде, бедняжкам, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далекий.
Снесите печальную весть...

Записал Б. Н. Голубев от Ивана Лобарева, избача в селе Кардава Городищенского района. 1950 г.

О ЧАСТУШКАХ И ПРИПЕВКАХ

По радио и от местных хоров и агитбригад мы привыкли слышать главным образом четырехстрочные шуточные частушки, исполняемые под гармонь на веселые напевы.

Частушки не всегда были такими.

Вид коротеньких плясовых песенок идет от хороводных плясовых прибасок, от скоморошин, от «тутушек» и «забавушек», которыми бабушки забавляли малых детишек. Начало всего этого—в глубокой старине, когда гармони не было еще и в помине.

С давнего времени существовали и распевные двухстрочия, зародившиеся, очевидно, от протяжных песен, от распевных сказов, от народных рифмованных сказок и, возможно, от колыбельных бауток.

Гармонь, саратовская с колокольчиками, появилась в России во второй половине XIX века. Она подыгралась под старинные плясовые прибаски и под распевные двухстрочия. Распевные двухстрочия стали называть припевками, попевками, пригудками, а на Волге появилось название «матаня». Через Самару, которая была местом встречи отходников, отправлявшихся на сезонные заработки, «матаня» разошлась по всем губерниям.

Что значит слово «матаня»? В русском языке оно встречается лишь как название напева. Мы находим это слово в мордовских словарях[1], его значение: миленький, ненаглядный, любимый, голубчик.

---

[1] Мокшанско-русский словарь. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва. 1949 г.

Учитель Н. Гаврилов. Русско-мордовский словарь. Допущен в качестве учебного пособия г. попечителем Харьковского учебного округа для учителей мордовских школ. 1899.

Напевов «матани» было множество: саратовские, самарские, сызранские, астраханские, низовые, некрутские и другие. Гармонисты создавали новые варианты напевов, украшали их припевами и переборами.

В конце XIX и начале XX веков «матаня» была в полном расцвете. На музыкальной основе «матань» с припевами стали создаваться четырехстрочные припевки, близкие к современным частушкам. В 1933 году А. М. Горький писал В. М. Саянову:[1] «Частушке современной предшествовала саратовская матаня...» А уж Горький ли не знал матушку-Волгу с ее песнями!

Хочется привести пример, как это получалось. Вот обычная «матаня» без припева:

Не пошел бы я за речку,
Невтерпеж мому сердечку.

Вот она же, разделенная припевом:

Не пошел бы я за речку,
Вот Самара—Мелекес.
Невтерпеж мому сердечку,
За Самарой темный лес.

А вот, созданная на основе этой мелодии, четырехстрочная припевка (частушка, как теперь принято называть):

Не от солнышка рябина
Кисти перевесила.
Не от радости девчонка
Голову повесила.

Слово частушка появилось в 1889 году—так назвал эти песенки писатель Г. И. Успенский в своей статье «Новые народные стишки», напечатанной в газете «Русские ведомости» № 110. Слово это закрепилось в литературе, а в народ оно ушло не сразу. В предисловии Т. М. Акимовой к сборнику «Фольклор Саратовской области» (1946 г.) мы находим такое свидетельство: «В 1918—1920 годах частушки у нас назывались «припевки», «пригудки», «перегудки»... В 1935 г. впервые мы услышали в деревне литературное название «частушки».

Так же было и в других областях.

Теперь это название стало повсеместным.

А. Анисимова.

---

[1] М. Горький. Собрание сочинений, т. 30. М. 1956, стр. 324.

ПРИПЕВКИ

ВОЛЖСКИЕ «МАТАНИ»*

На саратовский напев

Подуй, матушка-верхова́,
Разгони на Волге лёд,

Разгони на Волге лёд,
Придет с низу пароход,

Придет с низу пароход,
Пароходик «Самолёт»,

Пароходик «Самолёт»
Где пристанет, тут орёт.

---

* Волжские «матани» приносили в села молодые ребята, ходившие на сезонные заработки на сторону, главным образом за Волгу. Невозможно, конечно, определить, где сложены тексты «матань», какие из них саратовские, какие самарские.

Вспоминая своих ровесников и ровесниц и их любимые напевы, я невольно припоминаю и целые подборки припевок, которые пели ново-ерыклинские и зеленецкие ребята и девушки, одни — на протяжный разливной саратовский напев, другие — на короткие, как бы рубленые, напевы самарские.

— Прощай лес, прощай
дуброва,
Прощай, милка черноброва.

Расстаётся лёд с водою,
А мы, милая, с тобою.

Лёд с водой опять сойдётся,
А нам с милой не придётся.

Горы, долы, быстры реки
Разлучают нас навеки.

Юбка нова, шаль бордова,
Милка—яблочко садово.

Чёрна юбочка на ней,
Я гонюсь, мальчик, за ней.

Чернобровеньку хорошу,
Я повек её не брошу.

Черноброву, белую
Несчастной не сделаю.

Село Новая Ерыкла, Симбирской губернии. 1899 г.

— Моя косынка волниста,
Я любила гармониста.

Гармонист играет ловко —
Пропадай моя головка!

Под шалью, под кончиком
Гармонь с колокольчиком.

Колокольчики звенят,
Моё сердце веселят.

Рын—Пески, туманны горы,
Сыграй, милый, переборы.

Сыграй, милый, припою
Под гармошку под твою.

— За зелёными лугами
Пашет миленький плугáми.

Я свому-то плугарю
Платок вышью, подарю.

Милый пашню боронил,
Про любовь мне говорил.

Милый добоpанивал,
Замуж уговаривал.

Милый в поле, а я дома,
Он скучает, а я вдвое.

Милый в поле, я в лесу,
Щавелю ему несу.

Распашу я, распашу,
Куст малины посажу.

Я подам милёнку весть:
«Приходи малину есть!»

— Ветер дует через крышу,
Я страдаю через Мишу,

Я страдаю через Мишу,
Мать ругает, я не слышу.

Я сидела выше крыши,
Вышивала платок Мише.

Отдала платочек в руки:
«Вспоминай меня в разлуке».

Как у Миши, Миши, Миши
Вьются голуби на крыше.

Вдруг подуло, понесло,
Голубей с крыши снесло.

Мой платочек белый-бел,
Он далёко улетел,

Он далёко, где Москва.
За Москву четыре ста́.

Погляжу я из сеней —
Летит стая голубей.

Люблю Мишу, люблю Мишу—
Хоть родная мать убей!

Село Зеленец Симбирской губернии. 1908 год.

Раскудрявая березка —
Ветру нет, она шумит.
Беспокойное сердечко —
Боли нет, оно болит.

Говорят, что я — злодейка.
Завлекать бедовая.
Все мое горе-несчастье —
Я всегда веселая.

Говорят, что я весела —
Как встаю, песни пою.
Люди думают — с веселья,
А я и с горя припою.

Еще что это за месяц —
Когда светит, когда нет.
Еще что это за милый —
Когда ходит, когда нет.

Что, гармошка, не играешь —
Или тону в тебе нет?
Что ты, милый, не выходишь—
Или дома тебя нет?

Раскатитесь, мои кольца,
Раскатитесь, мои пять.
С кем я прежде-то гуляла,
Не придется ли опять?

Скоро, скоро речка встанет,
Скоро снегу нанесет,
Скоро, скоро мой размилый
С стороны домой придет.

Село Зеленец, Симбирской губернии. 1909—1911 гг.

САМАРСКАЯ «МАТАНЯ»

Раскатись на Волге бревны,
Мы с миленком оба ровны.

Из конца в конец Самарой
Мы с миленком пройдем
парой.

Еще что кому за дело —
Он сыграл, а я припела.

Припевала, ладила
Всей Самаре на диво!

Скоро, скоро я уеду,
Не увидишь мово следу.

Пароход идет парами
Жигулевскими горами.

Прощай Струковский садочек
И Самара городочек.

Прощай, милый, до свиданья,
Не забудь мово «страданья».

Я уеду, глаза скрою,
Оставайся, бог с тобою.

— Он уехал, а я рада —
Все равно расстаться надо.

Я любила, теперь будет,
Пусть другая так полюбит.

Брось-ка, милый, меня брось,
Я давно желаю врозь.

Брось-ка, миленький меня —
Мне вольнее без тебя.

Головушка болит больно —
Худой славушки довольно.

Я худой славы боюсь,
С тобой, милый, расстаюсь.

Я любила больше году,
А теперь даю свободу.

Гуляй, милый, с кем попало,
Все равно любовь пропала.

— Гармонь нова, мехи алы,
Припевалочки удалы.

Гармонь нова, мехи сини,
Зачем женятся разини.

Гармонь нова, сторублева,
Припевалочка фартова.

Припой, милая, припой,
Люблю слушать голос твой.

Она моя, ох, чего значит —
Припоет, сама заплачет.

Она моя припеть может,
Мое сердце растревожит.

Село Зеленец Симбирской губернии. 1909—1911 гг.

«МАТАНЯ» ТАЛЬЯНОЧНАЯ

— Ох, горочки, отлóгочки,
Девчонки зазнобочки.

Тальяночка лакова
Не играла — плакала.

Шел я лесом, шел горой,
Нес тальянку под полой.

Спотыкнулся в ямочку,
Расколол тальяночку.

Ох, собирайте, девки, планки
От моей новой тальянки.

Собирайте планочки
От моей тальяночки.

Я не сам тальянку красил,
Не сам лаком наводил.

Я не сам девчонку сватал,
Отец с матерью ходил.

Село Зеленец Симбирской губернии. 1910 г.

— Девчоночка русая,
С тобой расстаюся я.

Ох, расстанье, расстаньице,
Кому милка достанется?

— Бросай, милый, я не охну,
Я не травка, не посохну.

Я любила, теперь будет,
Пусть другая его любит.

Я любила, теперь хватит,
Пусть другая горя хватит.

Подруженьки, в поле ветер,
Меня миленький не встретил.

Ох, страданье, страданьице,
Не страдать бы, страдается.

Сошью кофту, грудь открыту,
Ворочу любовь забыту.

Записала М. П. Смирнова.
Село Русский Ишим Городищенского района. 1961 г.

ЧАСТУШКИ

КАБЫ ЗНАЛА — В РЕЧКЕ ЛЕД...

Ветер веет, солнце греет,
Расцвела в саду сирень.
Я, молоденька девчоночка,
Страдаю ночь и день.

Ой, подружки, та́ю, та́ю,
Как свеча истаяла.

Я измену получаю
От кого не чаяла.

Я любила, не грубила,
Так и думала, что мой.
Задушевная товарочка
Пошла на перебой.

Я не думала, не чаяла
Измену получить,
Лиходеечка-товарочка
Сумела разлучить.

Кабы знала — роза вянет,
Я бы розу не рвала.
Кабы знала — он отстанет,
Я бы милым не звала.

Кабы знала — в речке лёд,
Я бы не купалася.
Кабы знала — он изменит,
Я бы не влюблялася.

Что, гармошка, не играешь,
Или холодно ладам?
Что ты, миленький, не взглянешь,
Или совестно глазам?

Я не стану уговаривать —
«Постой» да «погоди»,
Об одном прошу, пожалуйста, —
Ко мне не подходи.

Я рассталась не на шуточку,
Рассталась с ним навек,
Он мне больше не залёта —
Посторонний человек.

Говорят — залёта женится,
Богатую возьмёт.
Не два месяца засветят,
Не два солнышка взойдёт.

Я иду, иду, иду,
Сирень валяется на льду.
Неужели в самом деле
Себе пару не найду?

Я иду, а за мной клонится
Зелёный полынок.
Знаю, знаю — за мной гонится
Фартовый паренёк.

— Ой, куда я залетела,
Куда залетучила —
Кругом горы, да озёра,
Да леса дремучие.

Ой, куда я залетела,
Залетучила куда —
Только видно — с горы в гору
Тихо ходят поезда.

Ой, куда я залетела —
В незнакомые края,
Здесь меня люди встречают:
«Расскажи, откуда, чья?».

Ой, куда я залетела —
Кругом горы, кругом лес.
Не сама я залетела —
Залетел мой интерес.

Ой, куда я залетучила,
Куда я забрела!
Отчего же я залёточку
С собою не взяла?

Выйду на гору крутую,
Далеко будет видать.
Если, миленький, приедешь,
Напиши — когда встречать?

* * *

— Тиши, тише, тишина,
Заиграла Мишина.
Лучше Мишиной игры
Сроду я не слышала.

А я Мишину игру
Больше всех её люблю.
Сыграй, милый, припою
Под гармонь-игру твою.

Не сама машина ходит,
Машинист её ведёт.
Не сама гармонь играет,
Гармонист ей тон даёт.

Светит месяц выше крыши,
Выше лесу, выше гор.
Сыграй, милый, мой любимый
Саратовский перебор.

Хорошо, милый, играешь,
Только холодно рукам,
Подойди к мому окошку,
Я перчатки тебе дам.

Скоро, скоро, скоро свет,
Скоро рассветает.
От меня милый пойдёт,
В гармонь заиграет.

Меня милый провожал,
Под полой гармонь держал.
До крылечка проводил,
Заиграл, пошёл один.

Села Каштановка, Карсаевка, Пичевка. Поим, Пензенской области. Из записей А. П. Анисимовой. 1949—1951 гг.

Я НЕ ТРАВКА, НЕ ПОСОХНУ

— Девушки, зима не лето —
Не посеешь в поле рожь.
Девушки, не наша воля —
Не полюбишь кого хошь.

Через речку перходила,
Подломилася доска.
Через прежнего милёнка
Приключилася тоска.

Не от-солнышка слиняла
Кофточка кумашная.
Всё сердечко истерзала
Любовь неудачная.

Мой батистовый платочек
Не знай где валяется.
Кто моей ноги не стоит,
Предо мной ломается.

Перед зеркалом стояла,
Белу кофту мерила.
Что мне милый говорил,
Я ему не верила.

Говорят — расстаться трудно,
Я легко рассталася:
За ворота проводила,
Чуть жива осталася.

Кабы знала я, девчонка,
Где мне замужем бывать,
Помогла бы я свекровушке
Капусту поливать.

Летел голубь через
прорубь,
А голубка черз село,
Говорил голубь голубке:
«Как в Ишиме весело!»

Я ходила, я искала
Травы приворо́жные:
Присушите ко мне, травы,
Милого-пригожего.

На осине листья сини,
Я ими не румянилась.
Я на личко не красива,
А милому понравилась.

Сшила кофточку по моде —
На груди с оборочкой.
Завлекала я милова
Своей поговорочкой.

Неужели полиняет
Кофточка батистова?
Неужели я не буду
Милка гармонистова?

Сшила ко́фточку по моде —
На груди с отделочкой.
Пускай милый за мной ходит,
Как лиса за белочкой.

У колодца бабы судят,
Судят бойкую меня.
Пускай год они просудят,
Потерплю девчонка я.

Записала М. П. Смирнова.
Село Русский Ишим Городищенского района. 1961 г.

Я ДЕВЧОНОЧКА ОТЛЁТ

Девочки, кому чего,
Мне — Порошино село.
Девочки, кому куда,
Меня потягиват туда.

Ой, Порошино село,
Подойди поближе к нам,
У меня у бедной девушки
Живет залетка там.

У залётки моего
Глазки синеватые.
Он завлёк, а я влюбилась,
Оба виноватые.

Подхожу я к телефону,
Говорю: «Алло, алло!
Дайте мне село Порошино,
Залётку моего».

Милый мой, милый мой,
Самородину не рой.
Я сама была в лесу,
Самородину несу.

Я у милого была,
Чай с малиною пила.
Безо всякого смеху́
Меня встречали за сноху.

Мои щёчки, как листочки,
А глаза, как чернослив.
Кто полюбит мои глазки,
Навсегда будет счастлив.

* * *

Я иду, иду гориночкой,
Иду, иду горой.
Я сама-то сиротиночка
Гуляю с сиротой.

Мой залётка комбайнер,
Я его штурвалочка.
Вот какая собралась
Весёлая парочка.

Эх, пыль, пыль, пыль,
На меня садится.
Мой залёточка хорош,
Могу погордиться.

Эх, пыль, пыль, пыль,
Подпыливает.
Кто и стоит и не стоит,
Подковыривает.

Я иду, а меня судят
И считают мне года,
Насчитали сорок лет,
Моей маме столько нет!

Эх, пыль, пыль, пыль,
Отлетай стороной,
Все равно милый не бросит,
Не пойдёт за другой.

Когда милый заиграет,
Застонает улица.
От его игры веселой
Сердечко волнуется.

Эх, пыль, пыль, пыль,
Перестань пылить.
Девчоночки, не старайтесь —
Не удастся отбить.

У залётки дом большой,
Крашено крылечко.
Как увижу этот дом,
Заболит сердечко.

Я люблю и уважаю,
У кого сынок один,
А золовушка не важит —
Её замуж отдадим.

Меня милый проводил
До черёмухи густой.
На прощанье мне наказывал:
«С товарищем не стой».

Я иду, а сирень со́рится
На кофточку мою.
Ты не вешай, милый голову,
Когда я запою.

* * *

Ой, подруга милая.
Горело небо синее,
Горело медленным огнём.
Любовь пропала одним днём.

Не хотела, но придётся
Через речку переплыть.
Не хотела, но придётся
Залёточку позабыть.

Ох, залетка дорогой,
Дорожила я тобой.
Дорожила семь недель,
Разлюбила — в один день.

Ой, подруга милая,
Горело небо синее,
Горело, разгоралося,
Любовь не мне досталася.

Я иду, на белом камушке
Написано: «Забудь!»
Я забуду и не вспомню.
Вспомнишь ты когда-нибудь.

Полюбила бы его,
Но сомнение берёт:
Неужели он учёный
Неучёную возьмет?

Ох, залетка дорогой,
Ты скажи уверенно —
Любить будешь постоянно
Или только временно?

Ох, залётка дорогой,
Скажи окончательно —
Если любишь — хорошо,
Не любишь — замечательно.

Ох, залётка дорогой,
Мое такое мнение —
Вы гуляете со мной
Для времяпровождения.

Мой залёточка на «ять»,
Хотел меня просмеять.
А я девчоночка на «ю»,
Сама любого просмею.

Распущу катушку ниток
По зелёной по траве.
Завлеку того парнишку —
Пускай сохнет обо мне.

Если я ему не роза,
То и он мне не букет.
Если я ему не пара,
То и пары ему нет.

Мой залётка хвалится:
«Будешь, милка, каяться».
Каюсь, каюсь, дорогой —
Зачем гуляла я с тобой?

Я девчоночка отлет,
А в любови не везёт —
То погода с бурею,
То залётка с дурью.

Всем по паре, всем по паре,
Всем по паре голубей,
А мне, бедненькой девчоночке,
Достался воробей.

Нынче милый не придет,
Я не дожидаюся.
Вечерочек — не годочек,
Как-нибудь промаюся.

Ой, пыль, пыль, пыль
По дороге вьётся.
Тот не стоит ничего,
Который зазнаётся.

Это тоже не растопочка —
Осиновы дрова.
Это тоже не залёточка —
Ходи за ним сама.

Ой, подруга, не гуляй,
Без любви какой рай —
Придёшь вечером домой,
Нет заботы никакой.

Я взовьюся выше гуся,
Опущуся в камыше.
Отчего я не гуляю —
Нет залётки по душе.

Ох, подруга, что такое,
Наряжаться счастья нет —
Какое платье ни надену,
Цветы выгорят на нет.

Ох, пыль, пыль, пыль
Подпыливает.
Кто и стоит, и не стоит,
Подковыривает.

Я девчоночка отлёт —
Расколи на Волге лёд.
Что хотите говорите,
Меня горе не берёт!

Записал Виктор Караулов в селах Пачелмского района. 1960 г.

ЗА РЕКОЮ СЕРДОБОЙ

Полюбила я парнишку
За рекою Сердобой.
Полюбила я впервые
В своей жизни молодой.

Не носите голубое —
Голубое выгорит.
Не любите ребят дальних —
Всё сердечко выболит.

С неба звездочка упала,
И другая упадёт,
Скоро с милым расставаться,
Всё веселье пропадёт.

Полно, берег, осыпаться,
Воду чистую мутить.
Зачем, миленький, встречаться,
Если думано забыть?

Я иду, а мне навстречу
Из-под горки трактора.
Болит сердце от любви —
Не залечут доктора.

Ой вы, горы, ой вы, горы,
Горы с перекатами.
Не любовь, а только горе
С дальними ребятами.

* * *

Давай, милая, разложим
На тарелке виноград.
Давай, милка, разберёмся —
Кто в любови виноват?

Ты играй, играй, гармошка.
Ты играй «страдание».
Последний раз этой дорожкой
Иду на свидание.

Вы цветочки-василёчки,
Осенью повянете.
Скоро в армию уедем,
Девушки, вспомянете.

Светит месяц, светит ясно
Над рекою Сердобой.
Не последний ли разочек
Провожу тебя домой?

Ты играй, играй, гармонь,
Играй моя певучая.
А нам, милая, с тобой
Разлука неминучая.

Золотое то колечко
На руке вертелося.
Нагляделись мои глазки
На кого хотелося.

Записал Юрий Рыбалов. Село Куракино Сердобского района. 1959 г.

ГОРЫ С ПЕРЕКАТАМИ

Сошью платье голубое
Из батисту модного.
Говорят, что милый бросил,
Ничего подобного.

У нас на завалинке
Цветут цветочки аленьки.
Никто с милым не разлучит—
Мы свыкались маленьки.

А я выйду на бугор,
Выйду на бугриночку,
Погляжу я на милого,
Словно на картиночку.

А я выйду на бугриночку,
На лёгкий ветерок.
Меня милый провожает
Не последний вечерок.

Где бы, где бы поработать,
За рекой поборонить?
Где бы с милым повидаться,
Про любовь поговорить?

Покосить бы в той лощинке,
Где высокая трава.
Погостить бы в той деревне,
Где симпатия моя.

Чёрну юбочку со складочкой
Хвалили у меня.
Черноглазого с улыбочкой
Отбили у меня.

Я батистовый платочек
Разорву напополам,
И сама гулять не буду,
И сопернице не дам.

У нас с миленьким любовь
Дорогого стоила.
Навязалась супостатка,
Всю любовь расстроила.

На батистовом платочке
Настрочу четыре строчки,
Настрочу я, настрочу,
Кого жалко, ворочу.

Я иду, а мне навстречу
Горы с перекатами.
Не любовь, а только горе
С нашими ребятами.

Через вас, крутые горы,
Мне посёлок не видать.
Кто гордится сам собою,
Того надо забывать.

Милый синюю толстовочку
Носил по вечерам,

Уваженья много требовал,
Чего не стоил сам.

А я выйду на бугор,
Там снежок белеется.
На такого самолюба
Нечего надеяться.

Я иду, переливается
Вода кипелая.
Расстаюсь, не побоюсь —
Я девчонка смелая.

Я иду, иду дорогой,
Моя дума стороной —
Ты не думай, чернобровый,
Что гонюсь я за тобой.

Из-под моста выплывает
Уточка с утятами.
У нас нет такой привычки —
Бегать за ребятами.

Записано на Ишимбаевских нефтепромыслах в Башкирской АССР. 1939 год.

ПО ТЮМЕНОЧКЕ ХОДИЛИ

Иду в поле, вижу горе —
Черноброва жнёт одна.
Я хотел подать ей помощь,
Горько всплакала она.

— Тара-тара-тара-тара,
Я тебе совсем не пара.
Мы с тобой не парочка.
У тебя есть марочка.[1]

[1] Мара, марочка (западно-сибирское) — милая, любимая (как на Волге: матаня, матанечка).

Чёрну пашенку пахал,
Пары переборанивал,
На Тоболе марочку
Замуж уговаривал.

Мы с товарищем ходили,
В горку подымалися.
Одну марочку любили,
И то не ругалися.

По Тюменóчке ходили,
Было там похожено.
А теперь — что же такое? —
Стало загорожено.

Мы с товарищем вдвоем
Стены каменны пробьем,
Стены каменны пробьем,
По Тюменочке пройдем.

Пароход идет с Урала,
Едет марочка моя.
Попрошусь у капитана —
Не посадит ли меня?

— Тара-тара-тара-тара.
Мы сидели с ней на пару,
Мы сидели с ней на пару,
Припевали под гитару.

— Утка крякала у моря,
А я плакала от горя,
Утка — по утёночке,
А я—по миленочке.

Допризывники ходили,
В поле прутики рубили,
К огороду ставили —
Памятку оставили.

Скоро, скоро снег сойдёт,
По Тоболу лёд уйдёт.

Скоро, скоро милый мой
Из солдат придёт домой.

Записал В. Воробьев от М. Волохова в селе Маруза, Тюменской области. 1939 г.

САРАТОВСКИЕ СОВРЕМЕННЫЕ ЧАСТУШКИ

— Задушевные подружки,
Надо так постановить —
Без саратовских припевок
На работу не ходить.

Серы глазки, серы глазки,
Серые глазёночки,
Без любви не могут жить
Ни парни, ни девчоночки.

Ах, на небе облака
Снеговые белые.
Ах, какие стали мы
Насчёт любови смелые.

Тракториста полюбила,
Тёмны ночки не спала,
Слушать на гору ходила —
Не гудят ли трактора.

Полюбила сокола —
Парнишку невысокого,
Невысок, подбористый,
Веселый, разговористый.

Я люблю, люблю того,
Кто чисто одевается.
А я гляну на него —
Сердечко разрывается.

— Через поле любить—горе,
Через лес любить—беда.
Полюбила через Волгу —
Не даёт ходить вода.

— Ты, Хвалынский городочек,
Ты подайся ближе к нам,
У меня, у бедной девушки,
Залёточка есть там.

— Мы чужие крыши кроем,
А свои раскрытые.
Посторонних ребят любим,
А свои забытые.

— У кого какой любой,
У меня — мастеровой.
Под окошком планочки,
Сам делает тальяночки.

Я надену платье бело,
Через улицу пройду.
А кому какое дело —
Гармониста я люблю.

Моя лента голубая
Улетела в лопухи.
Как саратовски ребята —
У нас первы женихи.

Хорошо на горке жить,
Под горой дорожка.
Хорошо того любить,
У кого гармошка.

Мой милёнок гармонист,
А я — песельница,
Он играет, я пою,
У нас весело в краю.

Я любила гармониста,
И он меня уважал,
Завсегда меня, весёлую,
До дому провожал.

— Скоро скоро два набора,
Уйдёт миленький служить.
Как я буду, как я стану
Без него три года жить?

Расста́ночки, расста́ночки,
Какие вы тяжелые,
Через вас, расста́ночки,
Не спятся ночки тёмные.

Я посею в саду маку,
По цветочку буду рвать.
Провожу дружка в солдаты,
Сколько надо, буду ждать.

Вот они отчалили
Четыре пароходика,
Увезли мово милова
На четыре годика.

На четыре годика
Четыре пароходика...
Всё равно его дождусь,
Я еще молоденька.

* * *

— Мы с подружкой жили дружно,
Сроду не ругалися.
Пришло времечко такое.
На́век с ней расстались.

С неба звездочка упала
На стеклянный сундучок.
Вся любовь наша пропала
Через подружкин язычок.

Ой, подруга, ты, подруга,
Ветряная мельница,
Ты была моя подруга,
А теперь — соперница.

Не довольно ли, подруга,
Подо мной канаву рыть?
Канаву рой, того гляди —
Сама туда не попади.

Ой, подруга дорогая,
Тебе милым не владеть:
Он с тобою сядет рядом,
На меня будет глядеть.

— Гармошечка из досок,
Саратовский голосок.

В хоровод шла, торопилась,
Милки нет, я воротилась.

С неба звездочка упала —
Вся любовь моя пропала.

Не любила, не страдала,
Полюбила — страдать стала.

Не страдала — была бела,
Страдать стала — побледнела.

Какой лёд — и то растаял,
Как любил — и то оставил.

Болит сердце, болит грудь,
Тяжело — нельзя вздохнуть.

Ох, буду помнить, буду знать,
Как любить, как забывать...

* * *

— У девчонки бровь крутая,
Припевать больно лютая.

Под саратовский припев
Припевала лучше всех.

Не твои ли чёрны брови
Довели нас до любови?

Что ты плачешь, платок мочишь,
Завлекла — любить не хочешь.

Матанечка моя мила,
Не рассказывай, что было.

Что горело, то погасло,
Страдать нечего напрасно.

Дымно, дымно — не проглотишь,
Кого жалко — не воротишь.

Не играй, гармонь, довольно.
От «страданья» сердце больно.

* * *

Он завлёк меня речами,
Я не стала спать ночами.

Милый мой в гармонь играет,
Я люблю, а он не знает.

Играй, гармонь, играй, радость,
Веселишь ты нашу младость

Ты играй, гармошка, ладь,
А я буду припевать.

Под гармошечку под эту
Припевать буду до свету.

Гармонисту за уважку
Разошью белу рубашку.

Ты играй, гармонь, звончее,
Припевать будет ловчее.

Ой, народ, народ,
А ну-ка в сторону, —
Мы споём сейчас
Под «семёновну».

Эх, «семёновна»,
Тебя поют везде —
И на улице,
И у нас в избе.

Ой, «семёновна»,
Ты меня выручи —
Не могу запеть,
А ты выучи.

Ой, подруженька,
Ой, моя милая,
Ой, болит, болит
Моё ретивое.

Ой, калинушка
Листы повесила.
Мне без залёточки
Гулять невесело.

Калина красная,
Калина вызрела,
Я у милого
Характер вызнала.

Характер вызнала —
Ой, ой, ой, какой!
Не уважила —
Пошёл гулять с другой.

Гуляй, гуляй с другой —
Тебе не клином свет.
А у меня к тебе
Любови больше нет.

Эти подборки современных саратовских припевок прислала В. К. Архангельская — руководитель фольклорных экспедиций Саратовского Государственного университета, выезжавших за последние годы в районы Саратовской области. 1961 г

ПЛЯСОВЫЕ ПРИБАСКИ

— Под шубкою
Под белою
Плясать пойду,
Разделаю.

Ох, ох, охти,
В коротенькой кофте,
Засучила рукава
По самые локти.

Суди, люди, суди, бог,
Кого я любила,
По морозу босиком
К милому ходила.

Я ходила по́ полю,
Я искала тополю —
Мне от тополю корней
Привораживать парней.

Ох, ох, ох, ох,
Рассыпался горох.
Кто́ любовью занимается,
Тот сердечком нездоров.

Разделывала.
Раскомаривала,
Меня мамынька ругала,
Уговаривала.

Не ругай меня, мать,
Меня не за что ругать —
Я девчонка молода,
Не влюблялась никогда.

Не пудрилась,
Не румянилась,
Отчего же я милёночку
Понравилась?

Ох, лён цветёт,
И горох цветёт.
Меня миленький уважит —
Провожать пойдёт.

Купи, тятенька, ботинки —
Я еще потопаю.
Не последний ли годочек
Я на вас работаю?

Хорошо гармонь играла,
Вот наяривала.
Я плясала, прибасáла,
Раскомаривала!

Из записей А. П. Анисимовой в селах Ульяновской области. 1910—1914 гг.

— Ходи, ходи, хóдко,
Кофточка коротка,
Юбочка сборista.
Люблю гармониста.

Гармониста любить —
Надо чисто ходить,
Надо выходку иметь,
А на измены не глядеть.

Эх, лёд, лёд, лёд.
Ходи осторожно.

Гармониста завлекать —
Это не положено.

Ох, туфли мои,
Новые подмётки.
Я такая боевая —
Хожу без залётки.

Через речку шла,
Переход нашла,
На дощечку наступила —
Из-под ног ушла.

Пошла плясать
С ножки на ножку,
Я люблю не гармониста,
А его гармошку.

Пошла плясать —
Половицы гнутся.
Шире, шире, шире круг —
Дайте развернуться!

Шире, шире, шире круг,
Со мной пляшут семь подруг,
А восьмая я сама —
Всех ребят с ума свела.

— Эх, лёд, лёд, лёд,
На дорожке склизко.
Мой залётка тракторист,
А я трактористка.

Говорят, я боевая,
Ну, и верно — ураган!
Никому и никогда
Себя в обиду я не дам.

Высокó я, высокó
Лесенку поставила.
Далекó я, далекó
Залёточку оставила.

Ох, ох, охаю,
Простудилась, дохаю.
Дорогой, через тебя —
Водил по холоду меня.

Все идут, все идут,
Все гуляют парами,
А мой Коля через поле
Мне сигналит фарами.

Лучше Коли нету в поле —
Самый лучший тракторист,
За отличную работу
Получил почётный лист.

— Подруженька дорогая,
Давай с тобой спляшем —
Понравится или нет
Залёточкам нашим?

— Подружка, пляши,
А мне не до пляски,
Давно миленький не кажет
Весёлые глазки.

— Ой, подруга, дроби бей,
Выбивай дробиночки.
У тебя и у меня
Залётки, как картиночки.

— Подруженька, пой, пой,
Я уже припела.
Моя горячая любовь
Далёко улетела.

— Подружка, пляши,
Выбивай дроби.
Боевые мы с тобой,
Боевые обе!

— Моя русая коса
Завивалась на плечо.

Я не долго с ним гуляла,
Но любила горячо.

— Ко мне милый подойдёт,
На лице улыбочка,
Встрепенётся моё сердце,
Словно в речке рыбочка.

— Я хотела в поле пташечку
На воздухе поймать,
Она выше, выше, выше,
Улетела — не видать.

— Рассыпься, горох,
На четыре кучки.
У нашего гармониста
Золотые ручки.

— На гнилом мосту
Провались, доска.
На мово-то на милóго
Навались, тоска.

— Ой, подруга дорогая,
Нечего туманиться —
Мой залеточка идёт
И твой скоро явится.

— Ой, подруга дорогая,
Милая товарочка,
И в работе и в игре
Мы с тобою парочка.

— Я плясала в три ноги,
Потеряла сапоги,
Милый Коля, помоги —
Найди мои сапоги.

Из записей А. П. Анисимовой в селах Поиме, Карсаевке, Каштановке и на поимских ярмарках. 1939—1950 гг.

— Пойду плясать
По одной доске.
Не ругай меня, мать, —
Я и так в тоске.

Ох, ох, охну,
Я по ком сохну?
По кудрявой голове,
Наверно, Ваня, по тебе.

Чаще, почаще,
И пореже можно.
Подо всякую игру
Подладить возможно.

Эх, рожь густа,
Умолотиста!
Не беда, что я толста,
Поворотиста.

Эх, Шура, дробью,
Дорогая, дробью.
Крути голову ему
Горячею любовью.

— Подружка моя,
Плясала шикарно.
Я боюся, не спляшу
С тобою напарно.

И пляска здесь,
И веселье здесь.
Только нету одного —
Поджидала я кого.

Чаще, почаще,
И пореже ничего,
Я, молоденька девчоночка,
Подлажу всё равно.

Ох, ох, ох ты,
Все пошили кофты,
А я себе френчик —
Назади ременчик.

Балалаечка бунит —
Не налаженая.
Я одна домой ходить
Неповаженая.

Записал Виктор Караулов в селах Пачелмского района.

— А чей это гармонист,
Чья это гармошка?
А нельзя ли, гармонист,
Веселей немножко?

Хорошо гармонь играет,
Я слушаю, стою:
Я под эту под гармошечку,
Наверно, подпою.

Я этого гармониста
Услыхала первый раз,
Повернулось моё сердце
Девяносто девять раз.

Хороша́ гармонь,
И игрок хорош,
Под его игру весёлую
Не хошь, да припоёшь.

Не хотела я плясать,
Не хотела прибаса́ть,
А гармошка Колина
Меня приневолила.

Ох, ох, ох ты,
Все пошили кофты,

А я сарафанчик —
На боку карманчик.

Ручеёк льётся,
Вода пенится.
Хорошо тому живётся,
Кто не ле́нится.

Говорила я ему,
Повторяла часто:
Не ухаживай за мной,
Не страдай напрасно.

Эх, дым, дым, дым, —
Печка топится.
Наша молодость не лето —
Не воротится.

Ой, подружки, беда —
Гармошка худа.
Надо денег накопить,
Гармонь новую купить.

А я вышила кисет
Василько́вый, голубой,
Гармонисту подарила:
«Закури́те, дорогой!».

Из записей А. П. Анисимовой. 1960 г.

— Ох, туфли мои —
Носа́ выстрочены!
Не хотела я плясать,
Сами выскочили.

Подружка моя,
Кака́ ласковая —
Через речку меня
Перетаскивала.

Ох, топну я,
Да притопну я!
Ко мне милый не подходит,
И не охну я!

У подружки беда —
Потеряла брошку,
Загляделась на того,
Кто играл в гармошку.

Подружка дробй,
Дробй выколачивай,
На милёнка моего
Глаза не выворачивай.

Подружка моя,
Плясали довольно.
Нас никто не вызывал,
Вышли самовольно.

Записала М. П. Смирнова. Село Русский Ишим Городищенского района. 1961 год.

САРАТОВСКИЕ ПЛЯСОВЫЕ ПРИГОВОРКИ

— Играй, гармонь,
С колокольчиками!
А я выйду, попляшу
С приговорчиками.

Сыпь, сыпь, сыпка,
Саратовска «рыбка»!
За что меня милый любит —
Я бегаю прытко.

Раздайся, народ, —
Чернобровая идёт,
Чернобровая бедовая
Нигде не пропадёт!

Эх, бей дробней,
Сапог не жалей,
Заработала за лето
Тыщу двести трудодней.

На горе бочка,
Под горой бочка.
Мой папаня — тракторист,
А я его дочка.

А я дроби выбила
И еще выбью.
Я сама-то боевая,
Боевого выберу.

По мосту шла
По кирпичному,
Морганýла одному
Симпатичному.

Ой, девочки, беда —
Потеряла брошку.
Я такого завлекла,
Чтоб играл в гармошку.

Пускай говорят,
Пускай злятся,
Я с весёлыми глазами
Не могу расстаться.

Я у маменьки одна,
У папеньки единая,
У милóго дорогого
Первая любимая.

Подружка, бей,
Под ногою воробей,
Под другою — серый гусь,
Я измены не боюсь.

А я топну ногой,
Да притопну другой.

Подруженька, пой-не пой,
Все равно будет не твой!

Эх, дуб, сосна,
Елочка колючая!
Я плясала, не устала,
Игрока замучила.

Прислала из Саратова В. К. Архангельская. 1961 г.

НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

СТОИТ ДРЕВО...

* * *

Синяя холстина
Весь мир принакрыла.
Небесная синева.

* * *

— Выгоны не меряны,
Овечки не считаны,
Пастух рогатый.
Небо, звезды, месяц.

* * *

— Черная корова
Весь свет поборола,
Белая подошла —
Всех на ноги подняла.
Черная ночь и белый день.

* * *

— Брат к сестре в гости идет,
А сестра от него прячется.

Солнце и луна.

— Не стукнет, не брякнет,
А в избу войдет.

Рассвет.

* * *

— Тянется в окно
Белое полотно.

Солнечный луч.

* * *

— Сито вито, кругловито,
Кто на него глянет,
Всяк зажмурится.

Солнце.

* * *

— Ревнул вол
На сто гор,
На сто сёл,
На сто речек.

Гром.

* * *

— Шел, шел долговяз,
В сыру землю увяз.

Дождь.

* * *

— Белое полотно
Всю долину заволокло.

Туман.

* * *

— Течет, течет—не вытечет,
Бежит, бежит — не выбежит.

Речка.

* * *

—Два братца в воду глядятся,
А вместе не сходятся.

Берега и речка.

* * *

— Еду, еду — следу нету,
Режу, режу — крови нету,
Рублю, рублю—щепок нету.

Лодка на воде.

* * *

— Живет без тела,
Говорит без языка,
Всяк его слыхал,
А никто не видал.

Эхо.

* * *

— Меня топчут и утолачивают,
Меня режут и переворачивают,

А я терплю и молчу,
Всем добром плачу.

Земля.

* * *

— Четыре четырки,
Две топырки,
Седьмой — вертун.

Корова.

* * *

— С бородой родится
И никто не дивится.

Коза.

— Черен, да не ворон,
Рогат, а не бык,
Шесть ног без копыт.

Жук.

— Крылышки есть,
А не летает,
Ног нет, а не догонишь.

Рыба.

— Дом шумит,
А жители молчат.
Пришли воры,
Жителей забрали,
А дом в окошки ушел.

Река, рыба, рыбаки.

* * *

— В темной темнице
Живут девицы,
Без ниток, без спицы
Вяжут вязеницы.

Пчелы в улье.

— Весь день в воде купался,
А сухим остался.

Гусь.

* * *

— Ползун ползет,
На себе иголки везет.

Еж.

— И толста, и гладка,
И ничего не болит,
А все стонет.

Свинья.

* * *

— Малый малышка
В сером армячишке
На дворе ночует,
По полям шурует,
Конопель ворует.

Воробей.

* * *

— Без пилы, без топоренка
Построена избенка.

Гнездо.

* * *

— Черна, как жук,
Бела, как снег,
Вертится, как бес,
А повертка — в лес.

Сорока.

* * *

— Не зверь, не птица,
В носу спица,
Летит—пищит,
Сядет—молчит.
Кто его убьет,
Свою кровь прольет.

Комар..

* * *

— Стоит в лесу котелок,
Кипит, кипит, а укипи нет.

Муравейник.

* * *

— Пришли мужички без топоров,
Поставили избу без углов.

Муравейник.

* * *

— Какое дерево не растет, не цветет?

Срубленное.

* * *

— Куда ни пойдет,
И свой дом на себе несет.

Улитка.

* *

— Летом в шубе,
А зимой — голышом.

Лиственный лес.

* * *

— Сперва — как снег бела́,
Потом — как лук зелена́,
Под конец — как кровинка
красна́.

Вишня.

* *

— Стоит крошка
На одной ножке,
Его ищут, а он голосу не дает.

Гриб.

— Стоят столбы белены,
На них шапки зелены.

Березы.

— Без рук, без ног
По полю гуляет,

В село войдет,
Ворота отворяет.

Ветер.

* * *

— Несу, несу—не вынесу,
Мету, мету — не вымету.
Пора подойдет,
Сама уйдет.

Тень.

Записала А. П. Анисимова от Е. Е. Ярковой.
Село Поим Пензенской области.
1944 г.

* * *

— На синем пологе
Золотое пшено насыпано,
Кто его считал,
Тот счет потерял.

Звезды.

* * *

— По синему полю
Пошли белые горы.

Облака.

* * *

— Летит не птица,
Рычит не львица,
Небо застилает,
Солнышко заслоняет.

Грозовая туча.

* * *

— Трах-трах, грох-грох!
Посыпался горох
На сто семьдесят дорог.

Град.

* * *

— В бору на яру
Стоит стоячок,
На нем красный колпачок.

Гриб.

* * *

— Не ве́трено, не хо́лодно,
А она дрожкой дрожит.

Осина.

* * *

— В земле зародился,
От земли кормился,
А как вырос,
Шаро́м укатился.

Перекати-поле.

* * *

— На воде вырос,
На воде и высох.

Камыш.

— Не цыганка, не гадалка,
А про любовь гадает.

Ромашка.

* * *

— От земли питается,
А к небу тянется.

Растение.

* * *

— Не горячая, а жжется.

Крапива.

* * *

— Воров не боится,
А все ему ночь не спится.

Петух.

* * *

— Не пахарь, а за плугом ходит.

Грач.

* * *

— Летом дома—деток растит,
А зимой — на стороне гостит.

Перелетная птица.

* * *

— Шитовило, мотовило
По-нерусски говорило.

Сорока.

* * *

— Сети становит,
А рыбу не ловит.

Паук.

* * *

— Счет не знает,
А года считает.

Кукушка.

* * *

— Старушка-одноушка
И шьет, и вышивает,
И строчит, и стегает.
Всех одевает.

Иголка.

* * *

— Всех кормит,
А сам не евши живет.

Печной горшок.

* * *

— По полу елóзит,
А пузо не занóзит.

Веник.

* * *

— Поля стеклянные,
А межи деревянные.

Оконная рама.

* * *

— Основа соснова,
Уток соломенный.

Крыша.

* * *

— Крыльями машет,
А лететь не может.

Мельница-ветрянка.

* *

— Не кот, не кошка,
А мышей ловит.

Мышеловка.

— Бока березовые,
Шея ременная,
Голова дубовая.

Колотушка у сторожа.

* *

— Стоит дыба,
На дыбе Кандыба,
Кандыба заорет,
Весь народ соберет.

Набатный колокол.

* * *

— В городе-городище
Никто не рождается,
А домов все прибавляется.

Погост.

* * *

— Рыбу ловит,
А уху не ест.

Невод.

* * *

— В воду кинешь — плывет,
В землю зароешь — не гниет.

Уголь.

* * *

— Что с земли не поднимешь,
Из стены не вырубишь?

Тень.

— Вокруг вьется,
А в руки не дается.

Запах. Аромат.

— Был бел, как мел,
А в воду попал —
Невидимым стал.

Соль. Сахар.

— Бел, как мел,
Холоден, как лед,
Сладок, как мед.

Мороженое.

Из записей А. П. Анисимовой в селах Ульяновской и Пензенской областей, с 1898 по 1960 гг.

* * *

— Сам деревянный,
Глаза стеклянные.

Дом.

* * *

— Всех обшивает,
А сама нагая живет.

Иголка.

— Сама дубовая,
Опояска вязовая.

Кадушка.

* * *

— Мелко жует,
А сама не жрет —
Все выплевывает.

Пила.

* * *

— Других чистит,
А себя марает.

Щетка.

Записала М. П. Смирнова. Село Русский Ишим Городищенского района.

* * *

— По синему блюду
Золотое яблочко катится.

Солнце на небе.

* * *

— В лесу на поляне
Стоят девчонки
В белых рубашонках,
В зеленых полушалках.

Березки.

* * *

— Родился на кружале,
Служил на пожаре,
Жил — всех кормил,
А помер—и поминать не стали.

Печной горшок.

* * *

— Стоит древо, от него три дела:
Первое дело — «Ах, хорошо!»
Второе дело — лошади легко.
Третье дело — в избе тепло.

Береза (банный веник, дёготь, дрова).

Записала А. М. Ролланд. Поселок Тепловка Ульяновской области, 1960 г.

СКАЗКИ

ПРО КОТА ФАНАСИЯ

Посеяли старик со старухой на по́дловке гречу. Не растет у них гречка. Взяла старуха ведро с водой, залезла на по́дловку, полила гречку, враз расцвела гречка.

Повадилась мышь Настасья — гречку топтать да цвет с нее рвать. Старуха доглядела, что мышь Настасья ходит да гречку топчет. Посадила она на лестницу кота Фанасия караулить гречку. Подошла к лестнице мышь Настасья. Кот сидит, на нее глядит. Спрашивает мышь Настасья:

— Ты кот?

— Кот.

— Ты Фанасий?

— Фанасий.

— Ты меня не съешь?

— А ты гречку топтать станешь?

— Нет, не стану.

— Ну и я тебя есть не стану.

Пошел кот Фанасий по сараям гулять, чужих котов гонять. Вернулся он вечером, глядит — гречка потоптана, цветочки оборваны. Рассердился кот Фанасий, сел на лестницу. Идет мышь Настасья:

— Ты кот?

— Кот.

— Ты Фанасий?

— Фанасий.

— Ты меня не съешь?

— Не съем.

Прыгнула мышь Настасья на одну ступенечку повыше и опять спрашивает:

— Ты кот?

— Кот.

— Ты Фанасий?

— Фанасий.

— Ты меня не съешь?

А сама еще на одну ступенечку прыгнула. А кот ее— ам! — и съел.

Лежит кот Фанасий, глаза зажмурил, будто спит. Набежали мыши со всех сторон, взяли старый лапоть, положили на него кота Фанасия, повезли его к речке— топить. Все мыши везут — кто зубами, кто лапками, а кто хвостиком зацепился. А кот Фанасий лежит и глаза закрыты.

Стали подъезжать к речке, кот Фанасий как вскочит — и побежал за мышами. Много половил!

Записала В. Ф. Павлова в русских селах Татарской АССР. 1940—1941 гг.

БАРАН КРУТЫЕ РОГА

Жили-были старик со старухой. Были у них сынок да дочка, кошка-судомоечка, собачка-пустолаечка, овечка с ягненочком, коровушка с теленочком да баран крутые рога.

Сидит раз вечером старуха, прядет шерсть. Из лесу идет волк, поет песенку:

— Бирю-бирю, волчок,
На горе живет старичок.
Старик да бабушка,
Паренек да девушка,
Кошка-судомоечка,
Собачка-пустолаечка,
Овечушка с ягненочком,
Коровушка с теленочком
Да баран крутые рога.
Подайте мне барана!

Испугалась бабушка:

— Старик, волк идет! Что станем делать?

Бросили волку кошку-судомоечку. Побежал волк под горку, сел под елку, кошку съел.

На другой день волк опять бежит, опять поет:

— Бирю-бирю, волчок,
На горе живет старичок.
Старик да бабушка,
Паренек да девушка,
Собачка-пустолаечка,
Овечушка с ягненочком,
Коровушка с теленочком
Да баран крутые рога.
Подайте мне барана!

— Батюшки, волк идет! Опять барана просит! Давайте бросим ему собачонку!

Схватил волк собачку-пустолаечку, побежал под горку, сел под елку, съел собачку.

На третий день опять бежит, опять песню поет:

— Бирю-бирю, волчок,
На горе живет старичок.
Старик да бабушка,
Паренек да девушка,
Овечушка с ягненочком,
Коровушка с теленочком
Да баран крутые рога.
Подайте мне барана!

Делать нечего. Дали волку барана крутые рога. Схватил волк барана, потащил. А баран тяжелый! Тащит волк, спотыкается, с боку на бок переваливается.

— Слушай, волк, — говорит баран. — Ты меня не

сумеешь съесть. Сила не возьмет. Я лучше к тебе прыгну в рот. Сядь под горку.

Сел волк под горку, разинул рот.

— Шире! — кричит баран. — Еще шире!

А сам разбежался и — р-раз! — сшиб волка.

Пришел баран крутые рога домой.

Побежали все к волку, а он мертвый. Разрезали ему живот, и вышли оттуда кошка-судомоечка и собачка-пустолаечка. А из волчьей шкуры сшили шубу.

Ай да баран молодец! Тут и сказке конец.

Записала В. Ф. Павлова в русских селах Татарской АССР. 1940—1941 гг.

У ДЕДА БЫЛА ДОЧКА И У БАБЫ БЫЛА ДОЧКА

Жил вдовый старик, была у него дочка Маша. Жила вдовая старуха, была у ней дочка Наташа. Поженились старик со старухой, стали в одной избе жить.

Старикова дочка работящая да заботливая — утром, как встанет, и в избе и на дворе все приберет, водицы принесет, старухе стряпать поможет. А потом сядет за прялку и прядет. А старухина дочка ленивая да сонливая. Одно у ней дело — у окошка сидеть да на улицу глядеть.

Старуха свою дочь любила да баловала, а старикову дочь обижала.

Однажды говорит старуха старику:

— Отвези, старик, свою дочь в лес, пусть там поживет с недельку.

Старику дочь жалко, но что поделаешь — не хочет старуха ее видеть. Запряг он лошадь, повез дочку в лес. А в лесу избушка стояла старая, закоптелая, в землю вросла. Нашел старик эту избушку. И говорит:

— Поживи, дочка, здесь с недельку, а потом я за тобой приеду.

Оставил он ей пшена да сала немножко, чугунок, чашку да ложку. И уехал.

Осталась девушка в лесу одна. Прежде всего пол подмела, в избе прибрала, за водой, за хворостом сходила. А потом печку истопила и кашу сварила.

Сидит она кашу ест. Вдруг подбежала к ней мышка и говорит:

— Машка, Машка,
Дай мне кашки
На красной ложке.

Дала ей девушка кашки на красной ложке. Мышка поела и говорит:

— Спасибо, девица, что покормила меня. Придет час, и я тебе пригожусь.

К вечеру в сенях застучало, загремело, лезет в избушку медведь, ревет страшным голосом:

— У-у-у! Как здесь хорошо салом пахнет!

Девушка испугалась, не знает что делать и говорит:

— Садись, дедушка-Медведушко, за стол, я тебя кашей с салом покормлю.

— Ха-ха, — ревет медведь, — не хочу я каши, я сытый. Давай лучше в жмурки играть. На вот тебе колокольчик, ты бегай и звони, а я тебя ловить буду. Если поймаю, все кости сломаю. Не поймаю — награжу. Завяжи мне глаза.

Девушка глаза ему завязала, а сама дрожкой дрожит, думает: «Вот и конец моей жизни...» Вдруг, откуль ни возьмись, ей под ноги мышка. Пищит:

— Привяжи, Машенька, колокольчик мне на хвостик, а сама на печь полезай и притаись там.

Девушка так и сделала. Лежит на печи и дышать боится. А мышка бегает по избушке да колокольчиком позванивает. Медведь туда-сюда мечется, на все натыкается. Совсем измучился, а поймать не может. Наконец заревел:

— Ну, ладно, хватит. Развязывай мне глаза. Ловко ты в жмурки играешь, награду заработала.

И ушел из избушки.

На другой вечер опять в сенях застучало, загремело, лезет в избушку медведь, тащит сундук со всякими нарядами, ревет:

— На, Машенька, получай награду. Я своему слову хозяин.

Ушел медведь и больше не заявлялся.

Тем временем прошла неделя.

Старик говорит:

— Пора мне, старуха, в лес за дочкой ехать.

— Ну, что же, поезжай, — говорит старуха, а сама

думает: «Где ты теперь свою дочку найдешь, ее, наверно, давным-давно волки да медведи растерзали».

Печет старуха пирожки, свою Наташеньку кормит Вдруг на дворе собака Жучка залаяла:

Тяв-тяв-теляляв!
Старик дочку везет
В синем сарафане.
Добра — полны сани.

— Замолчи ты, негодная собачонка! — кричит старуха.—На вот пирожок, тявкай: «Старик дочку не везет, порожнем едет».

Собака пирожок съела, опять тявкает:

Тяв-тяв-теляляв!
Старик дочку везет,
Разнаряженную:
В котáх-в-чеботáх,
В красных рукавах,
В синем сарафане.
Добра — полны сани.

Разозлилась старуха, схватила кочергу Жучку побить, выбежала в дверь и видит — подъезжает старик ко двору, в санях сундук стоит, а на сундуке его дочка сидит в синем сарафане, в теплой шали, в лисьей шубке.

Ахнула старуха. Еще больше ее зло взяло. Но делать нечего, помогает сундук в избу вносить, спрашивает — как да что. Машенька рассказала все, как было, — и про медведя и про мышку с колокольчиком.

На утро старуха говорит старику:

— Ты что сидишь? Свою дочку нарядил, а про мою и думать не хочешь? Запрягай лошадь, вези мою Наташеньку в лес.

Сказано-сделано. Отвез старик в лес старухину дочь. Привел ее в избушку, отдал ей весь припас, какой старуха дала. И уехал.

Осталась девушка в лесу одна. Печку истопила, кое-как кашу сварила. Сидит кашу ест. Вдруг подбежала к ней мышка и говорит:

— Наташка, Наташка,
Дай мне кашки
На красной ложке.

— Ишь чего захотела! Мне и самой—чуть хватит,— отвечает девушка.

И замахнулась мышку ложкой ударить. А мышка увернулась и спряталась в норку.

И вот ночью в сенях застучало, загремело, лезет в избушку медведь. Ревет:

— Здравствуй, девица!

А девица в ответ ни слова.

— Что же так неласково встречаешь, кашей с салом не угощаешь?

— Ишь чего захотел! — говорит девушка. — А сундук с нарядами принес?

— Ишь чего захотела! — ревет медведь. — Сперва будем в жмурки играть, а потом сундук либо будет, либо нет. На тебе колокольчик. А мне глаза завяжи.

Завязала она медведю глаза. А с колокольчиком не знает что и делать. И стала звать:

— Мышка, мышка! Иди скорее, возьми колокольчик.

А мышка даже и не выглянула.

Побежала девушка с колокольчиком, медведь сразу ее и сцапал...

Прошла неделя.

Старуха старика торопит:

— Поезжай скорее в лес за моей Наташенькой. А сани-то возьми какие побольше. А я буду пирожки да блинцы печь.

Уехал старик.

Прошло сколько-то время, затявкала собачка Жучка:

Тяв-тяв-теляляв!
Старик из лесу едет,
В коробу кости везет...

А старуха приговаривает:

— Собаченька Жученька, на тебе блинка, да лай по-хорошему. Вот так лай: «Старик из лесу едет,

Наташеньку везет. Полны сани сундуков с добром».

Жучка пирожок съела и опять залаяла:

Тяв-тяв-теляляв!
Старик из лесу едет,
В коробу кости везет,
На ухабах сани потряхивает,
В коробу кости побрякивают.
А старик сидит приплакивает...

Выбежала старуха встречать, поняла в чем дело и повалилась без памяти...

На том и сказка кончилась.

Записала А. П. Анисимова от М. П. Смирновой.
Село Русский Ишим Городищенского района.

КАК БЫК ДОМ СТРОИЛ

Идет бык по лесу, навстречу ему баран — рога крутые, завитые. Спрашивает баран:

— Далеко ли, бык, идешь?

— Иду от зимы лета искать — хочу дом строить, а то зимой холодно будет. Пойдем, баран, со мной, вместе дом поставим, в тепле зимовать станем.

— Бэ-э-э! — отвечает баран. — У меня шуба теплая, я и зимой не озябну.

Идет бык дальше. Навстречу ему свинья Оксинья — нос пятачком, хвостик крючком. Спрашивает свинья:

— Далеко ли, бык, идешь?

— От зимы лета искать — хочу дом ставить. Пойдем со мной, вместе строить будем, в тепле зимовать будем.

— Ох, ох, — отвечает свинья Оксинья, — на что мне дом? Я зимой в землю зароюсь, листьями покроюсь, вот мне и тепло будет.

Идет бык дальше. Навстречу ему гусь краснолапый. Спрашивает гусь:

— Далеко ли, бык, идешь?

— От зимы лета ищу. Хочу дом ставить, а то зимой холодно станет. Пойдем со мной, построимся и в тепле прозимуем.

— Го-го! — отвечает гусь. — Мне дом не нужен, я одно крыло под себя постелю, другим оденусь, вот мне и хорошо будет. У меня перо теплое, а пух и того теплее.

Идет бык дальше. Навстречу ему петух нарядный — в красной шапке, в сапогах со шпорами. Спрашивает петух:

— Далеко ли, бык, идешь?

— Иду от зимы лета искать. Хочу дом поставить. Пойдем со мной, вместе построимся, в тепле от зимы скроемся.

— Ку-кареку! — отвечает петух Красная шапка. — На что мне дом! Я куда хочу, туда и залечу. Не боюсь ни жары, ни холода. Если что, я в деревню уйду, в любой двор пустят.

— Ну, что ж, — отвечает бык, — иди, только смотри, во щи не попади.

Остался бык один. И принялся дом строить. Стены поставил на моху. Крышу слегами застелил, листом прикрыл и землей завалил. Теплый получился у быка дом! Нашел он от зимы лета — в тепле живет.

Но вот однажды слышит бык — кто-то к нему в дверь стучится. Бык спрашивает:

— Кто там?

— Это я, круторогий баран. Пусти, бык, погреться.

— Ну-у-у! — отвечает бык. — Тебе тут делать нечего — у тебя шуба теплая, тебе и зимой не холодно. Ступай мимо.

— Бэ-э-э! — рассердился баран. — Вот ты какой! А я вот разбегусь, да как ударю рогами, всю дверь в щепочки разобью.

«От такого, пожалуй, дождешься, — думает бык, — недаром говорят: упрям, как баран». Отворил дверь, говорит:

— Ну, ладно, иди грейся.

Стали жить вдвоем.

Прошло времечка много ли, мало ли, опять кто-то стучит в дверь. Бык спрашивает:

— Кто там?

— Это я.

— Кто «я»?

— Свинья Оксинья. Или не узнал? Пусти, бык, погреться.

— Ну-у, — говорит бык, — ни за что не пущу. Ты в

землю да в листья зароешься, тебя никакой холод не проберет.

— Ох, ох, ох, — застонала свинья Оксинья. — Ох, не доводи, бык, до греха — я вот рассержусь, да у тебя стену подрою, она по бревнышкам и раскатится.

— От такой, пожалуй, и станется, — думает бык, — свинья она свинья и есть. Кроме свинства от нее и ждать нечего. Отворил дверь, говорит:

— Ну-у, ладно, заходи, грейся.

Живут втроем — бык, баран и свинья.

И вот опять кто-то в дверь:

— Тук-тук.

Бык спрашивает:

— Кто тут?

— Это я — гусь Красные лапы. Пришел к тебе греться.

— Ну-у, не-ет! — говорит бык. — Не пущу. Ты одно крыло постелешь, другим оденешься, пух у тебя теплый, чего еще тебе надо.

— Го-го-го! — закричал гусь.—Не пустишь, так и сам тепла не увидишь. Я из твоей стены весь мох повыдергаю, тебя тогда и дома холодом проберет.

«Ну и гусь лапчатый! — думает бык. — От такого всего можно ожидать, он, пожалуй, и повыдергает». Отворил дверь, говорит:

— Ну, заходи.

Прошло еще немного времени, опять в дверь:

— Тук, тук, тук.

Бык спрашивает:

— Кто тут?

— Это я — петух Красная шапка. Пришел я к тебе, бык, с тобой в тепле жить.

— Ну-у, — говорит бык, — уж тебя-то я никак не ожидал. Ведь ты хотел в деревню идти. Там и погрелся бы.

— Кок-ко-ко-ко! — рассердился петух. — Не пустишь, так я повыше взлечу, всю землю на крыше разворочу, все жердочки раскидаю. Доберется к тебе в дом зима, заморозит тебя.

«От него станется», — подумал бык и отворил дверь.

— Ну, иди, отчаянная голова. Только скажи — что же ты в деревне не остался? Неужели никто не пустил?

— Не только пускали, даже сами заманивали: «Цып, цып», да «Петь, Петь». А я все-таки не остался, потому что поопасался— на всех дворах дрова рубят, во всех избах печи топят, неровён час задумают щи варить. Я и ушел от греха подальше.

Стало их в дому пятеро. А углов только четыре — в одном круторогий баран полеживает, в другом свинья Оксинья развалилась, в третьем Гусь Лапчатый угнездился, а в четвертом Петушок Красная шапка похаживает.

Всем жильцам по углу, только быку негде приютиться. «Вот, — думает, — в своем дому без угла остался, лежи тут среди пола. Разве не обидно?»

А тут еще Петух Красная шапка начал быку выговаривать:

— Ко-ко-ко! Какой у тебя дом неудобный — посидеть не на чем. Ты хоть какой-нибудь нашестик сделал бы. Я бы тогда тебе угол освободил.

Обрадовался бык. Говорит:

— Ну, ты сходи, Петя, в лес, принеси какую-нибудь жердочку, я тебе нашест сделаю.

— Нет, — говорит петух, — мне и выглянуть нельзя. Я в окошко видал — тут все лиса похаживает. Это она меня поджидает.

— Ого-го, — говорит гусь, — она и гусятинку тоже любит. Уж если кому идти, так это барану. Его лиса не съест.

— Бэ-э-э, — говорит баран, — а мне не охота к волкам на обед попасть — оставят рожки да ножки.

— Ну и ну! — говорит бык. А сам думает: «Не стал бы я вас просить, да боюсь, как бы вы меня совсем из дома не выжили. Возьмут да запрут дверь, оставят меня на морозе... Лучше уж буду среди пола ночевать».

Тут завозилась свинья Оксинья. Говорит:

— Ох, ох, видала я — возле дома лутошка валялась. Пойду-ка вырою ее из-под снегу.

Вышла она за дверь и через малое время притащила лутошку. Говорит:

— На, бык, делай нашест.

Сделал бык нашест. Взлетел на него петух и закричал во все горло:

— Ку-ку-кореку! На нашесте сижу, на все стороны гляжу, всех вижу! В одном дóму пятеро живем, хоть и в тесноте, да не в обиде.

Слышала и пересказала М. П. Смирнова.
Село Русский Ищим, Городищенского района. 1959 г.

КУЗНЕЦ И МЫШКА

В давние времена жил-был старый кузнец со своей старухой. Детей у них не было, хозяйства тоже никакого, даже кота в избе не держали.

Тридцать лет кузнец изо дня в день гнул спину над наковальней. Ковал он подковы для царской конницы, а денег приносил домой мало, потому что стар стал, а старик много не наработает. И к тому же царь был скуповат.

Однажды пришел старик домой раньше времени, сел у окна и запечалился. Заметила это старуха, спрашивает:

— Что с тобой? Уж не случилось ли какой беды?

— Пришла к нам беда, — отвечает кузнец. — Такая беда, не знаю что и делать. Сегодня в полдень пришел в кузницу сам царь и велел мне наковать шесть тысяч подков для его конницы, а сроку дал только три дня. Царь сказал мне: «Собираюсь идти походом на соседнее государство, и ты мне должен подковать заново всех моих лошадей. Сделаешь — награжу. А если в срок не успеешь, сниму с тебя голову».

Как услыхала это старуха, так и упала на лавку, как подкошенная, заплакала горькими слезами.

Сидят кузнец с кузнечи́хой, горюют.

Вдруг из подполья вылезла маленькая серая мышка, встала перед стариком на задние лапки и заговорила человеческим голосом:

— Не плачь, дед. Не плачь, баба. Из этой беды я вас выручу. Окажу вам услугу за то, что вы не держали в дому кошку, дали мне вольготно пожить. За ваше доброе отплачу вам добрым — всю работу, что царь задал, за одну ночь сделаю. Только вот мое условие: когда царь даст плату за подковы, ты, дед, купи мне десять зе-

рен черного проса. Достать такие зерна можно только в одном месте — у лавочника на главной царской площади. Зерна эти стоят больших денег. Если обещаешь сделать, как я прошу, то можете спать спокойно.

Не очень верилось старикам, что маленькая мышка может сделать такое большое дело, но куда же деваться? И бабка велела старику согласиться на мышкино условие. И старик дал слово, что если не завтра, а хоть через три дня будут готовы для царских коней подковы, то купит он для мышки десять зерен черного проса, сколько бы они ни стоили.

Повздыхали старик со старухой и отправились спать, решив, что «утро вечера мудренее».

Утром старый кузнец пришел в кузницу, глядь — лежат на полу горкой шесть тысяч готовых подков. Обрадовался дед, пошел ко дворцу и велел слугам доложить царю, что исполнил он царский заказ до срока.

Царь приказал позвать кузнеца. Пришел кузнец в царские палаты, царь его спрашивает:

— Выполнил ты всю работу, какую я тебе задал?

— Как же я могу ослушаться своего царя-батюшки! — отвечает кузнец. — Готовы подковы.

— Не верю, — говорит царь. — Шесть тысяч подков за один день, — не то что один, а и семеро кузнецов не сделают. Я тебе потому такую задачу дал, что хотел от тебя избавиться — ты стар стал, много сделать не можешь. Мне нужен кузнец молодой, проворный.

— А я в работе молодого за пояс заткну, — говорит кузнец. — Пойдем, батюшка-царь, в кузницу. Коль не веришь моему сказу, поверь своему глазу.

Пришли они в кузницу. Вошел царь и видит — лежат на полу горкой подковы. Велел царь своим провожатым пересчитать подковы. Пересчитали. Оказалось ровно столько, сколько было заказано. Отказаться от своих слов царю, конечно, нельзя. И велел он казначеям выдать кузнецу награду — мешок серебра и мешок золота.

Получил кузнец царскую награду, вышел из дворца и отправился домой. По пути зашел в лавочку на главной царской площади. Говорит лавочнику:

— Продай мне десять зерен черного проса.

Подал ему лавочник десять зерен и запросил за них как раз столько, сколько старый кузнец из царской казны получил. Жалко кузнецу отдать всю царскую награ-

ду за десять маленьких зернышек, но он подумал: «Мышка спасла мне жизнь, а ведь жизнь дороже серебра и золота. Шут с ними, с этими мешками, куплю мышке обещанные зерна». И отдал лавочнику все, что от царя получил. Взял он зернышки, завязал в узелок и пошел.

Подходит он к дому, видит—стоит на крыльце старуха, томится, его дожидается. Увидела его, в голос заплакала.

— Жив, старик мой? Я уж и не чаяла тебя увидать.

— Жив, жив, жена! Только погоди — я мышке обещанное отдам, а тогда расскажу все по порядку.

А мышка тут как тут — вертится под ногами. Высыпал он перед мышкой десять зерен черного проса, и стала она по зернышку лапками брать да погрызывать. А старики в избу вошли, сели у стола, и стал старик рассказывать своей старухе, как было дело.

Вдруг отворяется дверь, входит к ним в избу добрый молодец — в плечах — косая сажень, лицо — кровь с молоком, а кудри — из кольца в кольцо вьются. Поклонился он старикам в ноги и говорит:

— Спасибо тебе, дедушка, что снял ты с меня злое волшебство, которое навела на меня мачеха, когда помер мой батюшка, обратила она меня, молодца, в маленькую мышку. Теперь буду я покоить вашу старость, почитать стану, как родных отца с матерью.

И удивились и обрадовались старики. Приняли они молодца Ванюшку к себе в сыновья.

Стал Ванюшка работать в кузнице. Денег он зарабатывал много, поправили старики свое хозяйство. Очень были они довольны своим названым сыном. Пришло время — женили его. Родила им сноха внука. Бабушка за внучком приглядывала, а дедушка ходил на речку рыбку ловить.

Так и жили они дружным семейством долгие годы.

П. М. Шестаченко—маляр, 50 лет. Пенза. 1960 г.

СОЛДАТ ЧЕРТЕЙ НЕ БОИТСЯ

Шел солдат с царской службы. Ни денег, ни добра какого не нес, только и было у него, что на память взял,— подсумок с патронами. А больше царь ему ничего не дал.

И вот притомился он дорогой, да и поесть захотел. Зашел он в деревню, постучался к богатому мужику, попросился ночевать. Но богатый мужик его даже в дом не пустил. «Пойду-ка я, — думает солдат, — попрошусь лучше к самому бедному мужику».

Идет он дальше. И видит — стоит избенка плохонькая, еле держится, вот-вот развалится. Постучался солдат, попросился ночевать. Мужик ему говорит:

— Я бы рад пустить тебя, да уж больно тесно живем. Сам видишь — и постелить-то тебе негде. Хотели мы попросторнее зажить, новую избу поставили, а переходить в нее боимся — нечистые там поселились.

Солдат видит — стоит рядом новый дом. Спрашивает:

— Не этот ли твой дом? Вот и пусти меня в него переночевать.

— Дом-то мой, — говорит мужик, — да говорю тебе, нельзя в нем жить. Черти там прижились. Лучше переночуй как-нибудь у нас на полу.

— Нет, — говорит солдат, — пойду ночевать в новый дом, посмотрю, что там за черти. Только купи мне орехов.

Купили ему орехов. Накормили его ужином, дали ему постель. И пошел солдат ночевать в новый дом.

Вынул он пули из патронов, положил эти пули в один карман, а в другой орехов насыпал. Взял он бурав, провертел в стене отверстие, сделал к нему хорошую пробку и припрятал эту пробку в карман.

Стало время подходить к полночи. Сел солдат за стол и принялся орехи грызть. И вот видит — заходит чертенок. Поглядел чертенок на солдата и ушел. А через минуту налезло в горницу столько чертей, что и не пересчитаешь. Кричат, свистят, прыгают. А солдат сидит и грызет орехи, на чертей и внимания не обращает, будто их тут и нет.

И вдруг все черти смолкли. Заходит старший черт, спрашивает солдата, что он тут делает.

— Орехи грызу, — отвечает солдат. — Не хочешь ли попробовать?

И подает черту три пули. Взял черт пулю в рот, грыз-грыз, ничего не получается. А солдат грызет себе и грызет. Черт просит:

— А ну-ка, разгрызи один, дай протведать.

Разгрыз солдат орех, дал ядрышко черту. Черту понравилось. Хотел он заставить солдата разгрызть все орехи, а потом подумал, что солдат очень сильный, значит силой здесь ничего не сделаешь. И предложил черт солдату в карты сыграть.

— Если, — говорит, — ты выиграешь, то я плачу тебе золотом. А если ты проиграешь, то разгрызешь мне все твои орехи.

Солдат согласился. Поиграли немного, он и говорит:

— От карт мне спать хочется. А если возьмет меня дремота, не смогу я орехи разгрызть. А давай займемся чем-нибудь повеселее. Слыхал я, что вы, черти, можете сделаться очень маленькими. Верно или нет?

— Верно, — говорит черт, — можем.

— Вот если сможете все влезть в это отверстие, то я разгрызу для тебя все орехи. А не сможете, то нет тебе ни одного ореха.

Черт говорит:

— Да это для нас не работа, а забава!

И скомандовал всем чертям лезть в дыру в стене. Когда залезли все черти, влез за ними и сам главный черт. А солдату того и надо было. Взял он пробку и начал заколачивать ее в отверстие. Так сжал там чертей, что у них ребра затрещали.

Взмолились тогда черти, просят солдата, чтобы выпустил их, и пообещали, что сделают все, что он пожелает. Солдат говорит:

— А мне от вас пока нужно только одно — чтобы вы забыли этот дом и никогда сюда не заявлялись. А если попадетесь когда-нибудь мне на глаза, то я расправлюсь с вами по-другому.

Черти поклялись, что никогда больше не попадутся ему на глаза. Тогда солдат пробку выбил и выпустил чертей. Вылезли они и бросились бежать. Только солдат их и видел!

Постелил он себе постель, лег и сладко уснул.

Утром рано поднялся хозяин и говорит жене:

— Наверно, теперь солдата и в живых нет. Пойду посмотрю, может быть, хоть кости соберу, похороним как должно.

Заходит он в новый дом и видит — солдат спит как ни в чем не бывало, даже улыбается во сне. Разбудил его хозяин, спрашивает, видел ли он чертей.

— Видел, — отвечает солдат, — не только видел, а и выгнал их отсюда. Теперь можете переходить в этот дом и жить спокойно.

Хозяин не верит. Говорит:

— Боюсь.

— Если не веришь, — говорит солдат, — то можешь убедиться, если переночуешь со мной ночку в этом дому.

Хозяин согласился. А когда переночевал вместе с солдатом и ничего страшного не увидел и не услышал, переселил в новый дом и всю свою семью. А солдата упросил пожить с недельку вместе с ними в новом дому.

Прошла неделя, убедился хозяин, что черти больше не приходят, и не стал больше задерживать солдата, отпустил его с подарками.

Распрощался солдат с хозяином этого дома и опять пошел своей дорогой.

Прислал Н. А. Поляков. Завод «Белинскгсельмаш» Пензенской области. 1960 г.

ОН БЫ ИСТОПИЛ...

Зашел сосед к соседу и говорит:

— Как у тебя в избе холодно! Ты хоть галанку[1] истопил бы.

— Я бы истопил, да дровец ни палки нету.

— Съездил бы в лес, привез бы дровишек.

— Я бы съездил, да у меня сани поломались.

— Ну что ж — поломались? А ты починил бы.

— Я бы починил, да топор в неисправности — все топорище разбито.

— Эка беда — топорище разбито! Недолго новое сделать.

— Я бы сделал, да лесу подходящего нету.

— Да лес-то рядом. Дошел бы да вырубил что тебе подходяще.

— Вот бестолковый! Да с чем же я в лес пошел бы? Ведь топор-то без топорища не рубит.

Записала А. Анисимова от И. И. Гудина. Село Поим. 1944 г.

[1] Галанка или голанка (голландская печь) — подтопка.

СОЛДАТ И ЦАРЬ

В старину в солдатах долго служили — до седых волос. Один такой отслуживший возвращался домой. Железных дорог тогда и в помине не было, пешком ходили.

Идет солдат. А навстречу ему офицер. Спрашивает он:

— Отслужил?

— Так точно, ваше благородие, — отвечает солдат,— отслужил.

— А ты царя видал?

— Никак нет, — говорит солдат,—царя увидать не доводилось.

На том они и расстались, пошли каждый своей дорогой.

Идет солдат, а сам думает: «А ведь дело-то неладное получается: царю служил, а царя не видал. Приду домой — чего людям-то сказывать буду?» Он и махнул прямым ходом в город в Санкт-Петербург. Долго ли, коротко ли шел, достиг столицы. Пришел ко дворцу, встал у белого крыльца и ждет-поджидает — не выйдет ли царь? Царь-то не вышел, а часовые его заметили, спрашивают:

— Чего тебе здесь надобно? Кто ты такой?

Объяснил им солдат, что вот, мол, так и так — требуется царя повидать. Часовые караульного начальника вызвали. Караульный начальник узнал в чем дело и говорит:

— Ну, солдат, завтра разберемся, примет ли тебя царь. А сейчас отдыхай.

Отвел его в помещение и запер.

Не долго думая, солдат поел чего пришлось, разостлал шинель, шинель под голову, шинелью оделся и захрапел — на весь дворец слышно. Умаялся, сердяга, аж забыл, где он находится.

Пришло утро. Солдат, ни свет ни заря, уже на ногах. Разгладил бороду, усы расправил. Ждет.

Вдруг дверь открылась, и сам царь Петр Великий стоит на пороге. Посмотрел на солдата и говорит:

— Ты хотел меня видеть?

— Так точно, ваше царское величество, — отвечает солдат.

— Какая у тебя ко мне просьба?

— Была просьба, ваше царское величество, — повидать вас хотел. Ну вот, повидал, и больше мне ничего не надо. Никакой просьбы больше у меня нет.

Улыбнулся царь и говорит:

— Ну, тогда давай побеседуем. Скажи мне—сколько я стою?

— Двадцать девять рублей, ваше царское величество, — отвечает солдат, не моргнув глазом.

— Что же так дешево?

— А как же? За тридцать небесного царя продали, а вы хоть и царь, а все-таки земной. Хоть на рубль, а все подешевле.

Удивился царь дерзкому ответу. И спрашивает:

— А скажи мне — высока́ ли высота небесная?

— Нет, ваше царское величество, не так высока — там загремят, здесь слышно.

— А глубока́ ли глубина морская?

— Глубока, ваше царское величество! Наши отцы-деды сто лет как туда ушли, и до сих пор не вернулись— все меряют.

— Ну ладно, — говорит царь. — Посиди пока.

И велел отвести солдата на гауптвахту. А к себе призвал трех своих генералов. Спрашивает их:

— Сколько я стою?

Стоят генералы, дрожкой дрожат, ничего ответить не могут. И насчет небесной высоты и морской глубины ничего сказать не придумали. Царь велел и их посадить на гауптвахту.

Прошло времени много ли, мало ли, приказал царь всех четверых позвать к нему. Пришли. Царь велел высыпать меру золота. Спрашивает генералов:

— Сколько тут будет денег?

Молчат. Без счету как скажешь? Ошибиться можно...

Царь солдата спрашивает:

— Сколько тут денег?

Солдат, ничего не говоря, начал складывать деньги к себе в ранец и в карманы.

— Ты что, солдат, делаешь?—спрашивает царь. — Почему без счета берешь?..

— А я, ваше царское величество, вашему счету и так верю, — отвечает солдат.

Наградил его царь и отпустил домой.

Пошел солдат в свои родные края. И говорят, шел

да всех бедных и сирот деньгами оделял. Домой пришел с пустым ранцем на плечах. Ну, ничего, дома и тому обрадовались, что живым вернулся.

Записал В. И. Буйлов от И. Т. Федорова 79 лет. Село Куракино Сердобского района. 1959 г.

ПРО КУКУШКУ

Поймал мужик в лесу кукушку, несет ее домой, а сам думает: «Ну что я ее ловил? Какой мне от нее толк? Ни мяса в ней нет, ни пера. Только время зря потерял». И хотел было кукушку выпустить. И вдруг видит он — по дороге ему навстречу барин едет. «Погоди, — думает мужик, — может, я ее барину всучу?».

Подъехал барин. Остановил лошадей. Спрашивает:

— Чего это ты несешь, мужичок?

— А вот, — говорит мужик, — несу охотничью птицу ловитку.

— Какую такую ловитку? Кого она ловит?

Мужик говорит:

— Она у меня, барин, уток очень ловко бьет. Каждый день утятину едим. Баба даже ругаться стала: надоело, говорит, каждый день все утятина да утятина.

Барин позавидовал:

— Продай мне, мужичок, эту птицу.

Мужик подумал, подумал и говорит:

— Нет, барин. Продать я ее никак не могу. У нас, у охотников, не положено такую птицу продавать. Она дороже всяких денег. Другое дело — променять. Это можно.

Барин обрадовался:

— Ну, так зачем же дело встало? Давай сменяемся. Что ты за нее получить хочешь?

Мужик говорит:

— Ох, барин, уж я и не знаю, как быть? Жалко отдавать такую драгоценную птицу. Кабы хозяйка не ругалась, я бы ни за что не сменял. Ну, ладно, сделаю тебе уважку — сменяю. Давай мне за нее пару лошадей с тарантасом, и будем в расчете.

А барина такой задор взял — он на все согласен.

Слезает он с тарантаса, отдает мужику вожжи, принимает из его рук кукушку и говорит:

— Чур — мена без размена! Только ты научи меня— как с этой птицей обращаться.

— Да чего тут обращаться, — говорит мужик, — как увидишь—утка летит, сейчас же выпускай птицу и крикни: «Бей поскорей!» А уж она свое дело знает.

На том и расстались. Мужик подхлестнул лошадей и поехал куда ему надо. А барин к болоту пошел, где утки водятся.

Шел он, шел и вдруг видит — летит стая уток. Он сейчас же выпустил кукушку и кричит ей:

— Бей поскорей!

А кукушка немного отлетела, села на дерево и:

— Ку-ку!

«Гляди-ка ты, — думает барин, — еще спрашивает — каку? Видать, умная птица». И кричит ей:

— Выбирай, какая пожирнее.

А утки тем временем уже пролетели...

Немного погодя летит еще стая уток. А кукушка на дереве опять:

— Ку-ку!

Барина нетерпенье берет. Кричит он:

— Ладно тебе спрашивать «каку» да «каку». Бей, какая к тебе ближе.

Только эта стая из виду скрылась, третья стая летит. И опять кукушка с дерева голос подает:

— Ку-ку!

— Да бей ты, шут тебя подери, хоть какую-нибудь,— кричит барин.

А кукушка на дереве:

— Ку-ку!

Замахала крыльями — ха-ха-ха...

И улетела в лес.

Тут барин понял в чем дело. Думает он: «Ловко меня мужик обманул — птица и то надо мной на весь лес засмеялась».

Записал В. А. Воробьев. Сказку эту слышал в детстве от своего отца А. М. Воробьева.
Пенза. 1959 г.

РУКИ НЕ ДОХОДЯТ...

Одна женщина пришла к портному и просит:

— Сшей моему мужику рубаху. Уж больно самой-то некогда, никак время не выберу. Пожалуйста, я тебя прошу, сшей.

— Ну, что же, — говорит портной, — это можно! Сошью.

Взял он у ней материю, скроил и шить начал. А эта женщина сидит да про свои дела рассказывает:

— Вот как некогда, вот как некогда —весь день за делами, хоть разорвись, а всего не переделаешь. Шутка сказать—то одно, то другое, то третье. Вот и рубаху эту разве я сама-то не сшила бы? А все некогда, прямо-таки руки не доходят

Долго она так рассказывала, а потом спохватилась:

— Ну, ты шей. А я уж пойду, дома-то ведь дела ждут.

— Иди, когда так, — говорит портной, — кстати и рубаху захватишь. Последнюю пуговку пришиваю.

Записала А. П. Анисимова. Село Сурское Ульяновской области. 1960 г.

ГДЕ ЭТО ТЫ НАСЛУШАЛСЯ?

Собрались однажды мужики у двора и беседуют. Один принялся какую-то историю рассказывать, а другой слушал, слушал да и говорит:

— И не стыдно тебе врать? Не было ничего такого, и быть не могло. Где это ты такой чепухи наслушался?

Тот даже руками развел:

— Вот те раз! Это как же — «где наслушался»? Да ведь ты сам мне вчера сказывал.

СИДИТ ДУРАК У ДОРОГИ...

Сидит дурак у дороги, горькими слезами заливается. Идет мимо прохожий человек, спрашивает:

— Ты что, дурак, плачешь?

— Шапку потерял.

— Да где же ты ее потерял?

— Кабы я знал, где потерял, я бы ее нашел, — отвечает дурак.

Из записей А. П. Анисимовой в селе Поиме Пензенской области. 1944—1950 гг.

ГДЕ БЛИНЫ, ТУТ И МЫ!

Пришел один леноватый человек в знакомый дом, видит — блины пекут. Он и говорит:

— Вот как я хорошо подгадал — «где блины, тут и мы!»

— Блины-то блины, — отвечает хозяйка, — да вот у меня дровец не хватает. Выдь-ка, наруби немножко. Так, самую малость.

— А топор-то у вас вострый?

— Вострый, вострый, — говорит хозяйка, — топор у нас хороший!

— То-то вот и беда: вострым я не могу — боюсь ногу не повредить бы.

— А у нас и тупой есть.

— Ну вот! Скажет тоже! Тупой—это уж не топор, им ничего и не нарубишь...

Записал В. И. Буйлов от своей матери Н. Ф. Буйловой 63 лет. Село Куракино Сердобского района. 1959 г.

ЧУВАШСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

ИЛЛЯ И МАЛЛЯ

Жили-были в одном селе старик со старухой. Был у них сын, звали его Илля́. Все шло своим чередом — старики старели, а сын подрастал. Пришло время, старики сказали:

— Пора сына женить. Наши старые кости покоя просят, пускай нас теперь сын с невесткой кормят.

Сказано — сделано. Женили старики своего Иллю́ на девушке из соседнего села. Звали девушку Малля́.

Недолго после этого прожили старики. Померли. Остались молодые муж с женой одни, некому стало их уму-разуму учить, на добрые дела наставлять. А молодые умом не очень богаты были и работать не любили. Илля день-деньской на печи лежал, потолочные доски считал. А Малля не любила дома сидеть, кое-как сварит, поест и бежит к соседкам.

Долго ли, коротко ли они так жили, родительский хлеб подошел к концу, и есть стало нечего. Думали, думали — что делать? А есть хочется.

— Иди, Илля, к моим родителям в гости, — говорит Малля, — дадут они тебе чего-нибудь съестного, ты гостинец домой неси.

Пошел Илля к тестю с тещей в гости. Приняли его как полагается, накормили-напоили, добрым словом приветили. А когда стали провожать, дала ему теща масла топленого кусок.

Идет Илля по селу и вдруг набросились на него собаки — лают-гавкают, укусить норовят. Илля и бросил им кусок масла:

— Нате, ешьте, только от меня отвяжитесь.

Вернулся Илля домой, взобрался на печь, лежит, потолочины считает, ждет, когда Малля от соседей придет.

Пришла Малля, спрашивает:

— Дали тебе чего-нибудь?

— Дали, — говорит Илля.

— Чего?

— Масла кусок.

— А где масло?

— Собаки съели.

И рассказал, как дело было, почему он масло собакам бросил.

— Эх, дурачок, — говорит Малля, — собак надо было камнями отогнать. А гостинец принес бы домой, стали бы мы с тобой в похлебку масла класть, похлебка-то получше была бы.

— Ладно, — говорит Илля, — другой раз так и сделаю.

Когда дело касалось еды, Илля с Маллей надолго не откладывали. На другой же день Илля опять отправился к тестю с тещей. Погостил он у них, а когда стал домой собираться, посмотрели они — шуба-то у него драная. И подарили они Илле шубу, не совсем новую, но получше той, какая у него была.

Пришел Илля домой и думает: «Велела Малля гостинец в похлебку положить, а шуба тоже гостинец». Изрубил он шубу топором и положил в чугун с похлебкой. Взобрался он на печь, лежит, потолочины считает. Маллю от соседей поджидает.

Пришла Малля, спрашивает:

— Гостинец дали?

— Дали.

— Что дали?

— Шубу.

— Где же шуба?

— В чугуне. Ты велела гостинец в похлебку положить. Я так и сделал.

— Эх ты, глупый муженек! — говорит Малля.—Разве шубу в чугун кладут? Ты бы повесил ее на гвоздь. Го-

дилось бы когда и мне надеть, и сам носил бы. Такой подарок беречь надо.

— Ладно, — говорит Илля, — я так и сделаю.

И опять Илля пошел к тестю с тещей в гости. На этот раз дали ему козу. Сказали:

— Веди эту козу домой. Коровы у вас нет, а от козы молочко будет, хотя бы на приправу к похлебке. Пора вам обзаводиться скотиной.

Привел Илля козу домой. Думает: «Козу мне подарили, а подарок надо на гвоздь вешать».

И повесил он козу на гвоздь. Коза подрягалась, подрягалась, и дух из нее вон.

Лежит Илля на печи, потолочины считает, Маллю дожидается.

Пришла Малля. Спрашивает:

— Подарок есть?

— Есть, — отвечает Илля. — Все сделал, как ты велела. Вон на гвозде висит.

Глянула Малля и ахнула — коза уже и не дышит. Принялась Малля мужа ругать:

— Эх ты, глупый, глупый! Ни один дурак до сегодняшнего дня коз на гвозди не вешал. В следующий раз так не делай, а загони ее в хлев, сенца подкинь, чтобы поела. А хлев-то запри покрепче.

— Ладно, — говорит Илля, — сделаю, как ты велишь.

В следующий раз, когда Илля погостил у тестя с тещей, проводили они с ним сестру Малли, которая еще при них жила. Говорят:

— Вот возьми с собой свояченицу, пусть погостит у вас, помогать Малле будет, а то Малле одной трудно справляться и дома, и на дворе, ведь она хозяйка молодая. А сестренка ей помогать будет.

Привел Илля свояченицу к себе во двор, толкнул ее в хлев, бросил сена клок и дверь крепко-накрепко запер.

Лежит Илля на печи, потолочины считает, Маллю поджидает.

Пришла Малля. Спрашивает:

— С чем из гостей пришел?

— Твою сестру привел, — отвечает Илля. — Там она, в хлеве запер, как ты велела, и сенца положил, чтобы покормилась.

Ахнула Малля:

— Чего же ты, глупый муженек, наделал! Ведь она у нас гостья, а ты ее в хлев? Надо в дом привести, за стол посадить, хорошенько угостить. Козлятина у нас теперь есть, вот и угостим гостью.

Привела она сестру из хлева, за стол посадила, щами с козлятиной угостила.

Через малое время Илля опять к тестю с тещей в гости отправился. Встретили его хорошо, а проводили еще лучше, сказали:

— Ты все один у нас гостишь, а теперь с женой приезжай. Возьми нашу лошадь, на ней и приедете с Маллей. А сестра там за нее дома похозяйничает. Завтра будем вас ждать.

Запряг тесть лошадь. Сел Илля и поехал.

Явился Илля домой и думает: «Лошадь мне не подарили, а на время дали, значит, она тоже гостья. Надо ее за стол посадить и угостить». Выпряг он лошадь, завел ее в дом к столу и поставил перед ней щи с козлятиной. Лошади, известное дело, мясного запаха не выносят, как всхрапнет лошадь, как взбрыкнет... И чугун со щами опрокинула, и стол свалила, и Иллю с ног сшибла. А сама ходу из избы на двор.

Лежит Илля на полу без сознания, а свояченица стоит над ним, плачет. А в это время Малля от соседей воротилась. Спрашивает:

— Что тут такое случилось?

Илля очнулся и отвечает:

— Случилось, что я лошадь мясными щами стал угощать, а она, видишь, что натворила.

— Ах, муженек ты мой глупый!—говорит Малля.— Какой дурак до сего дня лошадь мясом угощал? Надо было ее в хлев поставить, сенца ей дать.

— Ну ладно, — говорит Илля, — сейчас я ее в хлев загоню и сена дам. А завтра нам с тобой к твоим родителям ехать. В гости звали.

На другой день Илля с Маллей встали не поздно, не рано, лошадь запрягли и поехали в гости.

Старики обрадовались — дочь с зятем в гости приехали! Встретили их ласково, напоили-накормили, спать уложили.

Спят гости, хорошие сны видят.

Среди ночи проснулся Илля, толкает Маллю в бок, говорит:

— Малля! Мне что-то пить хочется.

Говорит Малля:

— Ступай в погреб, там бочка, а в бочке квас. Ковшик найдешь, он там под решетом лежит. Нацеди в него и попей. А если прольешь маленько, то песочком засыпь, там ящик с песком стоит.

Спустился Илля в погреб, нашел в темноте бочку, нащупал ковшик под решетом, ототкнул затычку и стал цедить квас в решето. Выцедил весь квас, капли в бочке не осталось. Так и не напился. А под ногами, чувствует, мокро. «Надо, — думает, — песочком засыпать. Тут где-то ящик с песком». Нащупал на погребице ларь с мукой, опрокинул его, всю муку в квасную лужу высыпал.

Воротился Илля в избу, будит жену:

— Малля! Я все сделал, как ты велела, — лужу-то песком засыпал.

А к этому времени уже стало рассветать. Глянула на него Малля, а он весь в муке! Догадалась Малля в чем дело, так и ахнула:

— Да ты, верно, муку высыпал?

— А я думал, это песок.

— Ах ты дурень! Что же ты наделал? Бежим скорее, пока мать с отцом не проснулись.

И убежали...

А бежали не улицей, а задами да огородами, чтобы люди не увидали.

Говорят, они долго после этого жили и все таким же порядком. А иные уверяют, что живут и по сей день.

Записал от Г. С. Краснощекова и перевел с чувашского языка Г. П. Данилов.

Село Бик-Мурзино Неверкинского района, Пензенской области. 1940 г.

ТАТАРСКИЕ СКАЗКИ

ПОХОЖДЕНИЯ АЛДАРА

КОНЕЦ СВЕТА

Однажды Алдар купил овцу на базаре. Повел ее домой. На дороге встретились ему два вора.

— Салам-алейкум, Алдар!

— Салам,—отвечает он.—Куда путь держите, люди?

— Идем спасаться. Разве ты не слышал, что завтра конец света.

Испугался Алдар:

— Вай, аллах! Что же мне теперь делать — пропадет моя овца...

Воры говорят:

— Давай, Алдар, зарежем овцу и съедим.

— Ну что же, резать, так резать. Вы идите собирать хворост, а я овцу зарежу и буду жарить.

Дело было в лесу, у реки. Принесли они хворосту, но принесли мало: не то что овцу зажарить, курицу сварить не хватило бы. Один вор говорит другому:

— Пока Алдар овцу жарит, пойдем, искупаемся в реке.

Разделись они и стали купаться.

Они купаются, а у Алдара костер начал затухать, вот-вот совсем погаснет. Стал Алдар их звать, чтобы они еще хворосту принесли. А воры купаются и посмеиваются, думают, что Алдар сам за хворостом сходит.

Звал, звал их Алдар, устал даже. Рассердился, взял их одежду и бросил в костер. Огонь разгорелся, и дожарилась овца.

Искупались воры, подошли к костру. Один спрашивает:

— Слушай, Алдар, как же ты сумел дожарить овцу? Ведь хворосту было мало.

А другой спрашивает:

— Алдар, а где же наша одежда?

— А зачем она вам? — отвечает Алдар. — Все равно завтра конец света. Вот я и бросил ее в огонь, дожарил овцу.

АЛДАР И МУЛЛА

Однажды Алдар сказал мулле:

— Вот если бы нашел я девяносто девять рублей, то я не взял бы их. А если и взял, то чьи эти деньги окажутся, на того целый год стал бы работать бесплатно.

Наутро, когда Алдар выходил из избы, бросил мул-

ла ему под ноги кошелек с деньгами. Подобрал его Алдар, начал считать: ровно девяносто девять рублей и ни копейки больше.

— Да разве я не возьму, — сказал он. — Здесь девяносто девять рублей, да кошелек стоит один рубль— всего сто рублей!

Увидел это мулла, затрясся от радости. «Вот, — думает, — нашелся бесплатный работник!» И говорит:

— Ага, взял! Теперь будешь работать на меня целый год.

— Нет! — ответил Алдар. — Не видать тебе бесплатного работника. Я нашел сто рублей, а не девяносто девять.

— Пойдем к судье! Он нас разберет,—говорит мулла.

— Да в чем я пойду? Видишь, на мне рваный халат, — ответил Алдар.

Дал ему мулла новый халат.

Пришли они к судье. Рассказал Алдар, как все было.

Долго думал судья, наконец сказал:

— За ум и находчивость забирай, Алдар, кошелек с деньгами и халат в придачу!

Так глупый мулла и остался ни с чем.

КАК АЛДАР ХОДИЛ В ГОСТИ

Собрался Алдар в гости.

Пришел в чем был. Стоял, стоял у порога. Никто его не замечает. «Пойду, надену новый чапан»,—подумал Алдар.

Оделся. И опять зашел в избу. Увидали его хозяева. Обрадовались, посадили в передний угол. Подали ему лучшее кушание.

Сел Алдар и начал макать рукава чапана в блюдо.

— Что ты делаешь? — воскликнули гости.

А Алдар посмеивается и приговаривает:

— Ешь, чапан, ешь! Ведь обедать посадили не меня, а тебя.

Рассказал Ш. И. Сендикаев. Перевел с татарского А. М. Бареев.
Записал В. П. Пензин.
Село Решетино Пачелмского района, Пензенской области. 1959 г.

ИЗ РАССКАЗОВ О ПРОШЛОМ

О СЕЛЕ ШЕМЫШЕЙКА

Когда я был подростком, году так в 1908, жил в нашем селе Шемышейке некто Иван Иванович Журавлев. Семья у него была небольшая — сам да жена. Этот человек интересовался редкими вещами. Он говорил, что у него есть домашний музей, а в нем такие старинные вещи: каменный топор и другие каменные орудия, много старинных монет и не то меч, не то шпага...

От него я слышал, отчего произошло название нашего села Шемышейка. Когда-то в этих лесных местах жил разбойник, которого звали Шамшей или Самшей. Жили Самшей и его шайка в ущелье в дремучем лесу, вблизи небольшой речки. Эту речку и назвали Шемышейкой (села тогда еще не было). Случилось так, что этот разбойничий атаман был пойман и доставлен к царю. Перед царем он каялся во всех своих преступлениях и обещал, что и он сам и все его сотоварищи никогда больше разбойничать не будут, а будут жить мирно и заниматься хлебопашеством.

Вот эти люди, получив царское прощение, начали строить дома, где им было указано. Так в давние годы основалось село Шемышейка. Было оно вначале совсем небольшое и находилось в дремучем лесу.

В 1918 году я был избран членом волостного исполкома Советов, работал кассиром. У меня тогда был на сохранении большой сундук с бумагами. В нем я видел старинный план села Шемышейки, этому плану было тогда более ста лет. В плане числилось в Шемышейке 83 дома. А к тому времени, когда я стал взрослым, в нашем селе насчитывалось чуть ли не 800 домов.

В настоящее время речка Шемышейка, которая берет начало с Полянского полевого родника, протекает через все село.

Надо полагать, что по течению этой речки, около крутого берега с левой стороны, и сейчас еще заметно место старого кладбища. На некоторых могилах мне приходилось видеть приваленные большие камни. Это место назвали «Старое жи́ло».

А. Н. Блинков. Пенза. 1960 г.

ПОЛОВИНА ВОЛИ[1]

— Наше село Уваровка находится на этом месте 110 лет, с 1840 года. Это я знаю точно, брал я у одного человека книгу почитать и видел там: на корочке у него было написано, в каком году, сколько дворов и из каких сел сюда переселили. Здешние жители — переселенцы из Студенки и из Сентяпина, а несколько дворов из Шабловки и из Починок. Это все были села графа Уварова. Земли у него было много, она шла полосой от Муравлей до Клеватова, верст до шестьдесят в длину, а в ширину восемь верст. Вот сколько земли имел! А в Чернышове было его имение. Сам он тут не жил, у него были управители, а по хуторам бурмистры.

[1] «Половина воли» — это народное предание о крестьянском восстании, которое произошло в апреле 1861 года в селах Кандиевке и Черногае Керенского и Чембарского уездов Пензенской губернии.

Рассказывая об этом восстании, П. К. Харлашкин не упоминает Кандиевку, а только Шабловку (Черногай) — так он слышал от очевидца, от своего крестного Фатея Григорьевича Рыбакова.

На этом месте, где сейчас наше село, тогда была степь, земля хорошая, а не под руками. Вот сюда и переселили на хутор сорок дворов. Добровольных не нашлось, переселяли насильно, поневоле. Таких «шалунков» выбрали, кто в чем не послушался, кто бурмисту или объездчику дерзкое сказал.

Старики нам рассказывали про это переселение, какой был крик и плач, когда провожали. У кого там оставались родители, у кого сестра или дочь выданные, жалко было с родными расставаться. Да и кому охота на голое место переходить? На старом жительстве все привлекало — и родня, и свое село, и лес близко. А тут — степь она, степь и есть...

Поселились тогда возле речки Сюверни. По эту сторону уваровская земля, а по ту сторону жили мордва, они крепостными не были. У наших барщина была, а они этого не знали. Бывало, наши завидовали им, когда они весной в какой-нибудь праздник выедут на луга и там гуляют, песни играют. У них гулянье идет, а тут в поле на барина работают. Тогда все дни полностью на барина работали. Мало что работали, бывало, что и порку видали.

Когда шла ликвидация барских имений, я был контролем, видел всякие конторские книги, в одной прочитал: «Корнею Ивлиеву Сухову 20 розог». Человек знакомый, я его после спросил:

— Корней Ивлиевич, это правда так было?

Он говорит:

— Правда, сынок. Было.

И рассказал, как и за что:

— Послали, — говорит, — меня на мельницу муку молоть. А время холодное не в силу, ветер, а деваться некуда. Я залез в сусек, мука-то теплая, я и уснул. А тут подъявился управитель Пичугин (он надо всей вотчиной распоряжался) и захватил меня в сусеке. «Спишь, — говорит. — Ну, спи!» И велел дать мне утром 20 розганов. Я вечером к палачу, дал ему двугривенный, а это тогда было — пуд муки. Он говорит: «Ну ладно, буду сечь полегче». Полегче, это значит будет не концами ударять, а серединой. Ну, верно—не сильно посек...

Вот как было.

А потом была отмена крепостного права, в 1861 го-

ду. Вроде освободили крестьян. Да только не то вышло, чего ожидали, — освободили наполовину. Земли на полное тягло давали сороковую десятину, а на подростков, значит, на полтягла, — по 20 сажен. И опять барщина осталась — по три дня в неделю работать на барина. Какая же это воля? Конечно, в народе недовольство пошло. Стали говорить, что обманули крестьян, что должна быть чистая воля.

Тут, в Каменке (она теперь Белинского района) был грамотный человек Ментюков, он тоже так разъяснял:

— Полное должно быть освобождение и никакой барщины.

Вот такие люди подняли тогда Каменку, Обвал, Грязнуху, Соломинку, Уваровку, Лопатино — всю уваровскую вотчину подняли.

В Шабловку (теперь ее Черногай называют) сошлись люди из двенадцати сел, возмущение было, воли требовали. Туда на усмирение пригнали роту солдат. Они пригрозили:

— Стрелять будем.

А крестьяне, кто с чем, на них пошли. Загнали солдат к бурмисту на двор. Солдаты подняли стрельбу, многих поранили. А народ еще больше возмутился, стали через сараи, через крышу, через забор палками и кирпичами кидать. После этого дали знать в губернию, в Пензу. Оттуда выслали восемь рот солдат. И сам начальник генерал Дренякин выезжал из губернии на усмирение. Тут, конечно, с палками да с кольями ничего против войска не сделаешь...

Которые были зачинщики, их записали. И начали наказывать — сквозь строй прогоняли. Руки к передкам привязывали, передки низкие, он и идет за ними в наклонном положении, а его по спине секут. Если заметят, который солдат слабо бьет, и его тоже под розги — не жалей... Вот что было. Многих тогда в Сибирь сослали навечно...

Мне про это рассказывал мой крестный — Рыбаков Фатей Григорьевич, он был приставлен воду возить на кухню солдатам, которые в Чернышове стояли.

Записала А. П. Анисимова от колхозника П. К. Харлашкина 68 лет. Село Уваровка Поимского района. 1950 г.

БУРЛАКИ

— Мой отец за год до женитьбы пошел в бурлаки. Они гоняли по реке Хопру на Дон барки с хлебом. Из города Балашова в город Ростов.

В Балашов они уходили на первой неделе поста и до вскрытия рек пилили тес, сбивали и смолили барки. Потом барки нагружали хлебом и гнали их в Ростов.

В Ростове барки разгружали. Бурлаки, получив расчет, оставались у донских казаков убирать хлеба́ или пилить какой найдется лес на доски. А некоторых бурлаков хозяин подряжал вести в обратный путь посуду[1]. Для этого оставляли одну или две барки, остальные разбирали, а тес от разобранных барок грузили на оставленные. К носу барки прикрепляли канат, хватавший от середины реки до берега. Канат оканчивался несколькими бичева́ми, на концах которых были закреплены в виде хомутов лямки. Надев на себя лямки, бурлаки, налегая на них грудью, шли по берегу и тянули груженые барки против течения, вверх по реке.

Из путины бурлаки возвращались домой около зимнего Николы — в начале декабря. Зиму они жили дома.

Зимой в село приезжал приказчик от хозя́ина и нанимал батраков на следующую путину по 30—35 рублей за путину. Уезжая, он давал задаток по 10 рублей и наказывал приходить после масляной в Балашов.

Незаметно проходил мясоед, а за ним и масляная неделя. Отгуляв масляницу и побывав в Головинщине на базаре, бурлаки отправлялись опять в Балашов.

Мой отец ходил в бурлаках девять лет. Тяжелы ему стали эти путины и не стал он наниматься в бурлаки, а стал брать у барина исполу и в аренду землю и заниматься хлебопашеством. Он брал с собой в поле мою мать. Она и на пашню и на жнитво ездила с детской колыбелью. Привесит она колыбель к поднятым оглоблям, укачает ребенка, завесит пологом, и пашет, вяжет хлеб или полет. Немудрено, что дети мерли, как мухи, главным образом, в летнюю пору от поносов. В нашей семье из четырнадцати рожденных матерью осталось только трое — сестра Анна, старше меня на десять лет, брат Иван, старше меня на восемь лет, и я.

[1] Посуда — су́да, в данном случае — барки.

Отец был нрава крутого. По целому дню он ругался и ворчал — и на лошадь, когда ей месил, и на мать, если она невзначай разбила глиняную черепушку, и на кошку, если она лезла ласкаться.

Я видел отца веселым только в зимние долгие вечера, когда он перешивал шубы, кем-либо принесенные на́ дом. Тогда они оба с матерью, чтобы не дремать, пели песни: «Как во городе во Саратове выезжал пахать сын на матери», «Катька, модная жена, хорошо с мужем жила», «Подуй, подуй, бурь-погодушка, с высоких гор». Много песен они пели. А я слушал их, пока не засну.

Мать и отец сидели за полночь, он шил шубы, а она пряла кудель или вязала бредень.

Из рукописи 68-летнего колхозника П. Е. Сорокина «О прошлом».
Село Дмитриевка Головинщинского района Пензенской области.
1952 г.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

— Было это, как мне помнится, в 1929 году. В те поры был я молодой, здоровый. Комсомолец был. Послали меня учиться на тракториста. Тогда это было неслыханное дело. Пахали на конях, больше плугом. А то и соха в борозде ходила. О тракторах крестьяне и понятия не имели. Были у богачей кое-какие машины, ну, молотилки конные или паровые. А о ходячей машине и не слыхивали.

И вот в 1929 году стали создаваться колхозы.

Получил я новый колесный трактор, и послали меня пахать госфондовскую землю в Репьевский Мокшан.

— Ну, — говорят, — закладывай, Николай, первую борозду. Да смотри старайся, не осрами машину.

А народу, народу собралось! И стар и млад пришли, как на праздник на какой. Бегут и впереди, и сзади, и с боков. Глядят на меня, как будто я с луны свалился со своим конем. Я в белой рубашке, потому что исстари так велось — начало пашни праздником считалось. Ведь урожай — основа всей жизни. Земля — кормилица-матушка наша крестьянская.

Перед началом митинг начали проводить.

Стоит мой конь. Позади него плуг. Седобородые старики щупают и трактор и плуг, головами качают. А ребятишки облепили меня со всех сторон, лезут, как мухи на сахар. И как водится:

Дядя, а это что?

— Дядя, а это зачем?

— Дядя, прокати.

Председатели, секретари и активисты сказали свои речи. Митинг окончен. Теперь мое дело — начинать.

А кругом и знамена и лозунги — все честь по чести. И ленту красную разрезали, как положено... Даже и теперь за сердце берет, хоть и давно это было. Стоит в памяти, будто сегодня это происходило...

Завел я мотор, хлопнула шапка дыма к небу, и пошел! Пошел, но не тут-то было. Не проехал и сажени, преградил мне дорогу какой-то старый старик, борода большая, белая-белая. Стоит, машет падогом, кричит что-то. Ведь не давить же человека в самом деле? Остановил я машину.

— Ты что, дед? спрашиваю.

— Не дам пахать! Это сатана движет железо.

Уйди, — говорю, ведь задавлю.

— Дави, — отвечает.

— Какой же это тебе сатана, объясняю ему, — вот, видишь, бензин, вот масло...

Да разве ему растолкуешь? А народ волнуется, кричат:

— Не мешай, дед, отойди. Пусть пашет.

Кое-как уговорили, прямо силой утащили старика, а он цепляется за землю руками, кричит:

— Не дам сатане кормилицу-землю уродовать...

Ну, оттащили его. Поехал я. Борозда ровная, глубокая. Народ валом валит за трактором: щупают землю, глубину меряют, удивляются.

Работал я до ночи. До ночи и люди не расходились.

Вот как трактор себе путь пробивал! Это не то, что теперь — никого ничем не удивишь. Скажи: «На Марс улетели», а тебе скажут: «А мне поехать нельзя ли?» А давно ли все это было? Всего каких-нибудь лет тридцать прошло, а какие изменения в нашей жизни. Право, даже удивительно: от сохи да от косы куда махну-

ли к атомной энергии, к спутникам, к ракетам! А про самоходные комбайны, про электроплуги и говорить нечего — это все уже не ново. Да и мало ли чего на нашем веку происходило.

А первую борозду я век не забуду. Вот рассказал вам, как умею. Не обессудьте, если рассказал плохо — ведь по этому делу не мастер.

Записал В. Н. Куйлов. И. И. Киселева 54 лет. Город Сердобск, райбольница. 1958.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

—БЫЛ БЫ УМ, БУДЕТ И РАЗУМ

— Ум от природы дается, а разум с годами привьется.

— Что видишь глазом, бери в разум.

— Видит око далёко, а ум еще дальше.

— Не бойся разумом поделиться, у тебя от этого не убудет.

— Советы все слушай, да выбирай лучший.

— Не слушай всего света, а слушай доброго совета.

— Ум-разум узнают не по шапке, а по догадке.

— На чужой умок оглядывайся, а своим догадывайся.

* *

— Не надо ума, чтобы твердить не свои слова.

— Кто сам мало знает, тот и другого не наставит: нищий с нищего не ищет.

— Тот неумен, кто лишнего умничает.

— У иного образование высшее, а среднего—заметно не хватает.

— Голова-то седовата, а ума маловато.

— Борода — с воротину, а ума — с горошину.

— Не вразумишь бестолочь, толкуй хоть беспереч.

— В чужую голову своего ума не вложишь.

— Не хватает своего умишка, не прибавит и книжка.

— Грамотный дурак вреднее неграмотного.

— Пустой колос голову не клонит.

— Дурачок похвалу любит.

— Глупого хвалят, а он, как сахар, тает.

— Всяко бывает — и глупый по-умному бает.

— Случается — и дурак умным словом обмолвится.

— Бывает и шапка умнее головы.

— Хоть какую шапку надень, а елова голова все будет такова.

* *

— Старый лес валится, молодой кверху тянется.

— Старая трава молодой ход не закроет.

— Молодо-зелено, погулять велено.

— Берись за дело смолоду, не узнаешь голоду.

— Учись, не ленись, выучишься — не спокаешься.

— Вставай с зарей — весь день будет твой.

— Спать ложись — камешком, вставай—горошком.

— Ложись кирпичиком, вскочишь — калачиком.

— Вставай раненько, умывайся беленько.

— Топор точат, чтобы был острее, молодых учат, чтобы стали умнее.

— Без ученья не придет уменье.

— Учись старайся, научишься — не зазнавайся.

— Не гонись за отметкой, гонись за знанием.

— Сумел ошибиться, сумей и поправиться.

— Подсказками век не проживешь.

— На подсказках — как на чужих салазках — долго не накатаешься.

— Не надейся на шпаргалку, а надейся на свою смекалку.

— Книжка мала, а ума придала.

— Делу время, а потехе час.

— Кончил дело — гуляй смело!

— Почин — делу начин, конец — делу венец.

— Всякое дело не с конца начинают.

— Помучишься — всему научишься.

— Было бы в голове понятье, найдешь рукам занятье.

— В деле не спеши, однако поторапливайся.

— От плохого заделья не будет доброго изделья.

— Взялся за дело, так делай умело.

— Дело заделано, осталось начать да кончить.

— Были бы стены, а шпалеры купим.[1]

— На то и мастера ставят, чтобы молодых учить.

— Чего не знаешь, спроси у старших.

— Не теряй время на безделье.

— У него все спорится, из рук дело не валится.

— Помучишься, так научишься, постараешься, то и догадаешься.

* * *

— Дети — дороже всего на свете.

— Малые дети спать не дают, а с большими и сама не уснешь.

— Мать остерегает — от беды сберегает.

— Не давши воспитания, не жди от деток сознания.

— Незасеянное поле чертополох кроет.

— На то и бабушки, чтобы внучат баловать.

— К внукам в гости идти, так и гостинец нести.

— От дедушки да от бабушки — внукам забавушки.

* *

— От родства не откажешься, в родню не навяжешься.

[1] Так говорят о любом, почти законченном деле (в замен старинной поговорке «Была бы основа, а уток будет»).

— Это ли не родня — одной матери дети.

— И теща родня, да не кровная.

— Бывает и меж родных «косоглазик»[1] пробежит.

— Чем реже родных видишь, тем роднее будешь.

— От родных чем дальше живешь, тем они тебе ближе.

— С родней советуйся, а свой разум не теряй.

— Бывает и чужой дядя роднее родного.

— Ближний сосед лучше дальней родни.

* * *

— Язык один и в будни, и в праздник.

— Не про все говорится, что да где сотворится.

— Иную речь лучше при себе поберечь.

— Смолчи, сноха, — меньше будет греха.

— Говорить говори, только не все высказывай.

— Потише кади, смотри в святых не угоди.

— Мели, Емеля, твоя неделя.

— От слова не станется—как было, так и останется.

— Доболтался, что сам в дураках остался.

— Что с вечера выдумал, за ночь все из головы выдуло.

— Доброе слово дорогого стоит, а дурное слово — и голову сломит.

— И в поговорке живет (т. е. бывает) оговорка.

— Хорошему говорку за словом не в карман лезть.

— Скажет — как смажет.

— В спюре будь прям, да не будь упрям.

— Эх ты, слепой слепень, наехал на пень да кричишь: «Сворачивай!».

— Лишние споры заведут в раздоры.

— Не всему тому верь, что говорят.

---

[1] Косоглазик пробежал—будто и не ссорились, а друг на друга посерживаются, косятся.

— Сказано — еще не доказано.
— Слухом земля полнится.
— Не псы налаяли, а люди баяли.
— Баяли, баяли, да чего и нет прибавили.
— Язык без костей — скажет так, да повернет и пойначе.
— Всяк толмач по-своему толмачит.
— Не растолковывай напрасно, что и так ясно.
— Лучше семь раз смолчать, чем зря ворчать.
— И слукавит и соврет, а свое сорвет.

* * *

— Было бы посеяно, а всходы будут.
— С незасеянного поля урожая не дожидайся.
— Сумел вспахать и посеять, будет и что веять.
— Будет день, будет и трудодень.
— Будет день, будет и хлеб.
— Что летом уродится, все зимой пригодится.
— По непаханному сеять — нечего будет и веять.
— Несеяный только сорняк родится.
— С возделанного поля урожай будет втрое.
— Для поля овраг — страшный враг.
— Невысок лесок, а от ветра защита.
— Сажай на горе ёлку, а под горой ветелку.
— Легче новое дерево вырастить, чем кривое выпрямить.
— Привитая яблонька — не дичок.
— Яблонька из леса взята, а яблоки родит анисовые.
— Был бы расчет — и в гору вода потечет.
— Знает лесник, про что лес шумит.
— Не проси хлеба у неба, добивайся от земли.

* * *

— На году два лета не живёт.
— Года́, как вода, — под уклон бегут.
— Года́ под горку ко́тятся — назад не воротятся.

— Что пережито, не всё позабыто.

— Был конек, да изъездился, был молодец, да пристарился.

— Молодые годы не воротишь.

— Ехал бы и дале, да кони пристали...

— Как не бодрись, а свой век не наставишь.

— Страшна тому старость, от кого добрых дел не осталось.

— Спустя лето, по малину не ходят.

— Что было, то прошло, назад не воротится.

— И у старости бывают радости.

— По зиме и горькая рябина — сладка ягода.

—По осени солнышко, хоть и холоднее, а милее.

— Не всяк старый рассуждает по-старому.

— Всё живое—не вечно, а жизнь—бесконечна.

— От смерти ни крестом, ни пестом не оборонишься.

— Две жизни не проживёшь и, не доживши века, не помрёшь.

* * *

— Живём, хлеб жуём, от хорошего ищем лучшего.

— У нас руки, не крюки — за что беремся, всё сделаем.

— Была бы печь, будет и пе́чево.

— Всяк Тарас в своём деле горазд, всяк Семён по-своему умен.

— Своя сила надежнее родного сына.

— Земледельца земля ко́рмит.

— Ржаной хлебушка—калачу дедушка.

— Поработаешь до поту и поешь в охоту.

— Кто работы не боится, тот умеет и повеселиться.

— Не подо всякую игру ноги сами пляшут.

— Какова игра, такова и пляска.

— Как поживётся, так и песня поётся.

— Человек не пенёк, одиноко не живёт.

— Кто с людьми живёт, тот не пропадёт.

— На народе—не в тёмном лесу.

— Кто зазнаётся, тот один остается.

— Во всяком деле люди помогут и словом, и делом.

— Чужому счастью не завидуй, а своё береги.

— Счастье с несчастьем, как вёдро с ненастьем— одно другое сменяет.

— Где не ждёшь, там и найдёшь, где не чаешь, там и потеряешь.

— Для беды нет череды—её не ждут, а она тут.

— Горе да беда не проходят без следа.

— Хватишь беды, так придёт—и не до еды.

— Речка не море, беда не горе— беду изживешь, а от горя не уйдёшь.

— Горе не заешь, не запьёшь и сном не заспишь.

— Легче семь раз погореть, чем раз овдоветь.

— При печали не все одинаковы— один на людях плачется, другой от людей прячется.

— Жалей друга, да не сбивай с круга.

— Кто боли не чувствует, тому и не сочувствуют.

* * *

— Не надейся на забор, а надейся на свой дозор.

— Чтобы не кричать «караул», получше карауль.

— Крадут не там, где много, а где не строго.

— Где хороший учёт, там не утечёт.

— На всякий час не убережешься.

— Свой глаз, как алмаз.

— Дальше положишь, ближе возьмёшь.

— Что убережи лежит, то не убежит.

— Так хорошо спрятал, что и сам не найдёт.

— Ищи, как хлеб,—найдёшь.

— Клади всё на место, не будет в дому тесно.

* * *

— Не гонись за тем, что модно, а гляди—что тебе пригодно.

— Культуру не с платьем надевают, а с понятьем наживают.

— Не суди по платью, а суди по понятью.

—Не короб дорог, а дорого, что в коробе.

— Что дурно, то не может быть культурно.

— На вкус, на цвет—товарищей нет.

— Не прячься, невежда, за нарядную одежду—хоть и ловко на плечах, да неловко на речах.

— И моды бывают уроды.

— Форс морозу не боится.

— Щеголи в городе не дороги, а в пригороде — втридорога.

— По шапке—пан паном, а по повадке—хам хамом.

— Кабы не кафтан, так и не узнать бы, что пан.

— У нас глаза не занавешены, разглядим—где краса, где прикра́са.

— И мы не лыком шиты, не варо́виной[1] подпоясаны.

— В лесу живём, однако не медведями слывем.

* * *

— Унижая других, себя не возвысишь.

— Не годится тот в друзья, кто любит только самого себя.

— Кто в поступках ни́зок, тот никому не бли́зок.

— Белые ручки чужие труды любят.

---

[1] Варо́зина—верёвка (варовинные, т. е. верёвочные вожжи).

— Не гнушайся заскорузлых рук, гляди, не заскорузла бы совесть.

— Полевая работа грязна, зато совесть чиста.

— Полюби нас чёрненькими, а беленькими всякий полюбит.

— Не страшись руки измарать, бойся уваженье потерять.

— Грязь не сало— помял и отстало.

— Сажа к коже не прирастёт—помоешься и отойдёт.

— Не бойся грязного труда, бойся бесчестного дела.

— Наговорами на других себя не возвысишь.

— Метит высоко́, а поступает низко.

— Глядит свысока́, а делает низости.

— Чистого не зачернишь, только сам замараешься.

— Черня других, себя не обелишь.

— Бесчестное дело черней сажи марает.

— Высоко летал, да низко упал.

— Спесь не от ума, а от недоумья.

— От дурного глаза и дерево сохнет.

— Это уж не разговор, если—через забор.

— Гости в дом—хлеб-соль на стол.

— Доброго гостя как родного встречают.

— Бывают гости и нежданные, да желанные.

— Дорогому гостю— честь и место.

— Самовар на стол—гости за стол!

— В гостях—не дома, и сверх сыти поешь.

— Потчевать велено, а неволить грех.

— Давненько нас не навещали, или дорожку забывать стали?

— Не бывали, не бывали, да вот и нагрянули.

— Не дорого угощенье, дорого приглашенье.

— Дальние гости — долгое гощенье.

— Ну, погостили, побеседовали, хозяевам спать пора, а нам—до двора.

— Сколько ни гости, а домой идти.

— По гостям и угощенье, по привету и гощенье.

— Прямо только воро́ны летают.

— Поедешь напрямик, да заедешь в тупик...

— Не на каждой дорожке наставлены вёшки.

— В чужом лесу не дивно и заплутаться.

— На развилке дорог разбегается умок.

— Встретить хоть бы лешего, только бы здешнего!

— В пути не бойся потерять время, а бойся потерять дорогу.

— Не всегда след выведет, куда след (т. е. куда следует).

— Всякий путь приведёт куда-нибудь.

— В дальнем пути игла и то тяжела.

— До́рог в пути хороший попутчик.

— Бывает и много доро́г, да все—поперёк.

— В крутую гору едешь, примечай, как спускаться станешь.

— Не велик и́зволок, а насилу воз вы́волок.

— Ехал на эхо, а как зря заехал, так и «заэхал».

— На дороге—кто порожнём, тот и сворачивай.

— По торной дороге веселей шагают ноги.

— В метель да в буран не доверяйся вожжам, а доверяйся лошади.

— Добрый конёк и без дороги путь найдёт.

— Дорога ни санная, ни тележная, а ехать — неизбежно.

— В ночное время на огни ехать веселее.

— Ночного путника радует и дальний огонек.

— Сколько будет вёрст?—Кто её знает. Меряли не раз, да всё не при нас.

— Люди меряли, да счет похерили.

— Меряла бабушка клюкой, да махнула рукой.

— Меряли черт да Тарас, а цепь-то у них оборвалась. Тарас говорит: «Давай свяжем». А черт: «Ладно, и так скажем».

— Вёрст не так много, да ухабов не перечесть.

— Это куда дорога?—Кто её знает, поедем, куда-нибудь выедем.

— Ну, как съездил?— Ничего, съездил—с печи на полати, маленько погостился, да назад воротился.

— Дорога-то как?—Ничего дорога—из рытвины в рытвину, из ухаба в ухаб.

ШУТОЧНЫЕ ПРИГОВОРКИ

— Не торопись, коза, в лес—все волки твои будут.

— Ну, что ж, дай бог, нашему теляти волка поймати.

— Медведь сроду не умывается, да и то люди боятся.

— Издали-то не больно красовито, зато чем ближе, тем хуже.

— С кем это ты надумал — с кумой или с кумом?

— А ведь женили дурака, лошадей мучили.

— Ох, ох! Болит бок девятый год, не знай котóро место.

— Как сойдутся, так и заведут — тарá-барá, четыре двора, пятый переулок...

— Ну, понёс, без колёс, семь вёрст до небес и всё лесом.

— Гляди-ка ты, какой толковый—знает, что рупь, а что целковый!

— Не хочешь, как хочешь. Губа толще, брюхо тоньше.

— Вот так отча́янна головушка — ему что с горы, что под гору!

— Эх, удало́й долго не думат! Двум смертям не бывать, а одной не миновать!

— Эх, живи, не тужи—наживем и ремённые гужи!

— Пей, гуляй — однова живём! Выпьем кваску, разобьем тоску!

— Ну вот, понесла-помчала, словно вожжа под хвост попала.

— Счастливый тот человек, кто на моей жене не женился.

Возгласы удивления:

— Вот тебе на́—угорела барыня в нетоплёной горнице!

— Чудно дядино гумно—тридцать лет, а всё ничего нет[1].

Ответы-шутки:

—Чайку попьем?—Это можно! Чай пить—не дрова рубить—взопреешь, а не устанешь.

— Садись с нами чай пить.—Нет, спасибочко. Я уж отчаялся.

— Чего, чего? — Ничего! С луком проехали, а к нам не заехали.

— Садись к печке, погрейся. — Да мне и так не жарко.

— Где это ты взял?—Купил-нашёл, насилу ушел, еще давали, да не догнали.

— Дождь собирается.—Ничего, подождём и под дождём, мы не грамотные (т. е. не бумажные) — не размокнем.

---

[1] Старообрядческая. В 30 лет в знак полного совершеннолетия человеку выбривали на макушке «гумёнце».

— Здорово, земляк! Давненько не видались!—Да, кажись, с той поры, как расстались, ни разу не встретились.

— Далёко ли побывал?—Не так далёко, а отселе не видать: поближе Москвы, подале Питера.

— Закурим давай, бродяга, — твой табак, моя бумага!

— Так-то вот. Значит, адрес мой будет такой: Могилевской губернии, Кладбищенской волости, деревня Кресты...

— Это вы куда собрались? «Куда», «куда»—на кудыкину гору.

— Маша!—Кому Маша, а тебе — тетенька.

— Маша!—Была Маша, а теперь—Марья Ивановна.

Записала А. П. Анисимова в Симбирской губернии. 1910—1920 гг.

— Это мы знаем, что пуд—сорок фунтов!

— Неважно, что бумажно, было бы денежно.

— Не нашёл в лесу лесу—в народе людей не разглядел.

— Не завлекай на пшеничный каравай—у нас хоть ржаной, зато свой.

— Ты делай, как знаешь, а я — как захочу, так и поворочу.

— Много есть, не велика честь—съел полпуда и сыт покуда.

— По твоим грехам не то что в рай, и в ад не примут.

— На меня чужих грехов не навешивай — у меня своих хватит на троих.

— Он и соврёт, недорого возьмёт.

— Ему ничего не стоит из паука быка сделать.

— Меня не учи, на какую ногу хромать—я на обе умею.

— Не заслоняй свет, не просвирнин сын—скрозь тебя не видно.

— Ходит и улитка, да не больно прытко.

— У нас эти святые с полочки снятые (о людях, потерявших доверие).

— Село невели́ко, зато прогалы большие—от двора до двора километра полтора.

— Вот так раз! Сажали оглоблю, а вырос тарантас!

— Эх, опоздал на базар! Федор давно продал.

— Ловко! Как на Логе поддевка—в талию, на его жену Наталью.

— Не всяк час ссылайся на Арзамас, сказывай, как дело у нас.

— Ты что же взял порося, никого не спрося? — Да спросить-то было некого—никто меня не видал.

— Когда же это было?—Тогда, когда горела вода, а соломой тушили.

— Явился, как с луны свалился!

— Пойдём вместе, найдём двести, разделим пополам, а я тебе ничего не дам.

— Ну, как у вас новый начальник?—Не поминай к ночи, а то привидится.

Записала А. П. Анисимова в Пензенской области. 1938—1960 гг.

ПОЖИВЕШЬ ПОДОЛЬШЕ, УЗНАЕШЬ ПОБОЛЬШЕ

— Зелёный виноград не сладок, молодой разум несхваток.

— Поживёшь подольше, узнаешь побольше.

— Разные люди, разные и судьбы.

— Лес и тот не растет ровный.

— Бедному Ванюшке везде камешки.

— Плохой запряг—несчастный выезд.

— Счастье не полено—не возьмешь в беремя.

— Помогать хорошо тому, кто и сам везёт.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

— Лишнего баять не подобает.

— Зачем дрова в лес везть, там и без этого есть.

— Человека бойся не мертвого, а живого.

— Плохое позабывается, а доброе долго помнится.

— Пролитую воду не соберёшь, прожитые годы не вернёшь.

— Голова дана, чтобы думать, а руки — чтобы делать.

— Хвались делом, когда оно доделано.

— Не гляди в заделе, а гляди в отделе.

— Тонко прясть—долго ждать.

— Не маши руками, как ветряная мельница.

— Кто знает, каковы на деле, а на словах—собаку съели.

— Говорит—как по-писаному.

— Тоньше его пряжи нет в продаже.

— С соседом дружбу води, а забор городи.

— Чем выше забор, тем милее сосед.

— Мышь копны не боится.

— В поле и жук мясо.

— Что есть, то и ешь, а чего нет — не спрашивай.

— Ужин нам не нужен, был бы обед дружен.

— Товар лицом продают — что на витрине, то и в магазине.

— Семь лет квашни нет, а печёного хлеба вдоволь.

— Плох тот улей, в котором мёд с базара.

— Ждать да догонять—нет того хуже.

— Можно и призанять, да было бы чем отдавать.

— Занимать да отдавать — одна путаница.

— Людей выручишь, себя выучишь.

— Жаль мне тебя, да не больше себя.

— Никто себе лиха не желает.

— Как не дать взаймы—занимаем и мы.

— Других не выручать — и себе добра не видать.

— Золотые слова, которые вовремя сказаны.

— Иной раз и слово — в деле помога.

— Сказано — как завязано.

— Новых друзей наживай, а старых не забывай.

— Не мил и свет, коли милого нет.

— Без хозяйки дом сирота.

— Чем извиняться, лучше не провиняться.

— Варёное не ва́рят, дарёное не да́рят.

— Не ставь соль на стол, когда пообедали.

— Всему свой порядок — впереди лошади повозку не ставят.

— Горячо сыро не живёт (т. е. не бывает).

— Хорош калач, пока горяч.

— Сумей людей встретить, сумей и приветить.

— Хоть дерись, хоть бранись, а правды держись.

— Как домой идти, так и грибы начнут попадаться.

— Я думал нумол,[1] а хвать — косой заяц!

— Не наводи слепого на пень, он и сам наткнётся.

— Кто тебя проведёт, тот три дня не проживёт.

— С дурака ума не спрашивают.

— Глупого умным не сделаешь — хоть водой кропи, хоть ремнем лупи.

— Продать и дурак продаст, а купить и умный не сразу укупит.

— Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьёт.

— С дураком свяжешься, сам дурак будешь.

— Грамотный дурак дурее неграмотного.

— Учился, учился, выучился на собак брехать.

---

[1] Нумол — по-мордовски — заяц.

— Век прожил, а ума не нажил.

— Чем старее, тем дурее.

— Смеется, как дурачок на поминках.

— Умная была бы голова, да вот беда — дураку досталась.

— Не разевай рот, а то галка залетит.

— Глухому две обедни не служат, одну, да коротеньку.

— Не прикидывайся дурачком, и так не больно умён.

— Какой есть, в переделку не везть.

— Под нарядом невежество не скроешь.

— Наряди пенька, признают за паренька.

— Здоровье не товар — на деньги не купишь.

— Больна́ боль, покуда болит.

— От смерти лекарства нет.

— Сколько ни живи, а конца жди.

— Два века не проживёшь.

— Ну, как живём? — Живём, хлеб жуём, кваском запиваем.

— Садись с нами обедать. — Я сыт, но раз приглашают, что же делать.

— Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

— Хорош секрет — знает весь свет!

— Ты что — лишнего каши съел, или так ошалел?

— Говорят — у бобра шуба добра, да ведь она не на мне, а на бобре.

Записал М. Г. Васягин. Село Мокшан Пензенской области. 1958 г.

— НЕ ВЕРЬ СКАЗУ, ВЕРЬ СВОЕМУ ГЛАЗУ

— Хорошо тому, кто в родном дому.

— Хоть хлеб да квас, а всё — свой припас.

— Материнская ласка — теплее шубы.

— Артель держится ладом, а где лад, там и клад.

— В хорошей артели все люди при деле.

— За стог — с вилами, за стол — с ложкой.

— Своим куском не наешься, а чужой в рот не пойдёт.

— На чужие пироги глядя, сыт не будешь.

— Хитрый Митрий — из воды сухой вылезет.

— Кому беда, а ему всё — как с гуся вода.

— Этот мужик таковский — и проведёт и выведет: в одно ухо влезет, в другое вылезет.

— Лиса в лесу не заплутается.

— Волк кажет зубы, а лиса хвост.

— Не всяк сон сбывается, не всё найдёшь, что желается.

— Хитростью век не проживёшь — на чем-нибудь да нарвёшься.

— Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить.

— Навязывался волк на пастушью должность...

— Обманом век не проживёшь — раз соврёшь, два соврёшь, а третий не поверят.

— Не столько врёт, сколько прихвастывает.

— Врал сивый мерин, да никто ему не верил.

— Один врет по дурной привычке, другой врет с подвохом.

— С дурака ума не спрашивай.

— Мертвого не вылечишь, дурака не выучишь.

— От глупого не добьешься ума ни ученьем, ни толченьем.

— Дуракам закон не писан.

— Хватится, когда с горы скатится.

— Хоть и не дурак, а голова с булыжинкой.

— Запутался в долгах, как баран в репьях.

— Сплёл паутину — для себя хомутину.

— Сколь ни хитрил, а сделал не по-умному.

— До того дошёл, что ум за разум зашёл.

— Коль своего рассудка нет, не выручит ни сват, ни сосед.

— Одного хвалят за красоту, другого за умноту, третьего — за золотые руки.

— Горда девушка — на тройке не подъедешь!

— Загляделся парень на девушку, как дурачок на денежку.

Записал В. А. Воробьев. Пенза. 1959 г.

НЕ ИМЕЙ СТО ДРУЗЕЙ

— Оттого что собаки на луну лают, она светить не перестанет.

— Каков садовник, таков и сад.

— Ремесло — не коромысло, на плечах не повисло.

— Запаши первую борозду, а остальные допашешь.

— Не мы лес сажали, не нам и вырубать его.

— Лучше летом у костра, чем зимой на солнце.

— Работа — медведь, из лесу не уйдет (поговорка лесозаготовителей, противоположная — «Дело не медведь, в лес не убежит»).

— От голой кости и голодная собака нос воротит.

— На чужой спине и чирий не болит.

— Дела немного — начать да кончить.

— Жениться не напасть, да как бы не пропасть.

— Что умному беда, то дураку потеха.

— Ног нет — руки есть, рук нет — голова есть, а коль головы нет, то и руки с ногами ни к чему.

— Не имей сто друзей, а имей одного, да верного.

— Одна собака забрешет, десять подхватят.

— На деньги не молись, рублем не давись.

— Не скупись на добро — помрешь, с собой не возьмешь.

Записал С. Н. Гастев в селах Пензенской области. 1960 г.

БЫЛА БЫ ОСНОВА, А УТОК БУДЕТ

— С утра счастья нет, а к вечеру и ждать нечего.

— Рядись сноха — тебе жить-то.

— Одним куском не наелся, другим подавишься.

— Катай, катай, тебе с горки видней.

— Смерть придет — не откажешься, не придет — не навяжешься.

— Ложись спать кирпичиком, встанешь калачиком.

— Ухватки лисьи, повадки волчьи, а метит в медведи.

— Не своя боль не больно больна.

— Не та мать, которая родила, а та мать, которая воспитывала.

— Клади все на место, не будет в избе тесно.

— Собрался к родителям в гости, когда они на погосте.

Записал В. П. Пензин в селах Пачелмского района. 1960 г.

ПОСЛОВИЦА ЗРЯ НЕ МОЛВИТСЯ

— От материнской ласки, как от солнышка — тепло.

— При солнышке тепло, при матушке — добро.

— Роднее матери родни нет.

— За отцовской спиной — как за каменной стеной.

— С малыми детьми горе, с большими вдвое.

— Малое дитя грудь сосёт, а большое — сердце.

— Учи сынка, пока поперёк лавки лежит, а как вдоль ляжет — учить опóздано.

— Хвали день вечером, а сына — когда бородой обрастёт.

— Учи жену без детей, а детей без людей.

— Родители заботливы — и детки работливы.

— Где ку́чно, там не будет ску́чно.

— В тесноте, да не в обиде.

— Дружба правдой крепка.

— Кто дружбы не ведал, тот и не жил.

— Старая дружба не забывается.

— Старый друг — лучше новых двух.

— Для друга и семь вёрст не крюк.

— Для друга нет круга.

— Знал дружка в радости, не покинь и в горести.

— Настоящий друг в беде не оставит.

— То и не друзья, что — до чёрного дня.

— Любя и пожурить не грех.

* * *

— Берегись коня с за́ду, быка — с пе́реду, а лихого человека — со всех сторон.

— Верю, верю всякому зверю — и коту, и ежу, а тебе погожу.

— Не бойся горькой правды, бойся сладкой лжи.

— Как ни резва ложь, а от правды — не уйдёшь.

— Не ищи правды в других, коль в тебе её нет.

— Кривдой свет пройдёшь, да назад не воротишься.

— Правда кривду всегда переборет.

* * *

— Под лежачий камень вода не подтечёт.

— Катящийся камень мохом не обрастёт.

— Безделье — не рукоделье.

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Не спеши с языком, торопись с делом.

— Есть дело в руках, будет и хлеб на зубах.

— Не лезь вперёд, знай свой черёд.

— Через сноп не молотят (т. е. всякому делу своя очередь).

— Всякое дело делай умело.

— Погляди глазом, да бери в разум.

— Свой глазок — смотрок.

— В ладной артели живут без канители.

— Семеро одного не ждут.

— Согласному стаду волк не страшен.

— В артели чужого нет — всё наше.

* * *

— Не гони коня кнутом, гони овсом.

— Сперва поставь хлевинку, потом заводи скотинку.

— Курочка помнит, кто её кормит.

— Возле гумна и свинья умна́.

— Тот и конь, что треноги рвёт.

— На кнуте далёко не уедешь.

* * *

— С радости кудри вьются, с печали — секутся.

— Счастье не лошадь — хомут не набросишь.

— Беду не кличут — она незваная придёт.

— Горе не плуг, а бороздку прокладывает.

— Беда не приходит одна — сама идёт и другую за собой ведёт.

— Печаль в горе не помощница.

— Стужа да нужа — нет того хуже.

— Голодной куме всё еда на уме.

— Чужую беду рукой разведу, а к своей и ума не приложу.

— Эх, завей горе веревочкой да завяжи узелком!

— Свет не клином сошёлся.

— На безрыбье и рак рыба, на бесхлебье и картошка — хлеб.

— Коли шубы нет — и кафтан грет.

— Были бы руки, работа сыщется.

— Хлеб за́ брюхом не ходит.

— Не робей, Фадей, — мы не хуже людей.

— Зима не лето, — пройдёт и не это.

— Круты горки, да забывчивы.

* * *

— Пить до дна — не видать добра.

— Коготок увяз — вся птичка пропала.

— Мой зарок не на срок, а на́ век.

* * *

— Собралось гостей со всех волостей — и сват, и брат, и братова тёща.

— Дальняя родня — седьмая вода на киселе.

— Нашему забору двоюродный плетень.

— Попьём чайку, отведём тоску.

— Чайку напиться — в голове не замутится.

— Каково живётся, таково и поётся.

— Разные песни бывают — с одних плачут, с других пляшут.

* * *

— У волка и повадки волчьи.

— Отольются волку овечьи слезки.

— Попал волк в собачий полк — лай, не лай, а хвостом виляй.

* * *

— Глупа та птица, которая своё гнездо марает.

— Людская молва, как водица—везде просочится.

— У злой Натальи все люди — канальи.

— Пока зайца ловят, быка съесть можно.

— На рубль работы — на два похвальбы.

— Не учи ко́зу, сама стянет с возу.

— Смелому — горох хлебать, робкому и пустых щей не видать.

— У него на неделе семь пятниц.

— Семь четвергов и все кряду.

— Говорят: «Все равно́». Равно́, да не одинаково.

— Кабы было равно́, не было бы кочек.

Записала А. М. Ролланд. Поселок Теплый Ульяновской области. 1960 г.

В ТАЙГЕ ЖИВЕМ, ДА НЕ МЕДВЕДЯМИ СЛЫВЕМ

Авось, небось да как-нибудь до добра не доведут
Ближний сосед лучше дальней родни
Без причины нет кручины
Без хлеба голодно, без любви холодно
Бывает — и метла стреляет.
Борщ домашний вкусен и вчерашний.
Бывает и безногий хромает
Без мира (т. е. без народа) жить немило
Без привычки и курица зерно не клюет.
Будет в амбаре, будет и на базаре.
Бабий горб горе нагибает, ласка выправляет
— Всякий своему животу меру знает
— Вкусен пирожок, да роток обожёг
Все грибки из одного кузова.
— В чужую кашу свою ложку не суй.
— Все равно́, да не ра́вно.
— Вдовец детям не отец, сам круглый сирота.
— Всяк Тит за себя стоит
Волос седой, а разум детский
— Вёрсты тут ведьма меряла.
Вёрсты ведьма меряла, да аршин потеряла
— В яму валит, а всё хвалит
В любови да в совете хорошо жить на свете
— Где люди, там и дела.
— Горькие слова лекарство, сладкие отрав
Глупый умному не советчик.
— Где есть медведь, там зайцу делать нечего
Где собак нет, там и свиньи лают
— Горячо сыро не бывает
Денег нет перед деньгами.
Дом вести не лапти плести
— Для старой бабы и на печи ухабы
Денег в кармане что омуля по весне

— Едой силу не вымотаешь.

Если ковать не можешь, то и не дыми.

Ешь, кума, девятую шанежку—я не считаю.

Жизнь прожить — не ковшик осушить.

— Живём богато — со двора покато: чего ни хватись, за всем в люди катись.

Живём не тужим, чего нет—заслужим.

Закон — тайга, медведь — хозяин.

— Завистливое око глядит далёко.

— Загнали волка в кут, там ему и капут.

— Зарю проспать — рубли потерять.

— Зима спросит, что мужик летом делал.

— Занимать — горе, а отдавать — вдвое.

Заварил пиво — не жалей хмелю.

За чужое брюхо не беспокойся, своё подвязывай.

— И с гуся стекает вода не вся.

— Из неспорой глины горшок не обожжёшь.

— И у берёзки текут слёзки, когда с неё кору дерут

И коромысло прямое росло.

— Изба красна углами, а люди добрыми делами.

— Из ласковых рук чёрствый хлеб вкусней мягкого калача.

— Истина важнее дружбы.

— Куда ветерок, туда и умок.

Какую клюкву ни попробуй всё кисленькая.

Как слышится, так и пишется.

— Кого жара не страшит, тот и от холода не дрожит.

— Кто любит труд, того люди чтут

Каждый молодец своему счастью кузнец.

— Кошка вон — мышам раздолье.

Какая на собаке шерсть, такая ей и честь.

Как поют, так и подпевают.

— Косарь без косы, что лес без лисы.

— Косы бояться траве не расти.

— Кто в грехе, тот и в ответе.
— Клади в рот густо, не будет в брюхе пусто.
— Кто хозяин, того и зачин.
— Купит за грош, да на рубль наломается.
—Лучше плохой ум, да свой, чем хороший, да чужой.
— Лакома поживка, да востёр крючок.
— Люблю работу такую — поел да на боковую.
— Мал Ромашка, да высока замашка.
— Много спать — добра не видать.
— Не велик кобелёк, да лай звонок.
— На худой пашне и хлеб незадашный.
— Не всё сбывается, что желается.
— Не дивно, что кукушка в чужое гнездо снесла, то было бы диво, кабы своё свила.
— Нет слаще плода, чем плод труда.
— Одному богу молится, а свечку ставит другому.
— От яблоньки—яблочки, от ёлки—шишки.
— Пимы — для зимы, а для лета — лапти.
— Показал чёрт моду, а сам — в воду.
— По коню и ездок.
— Правды с ноготок, а вранья — с локоток.
— По мёду и цена.
— Ранний хозяин всегда с прибылью.
— Раздельно жить — дружнее быть.
— Свой сухарь сытнее чужих пирогов.
— Слова не дрова — ими печку не истопишь.
— Семь вёрст в неделю — только кустики мелькают.
— Слово не птица — на лету следа не оставляет.
— Счастье не птица, в силок не поймаешь.
— Со всякого крючка сорвёт червячка.
— Толсто ткано, а тонко носится.
— Так тепло, что из носу потекло.
— Только на порог и сразу за пирог.
— Усы — для красы, а борода — для чести.

— У каждой Насти своё счастье.

— У драчливого петуха всегда гребень в крови.

— У него ума—как у старого пима́.

— Хоть пешком, да с полным мешком.

— Хоть на час, да вскачь.

— Чей лес, того и зайцы.

Записал И. М. Дзюга в Омской, Новосибирской, Кемеровской областях и в Красноярском крае.

ЧУВАШСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

— Не бойся работы, пусть работа тебя боится.

— Без работы сыт не будешь.

— Для лодыря и в будни праздник.

— Не спеши слово говорить, торопись дело сделать.

— Любая работа требует упорства.

— Не учись хвалиться, а учись трудиться.

— Ленивому всё времени не хватает.

— Какие семена, такова будет и жатва.

— Работа того любит, кто с охотой работает.

— На ленивого за три дня до дождя капать начинает.

— Дела не делает, а всё делами занят.

— Работа работе рознь—на каждую своя ухватка.

— Один вздохнет — и слышно не будет, народ вздохнет — буря поднимется.

— Одинокая головка книзу клонится.

— Артель подымется — тёмный бор поклонится.

— Одному лишь горевать, а лес рубить—артелью.

— Дитя не заплачет, поеeть не дадут.

— Дом с детьми — базар, дом без детей — мазар.[1]

[1] Мазар (русское — мазар ки) — кладбище.

— За отцом, за матерью — как за крепостной стеной.

— Ложки в чашке не могут не брякать.

— Грачата все черненькие, за то они и любы грачу с грачихой.

— Каков жеребёнок, таков и конь вырастет, каков ребёнок, таков и человек будет.

— Ешь суп, на чашку глядя, сватай дочь, на мать глядя.

— Девичья слеза—утренняя роса.

— Дочь ругают, а сноха понимай.

— Протягивай ножки по перине.

— В глаза не хвали, за глаза не хули.

— Одна паршивая корова всё стадо марает.

— Есть — так на меду, нет — так на воде.

— Кто на большое зарится, тот без малого останется.

— Дураку вся земля плоская.

— Дурак яркое любит.

— Водка и умного сделает полуумным.

— Пса не переделаешь в овцу.

— Поздно торговать, когда базар кончился.

— Будешь гладить, так будет гладко.

— Не попал по коню, так хоть по оглобле ударю.

— Снам поверишь — и в запечье полезешь.

— Одну корову всемером враз не доят.

— Не клади кладь на неродившегося жеребенка.

— У гада с гадюкой язык один (т. е. общий).

— Обещали зайцу хвост, а он и поныне без хвоста.

— Не бывает озера без чертей.

—Полетела курочка за рябчиком, да не угналась.

Записал и перевел с чувашского Г. П. Данилов. Село Бик-Мурзино Неверкинского района Пензенской области.

СРАВНЕНИЯ-ПОГОВОРКИ

— Мычется, как Саврас без узды.
— Врёт, как сивый мерин.
— Лупят, как Сидорову козу.
— Ходит со двора на двор, как Аникина корова.
— Эка силища — прёт, как бык!
— Упрям, как козёл.
— Разжирел, как боров.
— Кудрявый, как баран.
— Здорова, как мельникова корова.
— Красива, как фарфорова кукла.
— Хороша походка—пройдёт, как строчку стро́чит.
— Вытянулся паренёк — высоконький, как дигилёк.
— Тонок да высок, словно луто́шка.
— Дружно живут — воркуют, как голуби.
— Голос — как у дьякона!
— Вот это голосище—гудит, как большой колокол.
— Засмеётся — как ручеёк льётся.
— Ухмыляется, как дурачок на поминках.
— Молчит, как рыба.
— Молчит, как идол.
— Молчит, как каменный стату́й.
— Молчит, как язык проглотил.
— Без забот, без хлопот, живёт, как таракан запечный.
— Сидит весь день дома, словно гвоздём к лавке пришитый.
— Хохлится, как воробей в ненастье.
— Ничем недоволен, только и фыркает, как ёж.
— Злой, как цепная собака.
— Такой поругатель — бесперечь тявкает, как пёс.
— Налетит, как ястреб.
— Вот беспокойный — вертится, как юла.

— Помчался, как нахлыстанный.

— Ну, что понесся, словно с цепи сорвался?

— Побежал, как на пожар.

— Вот бойко читает — что твой пономарь!

— Чистенько пишет — как писарь!

— Парень характером смирный, как телёнок.

— Не отходит от девки, словно привороженый.

— Ходит за ней, как гусь за гусыней.

— Скрипит и скрипит, как немазана телега.

— Раскосматилась, как шишига банная.

— Ростом одинаковы — как ниткой ударены.

— Такой наянливый (т. е. навязчивый) — пристанет, как репей.

— Прилипнет, как смола.

— От дела бегает, как черт от ладана.

— Трусоват, чуть что — задрожит, как осиновый лист.

— С испугу побелел, как стена.

— Побелел, как холст.

— Ты что на меня уставился, как корова на новы ворота?

— Что с тобой — ходишь, как не свой?

— Я тебе всю правду скажу, как попу на духу.

— Всем доволен, аж светится, как чищеный самовар.

— Плачет, как река льётся.

— Тает, как свечка.

— Словно её подменили—осталась, как былинка.

— Все люди живут, как цветы цветут, моя голова вянет, как трава...

— Вот так раздождилось — словно перед ноевым потопом!

— Ну и холодище — как в январе!

— Я замёрз, как пёс.

— Продрог, как сукин сын.

— Озяб, как собачонка.

— Запутался в делах, как Микишка в коноплях.

— Устал, как собака.

— Проголодался, как волк.

— Есть хочу — как семеро волков!

— Ходит с места на место, как цыган беспоместный.

— Не пристаёт ему такая одежа, как корове седло.

— Пальто у него на плечах висит, как на вешалке.

— А ему что — он светится, как новый пятиалтынный.

— Лёгок на помине, как сова на овине.

— Явился — как с печки скатился!

— И что ты бродишь, места себе не находишь — как неотпетый покойник?

— Ну, это не казак — сидит в седле, как собака на заборе.

— Настряпала бабушка, как на Маланьину свадьбу.

— Спина у старика разболелась — мучится, как баба на родáх.

— Плохой портной — шьёт, как на банный угол.

— Ночь тёмная-претёмная — ничего не видать, как в лагуне с дёгтем.

— Такой туман густой — идешь, словно в крынке с молоком.

Из записей А. П. Анисимовой в селах Симбирской губернии (Ульяновская область). 1905—1925 гг.

— Затосковал, как от груди отнятый.

— Храпит — как по нотам.

— Пригрелся, как кутёк на завалинке.

— Говорить начнёт — как заведённый.

— Ты что удивился — словно вчера родился?

— На ногу лёгкий — так и лётает, как самолёт.

— Всё узнала — как в воду глядела.

— Сосчитал, как на счетах.

— Прочитал — как по писаному.

— Раскричались, как галки на сарае.

— Так и не договорились — разбрелись, как стадо без пастуха.

— Вот это рост — как столб телеграфный!

— Женщина рослая — как верея.

— Платье сшито — как влито.

— Парень здоровенный, как воротний столб.

— И так нервы натянуты — как струна.

— Скучно без дела — хожу, как очумелый...

— Из рук пропало — как хмылом взяло.

— Ищи, как хлеб, — найдётся.

Из записей А. П. Анисимовой в селах Пензенской области. 1957—1960 гг.

* * *

— Эка раскипелся — как холодный самовар.

— Пройдёт—как по струнке.

— Виляет языком, как собака хвостом.

— В избе у них—как на ярмарке (т. е. шумно).

— Намылась, набелилась — как из яичка вылупилась.

— У него и глаза-то — как на пружинах.

— Неповоротлива, как ступа.

— Переваливается, как гусыня.

— Раскраснелась, как зарево.

— Побелел, как полотно (т. е. побледнел)

— Покраснел, как свекла.

— Почернел, как уголь.

— Пожелтел, как осиновый лист.

— Рявкнул, как медведь.

— Долбит и долбит, как дятел на сосне.

— Голова растрепана — как овин.

— Глухой, как стена.

— Язык у него — как бритва.

— Щёчки—как яблочки, губки—как вишенки, глазки — как смородинки.

— Хлопает глазами, как сова.

Записала М. П. Смирнова. Село Русский Ишим Городищенского района.

— Далеко — как небо от земли.

— Знаю, как свои пять пальцев.

— Крутится, как береста́ на огне.

— Крепок, как дубок.

— Молчит, как воды в рот набрал.

— Нем, как рыба.

— Один, как перст.

— Один, как месяц в небе.

— Попал, как кур во́ щи.

— Попал, как мышь в крупу.

— Пропал, как в воду канул.

— Плохо написано — как курица набродила.

— Расходился, как сине море в рукомойнике.

— Сидит, как на горячих угольях.

— Сидит, как на иголках.

— Стоит, как вкопаный.

— Стоит, как корова на льду.

— Смотрит, как кот на сало.

— Собираются, как чайки за морем.

— Улыбается, словно рыбку съел.

Записал И. М. Джога в сибирских селах.

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ
ОБ ОТХОДНИКАХ И БАТРАКАХ

— Волга ломает лед, а нужда в Самару прет[1].

— Коль в руках дело есть, будет и что поесть.

— Была бы забота, найдется рукам работа.

— Нужда калачи есть выучит.

— Ремесло плеч не тянет.

— Плотника кормят пила да топорик.

— Пильщика кормит пила, портного—игла, а плотника топорик прокормит.

— Вёшние ветра гонят крючника (грузчика) со двора.

— Немила чужая сторона, а без нее не прокормишься.

— Работай на стороне, а о домашности помни.

— Нужда ремеслу научит.

— Всякое дело сноровки требует.

— Кончил дело — гуляй смело!

— День топором машем, а как пошабашим, и споем, и спляшем.

— С песней жить веселее и работать спорее.

— Плохой тот мужик, кто зиму на печи лежит.

— Хоть плетенки (корзинки) плети, а подати плати.

— Не стыдись своей бедности, а стыдись своей лености.

— Учись ремеслу смолоду, не пропадешь с голоду.

* * *

— Без избы — не житель, без коня — не пахарь.

— Батрацкое дело: что хозяин велит, то и делай.

---

[1] К началу навигации грузчики и другие сезонники спешили в Самару, которая была центром отходничества.

— Работал с Петрова́ до Покрова́ — заработал от жилетки рукава.

— Батрачкин наряд — сарафан заплатанный да запон, слезами закапанный.

— Батрак не дурак, не станет работать «за так».

* * *

— Муж на стороне, а жена и в поле, и на дворе.

— Проводила на работу, нажила себе заботу.

— Сама хозяйка, сама и работница.

— Бабьих рук на все дела хватает.

— Вставай до света, все будет приспето.

— Бабье дело такое — ни отдыха, ни покою.

— Добрая пряха всю семью оденет.

— Были бы руки, а рукава будут.

— Дети при матке, как за клушкой цыплятки.

— Материнской ласки про всех детей хватит.

Из записей А. П. Анисимовой в селах Ульяновской области. 1905—1925 гг.

СКОРОГОВОРКИ

— От топота копыт пыль по полю летит.

— Карл украл у Клары коралл.

— Раз—дрова, два—дрова, три—дрова, четыре—дрова.

— Сшит колпак не по-колпаковски, сбит пятак не по-пятаковски. Кто колпак переколпакует, кто пятак перепятакует? Я колпак переколпакую, я пятак перепятакую.

Записала Е. К. Медянцева.

— Прошел протопоп, за протопопом поп Прокоп, за попом Прокопом — прокопенята.

— Рыла, рыла свинья тупорыла, полдвора рылом изрыла.

— Сшит колпак не по-колпаковски, надо колпак переколпаковать. Кто колпак переколпакует, тому пол-колпака гороху.

— Просыпал Прокошка проса пол-лукошка, собрал Прокошка полтора лукошка.

— Вёз Пров воз дров, не довёз дрова до двора — за два двора до Провова двора рассыпались дрова.

— Лапти лыковые, лыки липовые.

— В городе не до́роги, а в приго́роде — втри́дорога.

— Враль врал, врал, зарвался, да и совсем заврался.

Из записей А. П. Анисимовой.

О СОБИРАТЕЛЯХ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Для сборника «Песни и сказки» представили свои записи:

Архангельская В. К. — фольклористка. Гор. Саратов.

Павлова В. Ф. — фольклористка. Гор. Казань.

Джога И. М. — подполковник, собиратель пословиц. Красноярский край.

Ролланд А. М.—учительница-пенсионерка. Ульяновская область.

Голубев Б. Н. — преподаватель Пензенского музыкального училища.

Прохоров Е. А. — учитель-пенсионер. Село Б. Вьясс, Пензенской области.

Медянцева Е. К. — руководитель хора села Михайловки Лунинского района Пензенской области.

Смирнова М. П. — писательница. Село Русский Ишим Городищенского района, Пензенской области.

Данилов Г. П. — учитель. Село Бикмурзино Пензенской области.

Галкина М. И. — работница книготорга. Гор. Пенза.

Воробьев В. А. — рабочий. Гор. Пенза.

Блинков А. Н. — пенсионер. Гор. Пенза.

Буйлов В. М. — пенсионер. Село Куракино Пензенской области.

Васягин М. Г. — Гор. Мокшан Пензенской области.

Шестаченко П. М. — рабочий. Узб. ССР, Сыр-Дарья.

Сорокин П. Е. — колхозник. Село Дмитриевка Нечаевского района, Пензенской области.

Пензин В. П. — студент. Гор. Пенза.

Караулов В. — учащийся С. Ш. Пачелмский район, Пензенской области.

Рыбалов Ю. — селькор. Село Куракино Пензенской области.

Бокова З. А. — машинистка книгоиздательства. Гор. Пенза.

Гастев С. Н. Село Лебедевка Пензенской области.

Анисимова А. П. — писательница. Гор. Пенза.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Анисимова. Родное слово 3
Колыбельные баутки 9
Забавушки 12

Детские игры

Игра в «коршуна» 19
Игра в ловилки 20
Считалочки 21
Городские считалочки 24

Встреча весны

Жаворонки, прилетите 28
Песенки о дожде 31
Разные приговорки 32
Б. Голубев. Песни в Городищенском районе. 35

Песни

Боярыни, мы до вас пришли 46
Посеяли девки лен 48
Кудрявчик 50
Как у наших у ворот 50
Зеленая рощица 51
Рассизой орел 52
Вышел Ваня за ворота
Пала, пала погодушка 53
Со вечера затуманилось
Ой ты, бабочка молоденькая 54
Уж ты, милая хорошая моя 55
Снежки белые пушисты 56
Где мой милый скрылся 57
Как по улице Стрелецкой
Про Дунюшку люди бают 58
Затопила млада печку 59
Не хмельна брага была 60
Посылала мужа женка 61
Это што у те, Катюша 62
Как во поле полюшке 64

Разоренная дороженька
Оседлаю я коня 65
За лесом солнце воссияло
Вдоль по линии кавказской 66
Не вейтеся, чайки, над морем 67
А. Анисимова. О частушках и припевках 68

Припевки

Волжские «матани» 70
Самарская «матаня» 74
«Матаня» тальяночная 76
Кабы знала — в речке лед 77
Я не травка, не посохну 81
Я девчоночка отлет 82
За рекой Сердобой 88
Горы с перекатами 89
По Тюменочке ходили 91
Саратовские современные частушки 94
Плясовые прибаски 99
Саратовские плясовые приговорки 107

Народные загадки

Стоит дерево 110

Сказки

Про кота Фанасия 125
Баран крутые рога 126
У деда была дочка 128
Как бык дом строил 132
Кузнец и мышка 136
Солдат чертей не боится 138
Про двух домовых 141
Солдат и царь 146
Про кукушку 148
Побасенки 150
Илля и Малля (чувашская) 152
Похождение Алдара (татарские) 156

Из рассказов о прошлом

О селе Шемышейка 159
Половина воли 160
Бурлаки 163
Первая борозда 164

Пословицы и поговорки

Был бы ум, будет и разум 167
Шуточные приговорки 177
Поживешь подольше, узнаешь побольше 180
Не верь сказу, верь своему глазу 183
Не имей сто друзей 185

Была бы основа, а уток будет 186
Пословица зря не молвится . 187
В тайге живем, а не медведями слывем 191
Чувашские пословицы 194
Сравнения-поговорки . . 196
Старые пословицы об охотниках и батраках 201
Скороговорки 202
О собирателях народного творчества

ПЕСНИ, СКАЗКИ

(Сборник)

Составитель А. Анисимова

Редактор А. Васильев.
Художественный редактор П. Милосердов.
Технический редактор Е. Воронкова. Корректор А. Храмова.

Сдано в набор 14/VI—1962 г. Подписано к печати 21/IX—1962 г.
Формат 84×108 1/32. Объем: п. л. 6,375, услов. печ. л. 10,455.
Тираж 5000. ФЛ01759. Изд. № 75.
Пензенское книжное издательство
Пенза, улица Кирова, 65.

Заказ 6699. Типография издательства «Пензенской правды»
Цена 52 коп.

Цена 52 коп.